

ДИАНА ГЭБЛДОН

Огненный крест



История, ставшая
культовым сериалом «Чужестранка»

Чужестранка. Сериал по романам
Дианы Гэблдон в одном томе

Диана Гэблдон
Огненный крест

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Гэблдон Д.

Огненный крест / Д. Гэблдон — «Эксмо», 2001 — (Чужестранка. Сериал по романам Дианы Гэблдон в одном томе)

ISBN 978-5-04-185082-1

История великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире и стала культовым сериалом «Чужестранка». Долгожданное счастье в семье Фрэзеров омрачает зарождающаяся гражданская война. Заклятый враг хочет отнять земли, разрушив покой и мир в их семье. Фрэзерам придется противостоять не только врагу, но и внезапно разбушевавшейся стихии. Клэр и Джейми должны сохранить любовь, которую они пронесли сквозь века и расстояния. Смогут ли они преодолеть новые испытания? «Это невероятное приключение, написанное на холсте, исследует сердце, взвешивает душу и измеряет человеческий дух через столетия». – CNN

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-185082-1

© Гэблдон Д., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Книга 1	8
Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	47
Глава 5	51
Глава 6	56
Глава 7	67
Глава 8	72
Глава 9	78
Глава 10	82
Глава 11	87
Глава 12	92
Глава 13	101
Глава 14	126
Глава 15	129
Глава 16	132
Глава 17	135
Часть 2	139
Глава 18	139
Глава 19	154
Глава 20	159
Глава 21	169
Глава 22	172
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Диана Гэблдон Огненный крест

Diana Gabaldon

THE FIERY CROSS

Copyright © 2001 by Diana Gabaldon

© 2001 by Diana Gabaldon

© Mimadeo, elementals, Marek Masik, retofuerst, Banana Republic images, traffico /
Shutterstock.com

© Н. Гавва, Е. Парахневич, К. Гусакова, Ю. Сергеева, М. Стрепетова, перевод на русский
язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

* * *



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Чужестранка

Стрекоза в янтаре

Путешественница

Барабаны осени

Огненный крест

Дыхание снега и пепла

Эхо прошлого

Написано кровью
моего сердца

ДИАНА
ГЭБЛДОН
Огненный крест



Москва
2022

*Эта книга посвящается
моей сестре, Терезе Гэблдон,
вместе с которой мы рассказывали первые истории*

Книга 1

Священный союз

Часть 1

In medias res¹

Глава 1

Солнышко на свадьбе – добрая примета

*Гора Геликон,
королевская колония Северная Каролина
Конец октября 1770 года*

Я проснулась под шорох дождя, барабанившего по навесу. На мгновение почудилось, будто меня разбудил поцелуем мой первый муж. Рука тут же метнулась к губам – то ли удержать мимолетное ощущение, то ли поскорей его спрятать. Кто знает...

Рядом заворочался Джейми, забормотал во сне, и от накрытых пледом кедровых ветвей, служивших нам постелью, поднялась волна густого древесного аромата. Наверное, призраки из прежней жизни потревожил нас обоих. Я сердито нахмурилась, глядя из-под навеса в пустоту.

«Уходи, Фрэнк».

Снаружи было еще темно, однако над влажной землей вился серебристый туман; до рассвета оставалось совсем немного. И хотя все вокруг по-прежнему крепко спали, мне никак не удавалось стряхнуть с себя знакомый насмешливый взгляд, легкий, словно едва ощутимое прикосновение.

«Разве ты не пригласишь меня на свадьбу нашей девочки?»

Казалось, слова мне нашептывал далекий голос, или они просто всплыли из глубин подсознания, как тот поцелуй. Я уснула, размышляя о предстоящем празднике, – неудивительно, что во сне мне тоже привиделась свадьба. И первая брачная ночь.

К утру муслиновая сорочка сбилась и перекрутилась вокруг талии, и я принялась расправлять ткань, льнущую к разгоряченной коже. Что же мне снилось, от чего так бросало в жар? Никаких подробностей, только смутные ощущения. Может, оно и к лучшему.

Я перевернулась на шуршащих ветках и придвинулась к теплому боку Джейми. От него пахло костром, виски и другим, едва различимым запахом – сонным, терпким, мужским, как последний гулкий отзвук в мелодии. Я медленно потянулась, прижимаясь к Джейми бедрами. Если он все еще спит или не в настроении, то не заметит моего ненавязчивого намека, а если заметит...

Джейми заметил. Слабо улыбнулся, не открывая глаз, неторопливо огладил меня по спине широкой ладонью и по-хозяйски положил руку на ягодицу.

– М-м-м? – промычал он. – Хм-м-м.

Вздохнул и снова погрузился в сон. Рука, впрочем, осталась на том же месте.

Я придвинулась еще ближе и окончательно успокоилась. Одного прикосновения Джейми хватило, чтобы прогнать ночные грезы. Да и кроме того, Фрэнк – если это и вправду был он –

¹ В середине дела (лат.).

говорил чистую правду. Бри непременно позвала бы на свадьбу обоих своих отцов, будь у нее такая возможность.

С меня уже слетели остатки сна, но двигаться не хотелось. Снаружи продолжал накрапывать дождь; в такое промозглое утро даже отдаленная перспектива горячего кофе казалась куда менее заманчивой, чем уютный кокон из теплых пледов. Ради кофе придется идти к ручью за водой, разводить костер – господи, хворост наверняка промок, даже если угли еще не погасли, – молоть зерна, а потом долго колдовать над котелком. И все это время мокрая трава будет хлестать меня по ногам, а капли с деревьев – падать прямо за шиворот.

Зябко поевшись, я натянула плед повыше и снова принялась размышлять о свадьбе.

Угощение, выпивка... К счастью, тетушка Джейми, Иокаста, возьмет все хлопоты на себя – точнее, все хлопоты возьмет на себя ее чернокожий дворецкий, Улисс. С гостями тоже никаких забот. У нас здесь самое большое сборище шотландских горцев в Колониях – кто же из них по доброй воле пропустит пирушку, где можно поесть и выпить за чужой счет? Официальные приглашения не понадобятся.

У Бри наконец-то будет новое платье, тоже подарок от Иокасты. Из темно-синей шерсти, потому что шелк – слишком дорогая и непрактичная ткань для жителей лесного захолустья. Конечно, раньше я представляла свадьбу Бри совсем иначе: невеста в белом атласе, с цветами в волосах... Увы, в шестидесятых никто и помыслить бы не мог о таком браке.

Интересно, а что сказал бы Фрэнк про мужа Брианны? Наверняка одобрил бы; ведь Роджер был историком, как и он сам. Умный, неунывающий человек, талантливый музыкант и джентльмен, глубоко преданный Брианне и маленькому Джемми.

«Что само по себе заслуживает уважения, – подумала я, бросив укоризненный взгляд в сторону тумана, – учитывая текущие обстоятельства».

«Вот как? Ты все-таки отдаешь должное его поступку?» – Полный иронии голос прозвучал у меня в ушах, словно Фрэнк был рядом и посмеивался над нами обоими.

Джейми нахмурился, крепче ухватил меня за ягодицу и сердито запыхтел во сне.

«Сам знаешь, – мысленно отрезала я. – Я всегда его уважала. Так что просто отвяжись».

Я решительно отвернулась и положила голову Джейми на плечо, прижимаясь щекой к мягкой сорочке.

В отличие от меня – или, скорее, Фрэнка, – Джейми не видел ничего великодушного в том, что Роджер принял сына Брианны как родного. Для него это был вопрос долга и чести; порядочный мужчина просто не мог поступить иначе. Я знала, что Джейми одолевают и другие сомнения: вдруг Роджер не сумеет прокормить и защитить свою семью в диких лесах Каролины? Конечно, он высок, ладно скроен и не обделен смекалкой, но «шляпа, пояс и меч» для Роджера оставались красивыми словами из старинных баллад, а не верными орудиями любимого ремесла.

Вдруг рука на моей ягодице резко сжалась.

– Саксоночка, – сонно пробормотал Джейми, – ну что ты крутишься, как лягушка в кулаке? По нужде приспичило?

– Ой, ты не спишь!

– Уже нет, – вздохнул Джейми, убрал ладонь с моего зада и со вкусом потянулся. Из-под пледа выглянули голые ступни с широко растопыренными пальцами.

– Извини. Не хотела тебя будить.

– Не переживай, – отмахнулся он. Откашлялся, запустил пятерню в рыжие космы, похлопал ресницами. – Такие сны снились, жуть. Вот что бывает, если замерзнуть в постели.

Он приподнял голову и неодобрительно покосился на свои голые ноги.

– И зачем я снял чулки?

– Что тебе снилось? – осторожно поинтересовалась я, втайне надеясь, что наши сны не совпадают.

– Лошади, – ответил Джейми.

Я с облегчением рассмеялась.

– Кошмар про лошадей? Что же в них такого страшного?

– Сплошной ужас. – Он потер глаза кулаками и потряс головой, сгоняя остатки сна. – Все из-за ирландских королей. Знаешь, что вчера рассказывал Маккензи?

– Ирландских коро... А! – Я вспомнила, о чем он говорил, и снова рассмеялась. – Да, знаю.

Накануне Роджер, светясь от гордости по поводу своей помолвки, долго развлекал компанию у костра разными песнями, стихами и историческими анекдотами, в том числе и про ритуалы коронации древних ирландских монархов. Согласно одному из них, успешный претендент на королевское звание должен был прилюдно совокупиться с белой кобылой – предположительно, чтобы доказать подданным свою мужскую силу. Хотя лично я была склонна считать, что это больше похоже на проверку самообладания.

– Я должен был привести им лошадь, – сообщил Джейми, – но все пошло наперекосяк. Этот будущий король оказался слишком мелким, и мне пришлось искать ему какую-нибудь приступку. Нашел камень, но не смог сдвинуть с места. Потом отыскал скамейку – она развалилась у меня в руках. Потом попытался сложить помост из кирпичей – они раскрошились в пыль. В конце концов подданные сказали, что они разберутся сами и просто отрежут кобыле ноги, а будущий король, пока я пытался их отговорить, дергал себя за штаны и ныл, что никак не может расстегнуть пуговицы. Потом кто-то заметил, что кобыла не белая, а черная и это вообще никуда не годится.

Я фыркнула, уткнувшись лицом в его рубашку, чтобы не разбудить соседей.

– Тут-то ты и проснулся?

– Нет. Почему-то я страшно обиделся за кобылу. Сказал им, что она вполне подходит и что черные лошади гораздо лучше белых, потому что у белых лошадей слабые глаза и жеребенок может родиться слепым. Они в ответ твердили, что черная кобыла – к несчастью, а я доказывал, что нет... И...

Он кашлянул.

– И?

Джейми пожал плечами и отвел взгляд. Шея у него слегка покраснела.

– Ну так вот... Я сказал, что кобыла отличная. И что я сейчас им всем покажу, как надо. Ухватил ее сзади покрепче, чтоб не дергалась, и уже собрался... кхм... стать королем Ирландии. Вот тут-то я и проснулся.

Я фыркнула, давась от хохота; бок Джейми тоже вздрагивал от смеха.

– Ох, прими мои извинения! Такой сон спугнула. – Я утерла глаза уголком пледа. – Огромная потеря для Ирландии. Но мне все-таки интересно, что об этом ритуале думали ирландские королевы, – задумчиво добавила я.

– А чего им думать? Лошади с дамами не идут ни в какое сравнение, тут можно не беспокоиться. Хотя слышал я про удалцов, которые предпочитали...

– Я не об этом! А как же гигиена? Сам понимаешь, одно дело – запрягать телегу впереди кобылы. Но вот кобылу впереди королевы...

– Телегу? А, хм, ясно. – Джейми и так уже покраснел от смеха, после этих слов румянец на его щеках стал еще ярче. – Что бы ты ни говорила про ирландцев, саксоночка, я все равно считаю, что они хоть изредка да моются. А уж при таких обстоятельствах королю наверняка бы понадобился кусок мыла в... в...

– In medias res? – вставила я. – Навряд ли. В конце концов, лошади – довольно крупные животные...

– Дело тут не столько в тесноте, сколько в готовности, саксоночка, – Джейми укоризненно взглянул на меня. – В такой обстановке любому мужчине потребуется небольшое поощрение. И это всегда будет *in medias res*. Ты что, Горация не читала? И Аристотеля?

– Не всем же быть такими образованными. Не хотелось мне тратить время на Аристотеля. Хватило его классификации животного мира, в которой женщины оказались на пару ступенек ниже червей.

– Сразу видно, что у него не было жены. – Пальцы Джейми скользнули вверх по моей спине, перебирая позвонки сквозь тонкую ткань рубашки. – Иначе заметил бы, что вы куда костячее червяков.

Я улыбнулась и погладила его по острой бледной скуле над рыжей щетиной.

Снаружи начинало светать; голова Джейми темным силуэтом маячила на фоне навеса, но лицо было хорошо различимо. Обжигающий взгляд напомнил мне о том, зачем Джейми снял чулки, укладываясь спать, – хотя после долгого празднования мы оба так измотались, что просто уснули в обнимку.

Запоздалое воспоминание почти прогнало тревогу: стало ясно, почему сорочка так сбилась за ночь и откуда взялись странные сны. Но тут к нам под плед проник ледяной сквозняк, и по коже побежали мурашки. Все-таки Фрэнк с Джейми были совсем разными, и я точно знала, кто целовал меня в утренних грезах.

– Поцелуй меня, – внезапно велела я Джейми. Зубы мы еще не чистили, но он послушно скользнул губами по моим губам, а когда я притянула его поближе, приподнялся на одной руке, чтобы расправить сбившийся в ногах плед.

– Даже так? – улыбнулся он, когда я наконец убрала ладонь с его затылка. Голубые глаза сощурились в полумраке. – Я не против, саксоночка. Только сначала надо сходить кое-куда.

Джейми отбросил плед и встал с постели. Снизу мне открылся необычайный вид с увлекательной перспективой, полускрытой под длинным подолом сорочки. Оставалось надеяться, что эта перспектива не имела никакого отношения к кошмару про лошадей. Но тут уж лучше не спрашивать.

– Не задерживайся, – сказала я. – Светает, соседи скоро проснутся.

Он кивнул и выскользнул наружу. Я лежала, прислушиваясь. Вдалеке раздавались слабые крики птиц, но осень есть осень: такого оглушительного утреннего гомона, как летом и весной, сейчас не дождешься даже после рассвета. Лагерь еще спал, хотя с разных сторон уже начали доноситься первые, едва слышные шорохи.

Я взбила волосы пальцами и перекатилась на живот, ища флягу с водой. В спину дохнуло холодом – я обернулась, но ничего не увидела; туман уже растаял, утро казалось спокойным и серым.

Золотое кольцо вернулось на свое законное место прошлой ночью, однако по-прежнему казалось чужеродным и непривычным. Все-таки слишком много времени прошло. Может, кольцо и стало причиной, по которой Фрэнк посетил мои сны. Может, сегодня на свадебной церемонии я вновь прикоснусь к золотому ободку в надежде, что он сумеет увидеть, как счастлива его дочь. Но пока что Фрэнк рядом не было, и я радовалась своей удаче.

Откуда-то донесся звук, слабый, как далекие птичьи крики. Тихонько захныкал ребенок спросонья.

Раньше я считала, что, как бы ни сложилась судьба, на супружеском ложе места хватит только двоим. Я и теперь так думала, но одно дело – призрак старой любви и совсем другое – чужой ребенок. На ложе Брианны и Роджера всегда будет присутствовать третий, и с этим ничего не поделать.

Край навеса приподнялся, и внутрь заглянул Джейми. Вид у него был взволнованный и тревожный.

– Вставай-ка, Клэр, – сказал он. – У ручья собрался отряд солдат. Где мои чулки?

Я резко села на постели. Издалека от подножия горы донесся раскатистый барабанный бой.

* * *

В низинах клубился холодный туман; косматое облако опустилось на вершину Геликона, как наседка на яйцо, и воздух потяжелел от влаги. Я сонно шурилась, разглядывая берег ручья, где во всем своем блеске выстроилось подразделение 67-го хайлендского полка: барабаны гремели не умолкая, а волынщик гордо раздувал щеки, не обращая внимания на дождь.

Я страшно замерзла и была зла. Предполагалось, что день будет складываться совершенно иначе: сначала горячий кофе и плотный завтрак, потом две свадьбы, трое крестин, две операции по вырыванию зубов и одна по удалению ногтя и прочие увлекательные общественные дела, при выполнении которых нельзя обойтись без виски.

Вместо этого мне снились странные сны, а потом меня выдернули из постели в самом разгаре любовных утех – *in medias res*, черт бы его побрал! – и заставили слушать какое-то официальное объявление. Под холодным дождем, без кофе.

Горцы медленно стягивались со всего лагеря, неторопливо брели по склону, и волынщик успел изрядно покраснеть, выводя призывный сигнал. Наконец он надул щеки в последний раз и закончил очередную трель немелодичным сипением. Не успело затихнуть эхо, как лейтенант Арчибальд Хэйз вышел и встал впереди строя.

Лейтенант говорил с гулким фэйфским акцентом, и ветер дул ему в спину. Но те, кто стоял выше на склоне, все равно ничего толком не слышали. Зато у подножия, всего в двадцати ярдах от ручья, я различала каждое слово, несмотря на громкий стук собственных зубов.

– Указ его превосходительства Уильяма Триона, эсквайра, генерал-капитана Его Величества, губернатора и главнокомандующего нашей провинции, – читал Хэйз. Ему приходилось изрядно поднапрячь легкие, чтобы перекрыть шум ручья и гомон толпы.

Деревья и скалы увязали в густом тумане, с неба сыпался ледяной дождь пополам со снегом, порывистый ветер пробирал до костей. Левая нога напоминала о себе тупой болью – ныл старый сросшийся перелом. Тот, кому по душе красивые метафоры и мрачные предзнаменования, мог бы провести очевидные параллели между унылым ненастьем и губернаторской прокламацией: перспективы в обоих случаях открывались зловещие.

– До меня дошли сведения, – вещал Хэйз, сурово глядя на толпу поверх документа, – о неслыханных событиях, имевших место 24-го и 25-го числа прошлого месяца в городе Хиллсборо, где во время заседания Верховного окружного суда состоялось собрание бунтарей и иных возмутителей общественного порядка с целью протеста против справедливых действий правительства; в нарушение закона своей страны вышеупомянутые лица атаковали члена Королевского суда, находившегося при исполнении обязанностей, причинили разнообразные увечья гражданам, присутствовавшим во время заседания, а также нанесли неисчислимое множество оскорблений правительству Его Величества, верша бесчинства над жителями упомянутого города и их имуществом, провозглашая тосты во славу Претендента и проклиная своего законного суверенного короля Георга...

Хэйз остановился, чтобы перевести дух перед следующим пассажем. Шумно втянул воздух и продолжил:

– ...и дабы предать суду злоумышленников, связанных с этими возмутительными деяниями, с одобрения совета Его Величества я издаю настоящую прокламацию, согласно которой все мировые суды обязаны провести надлежащее расследование вышеизложенных преступлений и получить показания под присягой ото всех лиц, располагающих сведениями об указанных событиях; полученные сведения надлежит передать мне для предоставления Генеральной

ассамблее в Нью-Берне 30-го числа следующего месяца, а до тех пор ассамблея считается распущенной с целью незамедлительного разрешения общественных вопросов.

Последний глубокий вдох. Лицо Хэйза по цвету могло соперничать с лицом волынщика.

– Издано за моей подписью и скреплено печатью провинции в Нью-Берне 18 октября на десятый год правления Его Величества, 1770 год от Рождества Христова. Подписано Уильямом Трионом, – завершил свою речь Хэйз, выдохнув целое облако пара.

– Знаешь, – сказала я Джейми, – по-моему, это было одно предложение, не считая концовки. Такое не всякому политику по зубам.

– Тише, саксоночка, – ответил он, по-прежнему не отводя глаз от Арчи Хэйза. За нашими спинами увлеченно и сосредоточенно гудела толпа, кое-где раздавались сдержанные смешки по поводу крамольных тостов.

Многие из собравшихся здесь шотландцев отправились в колониальную ссылку после восстания Стюарта, и если бы Арчи Хэйз решил донести до своего начальства все те разговоры, которые велись накануне вечером за стаканчиком доброго эля и виски... С другой стороны, у Арчи было всего четыре десятка солдат, так что свое мнение о короле Георге и проклятиях, посылаемых в его адрес, он мудро держал при себе.

На зов барабанов к маленькому плацдарму на берегу ручья пришли четыре сотни горцев. Мужчины и женщины укрывались от непогоды под деревьями, кутались в пледы и арисэды. Судя по тому, как застыли лица под беретами и раздуваемыми ветром шарфами, они тоже предпочитали не высказывать своих мыслей вслух. Разумеется, причиной тому могла служить не только разумная осмотрительность, но и ледяной дождь. От холода у меня онемели щеки и кончик носа, а ног я не чувствовала с самого рассвета.

– Любой, кто желает сделать заявление касательно этого вопроса, может обратиться ко мне, – объявил Хэйз, сохраняя невозмутимое выражение лица, как и полагалось представителю власти. – Сегодня я буду принимать посетителей у себя в шатре до самого вечера. Боже, храни Короля!

Он вручил прокламацию капралу, поклонился напоследок толпе и лихо повернулся к огромному шатру, установленному у самой кромки леса. Рядом с шатром на ветру трепетали полковые знамена.

Я поежилась от холода и ухватила Джейми под локоть, просунув руку в разрез его плаща; пальцам тут же стало тепло. Джейми на секунду прижал локоть к боку, отвечая на мое ледяное прикосновение, однако головы не повернул. Щурясь от ветра, он провожал взглядом удаляющуюся спину Арчи Хэйза.

Лейтенант был человеком невысоким и коренастым, но, несмотря на маленький рост, вид имел внушительный и двигался к своей цели так, будто бы вовсе не замечал окружавшей его толпы. Он скрылся в глубине шатра и оставил вход открытым для всех желающих.

Уже не в первый раз я, против собственной воли, подивилась политическому чутью губернатора Триона. Прокламацию читали по всем городам и деревушкам колонии, и перед горским сборищем его гневное послание мог бы озвучить любой местный судья или шериф. Но губернатор поручил это Хэйзу.

В возрасте двенадцати лет Арчибальд Хэйз наравне с отцом сражался при Куллодене. Получив ранение, он попал в плен и был отправлен на юг, где ему предложили выбор: уехать в ссылку или поступить на королевскую службу. Арчи выбрал армию и с тех пор трудился не покладая рук. Когда он стал офицером, ему еще не исполнилось сорока; по тем временам это было довольно необычным делом, поскольку офицерское звание чаще покупали, а не зарабатывали честной службой.

Арчи умел располагать к себе собеседников и был настоящим мастером своего дела. Накануне вечером мы пригласили его отужинать с нами. Сначала он долго разговаривал

с Джейми, а потом начал переходить от костра к костру, знакомясь с главами всех важных семейств, присутствовавших на Сборе.

Интересно, чья это была идея? Я задумчиво посмотрела на Джейми. Длинный прямой нос покраснел от холода, глаза прищурены, лицо невозмутимое – никак не угадать, что творится у него в голове. Явный признак того, что затевается какая-то опасная авантюра. Неужели он знал о прокламации заранее?

Если бы такую новость принес английский офицер, командующий отрядом английских солдат, его призыв вряд ли бы нашел отклик в сердцах нашего сборища. Хэйз с облаченными в тартан бойцами – совсем другое дело... Я заметила, что его шатер поставили у густой сосновой рощи, чтобы все желающие побеседовать с лейтенантом без лишних свидетелей могли подойти к нему незаметно.

– Хэйз всерьез думает, что виновные гурьбой побегут сдаваться прямо на месте? – пробормотала я. Среди собравшихся здесь я могла назвать не меньше дюжины удальцов, которые отметились в Хиллсборо; трое из них стояли на расстоянии вытянутой руки от нас.

Джейми проследил за моим взглядом и сжал мою ладонь, призывая к осторожности. Я сердито нахмурилась: похоже, он решил, что я могу ненароком кого-нибудь выдать. Джейми в ответ одарил меня одной из своих красноречивых улыбок: «Саксоночка, ну ты же прекрасно знаешь – у тебя все на лице написано».

Я придвинулась и украдкой пнула его по лодыжке. На лице-то, может, и написано, но в такой толпе ничего не заметно!.. Джейми даже не поморщился, только улыбнулся чуть шире. Просунул руку мне под плащ и прижал к себе.

Хобсон, Макленнан и Фаулз стояли прямо перед нами, тихонько переговариваясь. Все трое жили в маленькой деревушке под названием Дранкард-Крик, примерно в пятнадцати милях от Фрейзер-Риджа. Хью Фаулз приходился Джо Хобсону зятем, и на вид юноше было не больше двадцати лет. Пока Хэйз читал прокламацию, он изо всех сил старался сохранять невозмутимость, но страшно бледнел и обливался потом.

Никто не знал, как Трион обойдется с бунтарями, чью вину удастся доказать, но я чувствовала, что в толпе начинает бродить тревога, – так бурлит вода, если течение ручья напавывается на скалы.

В Хиллсборо было разрушено несколько зданий, чиновников выволакивали на улицу и нещадно колотили. Ходили слухи, что одному мировому судье выбили глаз метким ударом хлыста. Услыхав о таких вопиющих случаях гражданского неповиновения, главный судья Хендерсен выбрался из дома через окно и покинул город, тем самым нарушив все планы на дальнейшее заседание. Ни у кого не возникало сомнений в том, что губернатор крайне недоволен случившимся.

Джо Хобсон покосился на Джейми и тут же отвел глаза: присутствие лейтенанта Хэйза у нашего костра не осталось незамеченным.

Джейми не обратил на него внимания, только пожал плечами и наклонился ко мне.

– Хэйз и не ждет, что народ пойдет к нему с повинной. Его долг – задать нам вопрос. Слава богу, отвечать я не обязан.

Джейми говорил вполголоса, но так, чтобы Хобсон его слышал. Тот обернулся и едва заметно кивнул, криво усмехаясь. Потом тронул зятя за плечо, и они принялись карабкаться вверх по склону – к своему лагерю, туда, где вокруг костров сутились женщины с маленькими детьми.

Настал последний день Сбора, время для венчаний и крестин, когда любовные союзы и их обильные плоды, появившиеся на свет за прошедший год, наконец получают церковное благословение. Прозвучат последние песни, среди ярких костров спляшут последние танцы – хоть в дождь, хоть в бурю. А утром семьи отправятся по домам, разбросанным на огромных

просторах от реки Кейп-Фир до диких горных кряжей на западе. Вести о губернаторской прокламации и волнениях в Хиллсборо расползутся по всей колонии.

Я пошевелила пальцами в промокших ботинках, размышляя о том, что некоторые из собравшихся могут откликнуться на призыв Хэйза и выступить с чистосердечными признаниями и изобличениями. Джейми, конечно, так делать не станет. А вот другие – вполне. За прошедшую неделю здесь частенько звучали хвастливые речи о восстании в Хиллсборо, и далеко не все были склонны считать бунтарей героями.

В толпе начали обсуждать прокламацию; головы склонялись друг к другу, семьи сбивались тесными кучками, мужчины переходили от группы к группе, речь Хэйза передавали из уст в уста для тех, кто стоял слишком далеко и ничего не слышал.

– Может, пойдем? Еще столько хлопот перед свадьбой.

– Да? – Джейми покосился на меня. – А я думал, что о еде и напитках будут хлопотать рабы Иокасты. Отдал Улиссу бочки с виски. Из него выйдет отличный soghan.

– Из Улисса? А парик он с собой захватил? – Я невольно улыбнулась. Словом «soghan» называли человека, который распоряжался выпивкой и закусками на горской свадьбе; в переводе оно означало «добряк и весельчак». Улисс держался с редкостным достоинством и выглядел очень степенно – даже без ливреи и напудренного парика.

– Может, и захватил, да только к вечеру этот парик прилипнет к его макушке. – Джейми посмотрел на тяжелые облака, покачал головой и глубокомысленно отметил: – Хорошая примета, если на свадьбе солнышко, а похороны в дождь.

– Люблю шотландцев, – ехидно сказала я, – у вас на все случаи жизни найдется подходящая поговорка. Даже не думай повторять это в присутствии Бри.

– Саксоночка, да за кого ты меня держишь? – Он изобразил возмущение. – В конце концов, я ее отец!

– Это уж точно.

Я прогнала непрошеное воспоминание о втором отце Брианны и оглянулась по сторонам: вдруг она нас услышит?

Но поблизости не было никаких признаков огненно-рыжей макушки. Брианна, как и Джейми, отличалась немалым ростом и сразу выделялась в толпе.

– У меня полным-полно дел помимо свадьбы, – сказала я, разворачиваясь к Джейми спиной. – Надо разобраться с завтраком, а потом провести утренний прием пациентов с Мюрреем Маклаудом.

– Да? Ты же говорила, что малютка Мюррей шарлатан.

– Я говорила, что он упрямый невежа и представляет собой угрозу для здоровья своих пациентов. Это не совсем одно и то же.

– Н-да, не совсем, – усмехнулся Джейми. – Хочешь обучить его всем премудростям – или сразу отравишь?

– Там видно будет. На крайний случай просто нечаянно наступлю на его ланцет. С половым инструментом Маклауд вряд ли сможет пускать кровь всем подряд. Пойдем скорей, я совсем замерзла!

– Да, пойдем, пойдем... – Джейми покосился на солдат, все еще державших строй вдоль берега. – Я смотрю, малыш Арчи оставил своих ребят караулить, пока толпа не разойдется. Скоро совсем посинеют, бедняги.

Солдаты, несмотря на полное обмундирование и оружие, слегка расслабились и уже не стояли навытяжку. Между ними носились малыши – девчонки не отставали от мальчишек, – норовя задрать подолы килтов или, расхрабрившись, хоть кончиком пальца потрогать блестящие ружья, походные фляги и рукоятки кинжалов и палашей.

– Авель, дружище! – Джейми остановился поздороваться с последними горцами из Дранкард-Крик. – Ты успел позавтракать?

Макленнан приехал на Сбор без жены, поэтому питался чем бог пошлет. Все уже расходились к своим кострам, а он упорно стоял под дождем, прикрывая лысеющую макушку красным фланелевым платком. Наверное, хотел напроситься к кому-то на завтрак, цинично решила я.

Потом бросила оценивающий взгляд на его приземистую фигуру: сколько такому понадобится яиц, хлеба и овсянки? Наши запасы провизии подходили к концу, но нехватка еды никогда не была помехой для горского гостеприимства – и уж тем более для Джейми, который как раз приглашал Макленнана на завтрак. Я мысленно разделила восемнадцать яиц на девять человек вместо восьми. Значит, жареные яйца отпадают; придется натереть картошки и испечь оладий. И по дороге к лагерю попросить у Июкасты еще кофе.

Едва мы направились к стоянке, как рука Джейми опустилась мне аккуратно пониже спины. От неожиданности я взвизгнула, и Авель Макленнан с любопытством вытаращил на меня глаза. Я одарила его радостной улыбкой, подавив желание пнуть Джейми еще раз.

Макленнан снова отвернулся и шустро припустил вверх по склону, только пола накидки подпрыгивала над истертыми бриджами. Джейми придержал меня под локоть, помогая перебраться через камни, и наклонился к самому уху.

– Саксоночка, ты совсем с ума сошла? Почему без нижней юбки? – прошипел он. – Так и от простуды помереть недолго!

– Твоя правда, – вздохнула я, передернув плечами, несмотря на теплый плащ. Под платьем у меня была тонкая и поношенная льняная сорочка – летом в такой еще можно ходить, но от зимних ветров она уже не спасала.

– Вчера у тебя была юбка из отличной шерсти! Куда ты ее дела?

– Лучше тебе не знать, – пробормотала я.

Брови у Джейми поползли вверх, однако спросить он ничего не успел: за нашими спинами раздался оглушительный крик.

– Жермен!

Я обернулась и увидела крошечную белокурую макушку, стремительно несущуюся к самым скалам. Двухлетний Жермен воспользовался тем, что внимание матери было полностью занято его новорожденной сестренкой, и рванулся на свободу – туда, где на берегу реки стояли солдаты. Увернувшись от попыток его поймать, малыш помчался вниз с устрашающей скоростью.

– Фергус! – крикнула Марсали. Отец Жермена, беседовавший с другими горцами, обернулся на ее зов. Как раз в это мгновение мальчик споткнулся и кубарем полетел вниз. Не пытаясь ни за что уцепиться, Жермен ловко приземлился на плечо и покатился по травянистому склону, как свернувшийся клубком еж. Пулей пролетел сквозь строй солдат и плюхнулся с каменистого обрыва в воду.

По толпе прокатился испуганный вздох, и несколько человек ринулись к нему на помощь. Ближе всех оказался один из солдат: он опустился на колени, зацепил Жермена штыком за одежду и потащил вымокшего проказника к берегу.

Фергус торопливо сбежал вниз и кинулся в ледяную воду, чтобы подхватить сына.

– *Merci, mon ami, mille merci beaucoup*, – сказал он, обращаясь к юному солдату. – *Et toi, garnement*, – продолжил он, слегка встряхнув отчаянно кашлявшего отпрыска. – *Comment vas-tu*, дурная твоя голова?²

Солдат уставился на Фергуса с ошарашенным видом – то ли из-за необычного в здешних краях французского говора, то ли из-за того, что вместо левой руки у него красовался блестящий металлический крюк.

– Все в порядке, сэр, – застенчиво улыбнулся он, – вроде бы цел.

² Спасибо, дружище, большое спасибо. А ты, негодник? Живой? (франц.)

Неожиданно из-за деревьев появилась Брианна с шестимесячным Джемми на плече и аккуратно забрала у Марсали крошку Джоан.

– Давай-ка ее мне, а сама иди к Жермену.

Джейми снял с себя тяжелый плащ и вручил Марсали.

– Да, и скажи солдатику, который вытащил малыша, что мы будем рады видеть его у нашего костра. Накормим еще одного, саксоночка?

– Конечно, накормим, – откликнулась я, быстро подсчитывая запасы. Восемнадцать яиц, четыре буханки черствого хлеба – нет, три, одну надо оставить на обратную дорогу, – три дюжины овсяных лепешек, если Джейми с Роджером еще их не съели, полбанки меда...

На узком лице Марсали мелькнула измученная улыбка. Она тут же поспешила к своим промокшим и дрожащим от холода мужчинам.

Джейми обреченно вздохнул ей вслед, и ветер раздул рукава его рубашки, шумно хлопнув складками ткани. Он скрестил руки на груди, стараясь укрыться от ледяных порывов, и улыбнулся мне.

– Что ж, если замерзать – так вместе, саксоночка. Все равно без тебя мне жизнь не мила.

– Ха, – ласково ответила я, – даже если ты будешь голышом ходить по льдине, Джейми Фрейзер, с тобой ничего не случится. А вот льдина, скорее всего, растает. И вообще, куда ты дел свой плед и куртку?

На Джейми не было ничего, кроме килта, нижней рубашки, чулок и ботинок. Кончики ушей и высокие скулы уже покраснели от холода, но, снова взяв мужа под руку, я почувствовала, что его бок по-прежнему пышет жаром.

– Лучше тебе не знать, – ответил он, ухмыльнувшись. Накрывл мои пальцы своей большой шершавой ладонью. – Пойдем, умираю с голоду.

– погоди, – сказала я, шагая в сторону. Маленький Джемми громко возмущался тем, что ему приходится делить мамины объятия с кем-то еще, выворачивался и вопил так, что крошечное личико под вязаной шапкой совсем покраснело. Я забрала извивающийся сверток у Брианны.

– Спасибо, мам, – улыбнулась она, пристраивая Джоан поудобнее. – Может, поменяемся? Джоанни легче его в два раза, да и ведет себя поспокойнее.

– Нет, не надо... Тише-тише, иди к бабушке.

Я улыбнулась своим словам: при мысли о том, что я могу быть чьей-то бабушкой, меня по-прежнему охватывало легкое недоверие. Джемми тут же перестал капризничать, ухватил меня за волосы пухлыми пальчиками и прижался покрепче.

Фергус стоял в промокших бриджах и чулках, накинув на плечи плащ Джейми. Одной рукой он отжимал подол рубашки и что-то говорил солдату, который вытащил Жермена из воды. Марсали сняла с себя арисэд, чтобы укутать сына; ее светлые волосы выбились из-под платка и трепетали на ветру, как невесомая паутинка.

Лейтенант Хэйз выглянул из своего шатра, будто моллюск из раковины, привлеченный шумом и суматохой. Встретился со мной взглядом. Я помахала ему, а потом направилась вслед за семьей к нашему лагерю.

Джейми помогал Брианне перебраться через камни и что-то говорил ей на гэльском.

– Да, я готова, – ответила она по-английски. – А где твоя куртка, пап?

– Одолжил твоему мужу. Негоже, чтобы жених на свадьбе выглядел голодранцем.

Бри рассмеялась, убирая с лица непослушную рыжую прядь.

– Лучше уж голодранцем, чем самоубийцей.

– Кем-кем? – спросила я, догнав их за скалами. Ветер едва не сбил нас с ног, швырнул в лицо мокрый снег пополам с мелкими камушками, и я натянула вязаную шапочку пониже на уши Джемми, а потом накинула уголок одеяла ему на голову.

– Ух! – Брианна согнулась, закрывая собой малышку. – Роджер как раз брился, когда начали бить барабаны. Едва себе горло не перерезал и залил кровью всю куртку. – Она покосилась на Джейми, щурясь от ветра. – Ты с ним уже виделся? Не знаешь, где он сейчас?

– Цел твой Роджер, не волнуйся. Я велел ему поговорить с отцом Донахью, пока Хэйз читал прокламацию. – Джейми бросил на Брианну сердитый взгляд. – Могла бы сообщить, что он не католик.

– Могла бы, – невозмутимо согласилась она. – Но не сообщила. Католик, не католик, мне без разницы.

– Если ты имеешь в виду, что его вера не имеет значения... – сердито начал Джейми, но тут появился сам Роджер во всем великолепии: килт из бело-зеленого тартана клана Маккензи и плед, наброшенный поверх жилета и куртки Джейми. Куртка пришлась ему впору – Джейми был примерно на дюйм выше Роджера, но тот не уступал ему по ширине плеч. Серая шерстяная ткань шла к его темным волосам и оливковой коже так же хорошо, как и к ярким кудрям Джейми.

– Каков красавец, – сказал я. – Где ты порезался?

Щеки Роджера слегка розовели от недавнего бритья, однако следов крови видно не было. Под мышкой он нес сверток из красно-черного тартана – плед Джейми. Передав его владельцу, Роджер склонил голову набок и показал мне глубокий порез под самой челюстью.

– Вот тут. Неглубоко, но кровь хлестала сильно. Эти бритвы не зря зовутся опасными.

Порез успел покрыться аккуратной корочкой запекшейся крови, темная полоса длиной примерно в три дюйма тянулась от челюсти к горлу. Я осторожно тронула край раны: ничего страшного, лезвие просто вспороло кожу, швы не нужны. Хотя выглядело это так, будто Роджер и вправду собирался перерезать себе горло.

– Что, руки от страха тряслись? – поддразнила я. – Передумал жениться?

– Поздно передумывать, – сухо отрезала Брианна, подходя к нам. – Ребенок должен носить имя своего отца.

– Не волнуйся, малыш без имени не останется, – ответил Роджер. – И ты тоже, миссис Маккензи.

Услышав такое обращение, Брианна слегка зарделась и улыбнулась будущему мужу. Он поцеловал Бри в лоб, забирая спеленатого ребенка из ее рук, и тут же ошарашенно уставился на неожиданно легкую ношу.

– Это не наш. – Брианна улыбнулась его испугу. – Это Джоан. А Джемми у мамы.

– Ух, бог ты мой, – выдохнул Роджер, бережно перехватывая сверток. – Я-то уж думал, что он вдруг усох.

Роджер приподнял угол одеяла, взглянул на крошечное личико и расплылся в улыбке – никто не мог остаться равнодушным при виде каштанового завитка, заливчато торчавшего у Джоан на макушке и придававшего ей сходство с игрушечным пупсом.

– Ничего подобного, – пропыхтела я, подхватывая упитанного Джемми поудобнее. Он наконец-то пригрелся и задремал. – Наоборот, пока мы поднимались в гору, этот чертенок, похоже, прибавил еще пару фунтов.

Я слегка отодвинула Джемми от себя, чувствуя, как пылает лицо от быстрой ходьбы и как взмокли растрепанные волосы на затылке.

Джейми забрал у меня малыша и уложил его на сгиб локтя, на манер футбольного мяча, придерживая голову ладонью.

– Поговорил со священником? – покосился он на Роджера.

– Поговорил, – сухо откликнулся тот, заметив скептический взгляд. – Он убедился, что я не антихрист. И если я разрешу окрестить ребенка по католическому обряду, то никаких преград для свадьбы нет.

Джейми неразборчиво хмыкнул, и я подавила улыбку. Религиозными предрассудками он, в общем-то, не страдал. Джейми приходилось сталкиваться, драться бок о бок и командовать самыми разными людьми, но новость о том, что его зять – пресвитерианец и не намерен менять веру, вызвала поток ворчливых комментариев.

Бри поймала мой взгляд и украдкой улыбнулась, по-кошачьи щуя голубые глаза.

– Не упоминать про религию заранее – мудрое решение, – тихонько пробормотала я, чтобы Джейми ничего не услышал. Они с Роджером шли впереди и по-прежнему держались довольно отчужденно, хотя строгий вид слегка портили укутанные в одеяла малыши.

Джемми неожиданно закапризничал, но дед ловко усадил его на плечо, и ребенок притих, глядя на нас круглыми глазами. Одеяло нависло у него над головой, как капюшон. Я скорчила рожицу, и Джемми беззубо улыбнулся.

– Роджер хотел рассказать, я ему запретила. Знала, что папа не станет поднимать шум, если сказать перед самой свадьбой.

Нрав своего отца Брианна изучила очень хорошо, да и по-шотландски изъяснялась довольно бойко. Она была похожа на Джейми не только внешностью и рыжими волосами – Бри унаследовала отцовское здравомыслие и способность к языкам. Однако меня по-прежнему терзало смутное беспокойство, будто я упустила из виду что-то важное про Роджера и религию...

Вскоре мы догнали шедших впереди мужчин, и до нас стали долетать обрывки их разговора.

– ...про Хиллсборо, – говорил Джейми, склонившись к Роджеру и перекрикивая ветер. – Хочет разузнать про бунтарей.

– Ну надо же! – В голосе Роджера звучало любопытство и настороженность. – Дункан Иннес наверняка заинтересуется такими новостями. Он был в Хиллсборо, когда начались беспорядки.

– Я и не знал! – Джейми явно удивился. – На этой неделе мы с Дунканом даже парой слов не перекинулись. Поговорю с ним после свадьбы... если жив останется.

Вечером Дункану предстояло венчание с тетужкой Джейми, Иокастой Кэмерон, и он не находил себе места от волнения.

Роджер обернулся к Брианне, закрывая Джоан от ветра.

– Твоя тетя сказала отцу Донахью, что свадьбу можно провести в ее шатре. Так что нам повезло.

– Бр-р-р! – Брианна втянула голову в плечи и поежилась. – Слава богу! Не хотелось бы венчаться под лесным сводом в такой день.

Словно в подтверждение ее слов, высоченный каштан обрушил охапку мокрых листьев на наши головы. Роджер слегка нахмурился.

– Эх, наверное, не такую свадьбу ты себе представляла, когда была маленькой.

Брианна подняла глаза и расплылась в широченной улыбке.

– В первый раз тоже вышло необычно. Но мне понравилось.

На смуглых щеках Роджера румянец был незаметен, а уши у него и так давно покраснели – от холода. Он хотел что-то ответить, потом наткнулся на взгляд Джейми и захлопнул рот. Вид у него был смущенный и невероятно довольный.

– Мистер Фрейзер!

Я обернулась: вслед за нами по склону холма бежал один из солдат.

– Капрал Макнейр к вашим услугам, сэр, – отрапортовал он, изрядно запыхавшись. – Лейтенант выражает вам свое почтение и просит заглянуть к нему в шатер. – Тут он заметил меня и вежливо склонил голову. – Миссис Фрейзер. Мое почтение, мэм.

– К вашим услугам, сэр! – Джейми учтиво поклонился в ответ. – Передайте лейтенанту мои извинения, я не могу выполнить его просьбу ввиду срочных дел.

Капрал вскинулся, несмотря на любезный тон Джейми. Макнейр был молод, но неглуп, и по смуглому худощавому лицу мелькнула тень понимания: отправиться в шатер к Хэйзу сразу после чтения прокламации, да еще и на виду у всего сборища, – такая идея мало кому придется по вкусу.

– Кроме вас, сэр, лейтенант пригласил к себе Фаркуарда Кэмпбелла, Эндрю Макнила, Джеральда Форбса, Дункана Иннеса и Рэндалла Лиллиуайта.

Плечи Джейми слегка расслабились.

– Вот оно как!

Значит, Хэйз решил посоветоваться с влиятельными жителями: Фаркуард Кэмпбелл и Эндрю Макнил были крупными землевладельцами и исполняли обязанности местных магистратов, Джеральд Форбс служил адвокатом и мировым судьей в Кросс-Крик, Лиллиуайт – магистратом в окружном суде. А Дункан Иннес совсем скоро женится на вдовой тетушке Джейми и станет хозяином крупнейшей плантации на западе колонии. В отличие от всех вышеперечисленных, Джейми не располагал внушительным состоянием и не был официальным представителем королевской власти, зато ему принадлежал обширный, хоть и пустой по большей части, земельный надел в далекой глуши.

Он слегка пожал плечами и пересадил малыша на другую руку.

– Что ж, тогда ладно. Передайте лейтенанту, что я зайду к нему, как только освобожусь.

Такой ответ не обескуражил капрала. Макнейр поклонился и отправился дальше – видимо, на поиски других джентльменов из своего списка.

– Зачем ему собирать вас? – спросила я Джейми. – Ой!

Я утерла подбородок Джемми от слюнок, прежде чем он успел заляпать рубашку деда.

– Кажется, у нас режутся зубки!

– Не знаю, у меня зубов достаточно, – откликнулся Джейми, – да и у тебя вроде все на месте. А вот зачем я понадобился Хэйзу – трудно сказать. И что-то мне пока не хочется выяснять подробности.

Он выразительно приподнял рыжую бровь, и я рассмеялась.

– Ну да, освободиться можно и попозже.

– Я же не назвал точное время, – рассудительно отметил Джейми. – Так, а теперь вернемся к твоей нижней юбке, саксоночка. А то бегаешь по лесу с голым задом... Дункан, дружище!

Ласковая насмешка в глазах Джейми сменилась неподдельной радостью при виде Дункана Иннеса, пробиравшегося к нам через колючие заросли.

Дункан неуклюже перевалился через упавшее дерево – такие трюки тяжело даются человеку, у которого нет левой руки, – и вышел на тропинку рядом с нами, встряхивая мокрыми от дождя волосами. Он уже успел облачиться в свадебный наряд: чистая сорочка с жестко накрахмаленным воротником, килт и алый плащ из тонкого сукна, отороченный золотым кружевом, пустой рукав заколот брошью. Таким элегантным я Дункана еще ни разу не видела, о чем не замедлила ему сообщить.

– Так уж мисс Ио захотела. – Он смущенно отмахнулся от комплимента, как от назойливых капель дождя, и принялся стряхивать с плаща сосновые иголки и чешуйки коры. – Ну и денек выдался, Макдю. – Дункан посмотрел на небо и покачал головой. – Хорошая примета, если на свадьбе солнышко, а похороны в дождь.

– Среднестатистический покойник вряд ли станет переживать о приметах, – пробормотала я, – независимо от погодных условий. – И тут же добавила, поймав недоуменный взгляд Дункана: – Не сомневаюсь, что Иокаста все равно будет счастлива. И вы тоже!

– Да... Да, конечно, – неуверенно ответил он. – Спасибо, мэм.

– Ты так ломился через лес, будто тебе на пятки наступал капрал Макнейр, – сказал Джейми. – Случаем, не к Арчи Хэйзу в гости собираешься?

Дункан ошарашенно посмотрел на Джейми.

– К Хэйзу? Зачем я ему сдался?

– Ты же был в Хиллсборо в сентябре? Саксоночка, заведи-ка у меня этого бельчонка. – Джейми передал мне малыша, который решил поучаствовать в беседе и начал карабкаться по деду, как по дереву, упираясь крошечными ножками и громко побрякивая. Однако, взяв малыша на руки, я поняла, что Джейми избавился от своей непоседливой ноши по совершенно другой причине.

– Вот уж спасибо, – сказала я и сморщила нос.

Джейми ухмыльнулся и снова обратился к Дункану.

– Закончил свои дела? – Я принялась. – Вижу, еще не закончил.

Джемми зажмурился, покраснел от натуги и издал звук, похожий на приглушенную пулеметную очередь. Я аккуратно заглянула под слои пеленок и тут же торопливо развернула одеяло.

– Господи, и чем же твоя мать тебя кормила?

Обрадовавшись неожиданной свободе, Джемми засучил ножками, как маленькая ветряная мельница, и с него тут же потекло во все стороны.

– Фу-у, – подвела я итог и, удерживая малыша на вытянутых руках, отправилась к ближайшему ручью, благо их на горном склоне было немало. Можно, конечно, прожить без водопровода и автомобилей, но вот без подгузников приходилось туго. Не говоря уже о туалетной бумаге.

Я нашла удобное местечко – там, где берег ручья был усыпан толстым слоем сухих листьев. Опустилась на колени, разложила перед собой подол плаща, поставила Джемми на четвереньки и стащила все пеленки одним комом, даже не расстегнув булавку.

– И-и-и! – завопил он от неожиданности и тут же попытался спрятать свой толстый розовый зад. Вот ведь лягушонок.

– Что, холодно? Погоди, то ли еще будет!

Я сгребла горсть влажной коричневой листвы и вытерла внука. Он перенес эту пытку без громких воплей – только выворачивался из рук да звонко попискивал всякий раз, когда я терла посильнее.

Потом я перевернула Джемми, прикрывая зад ладонью, и быстро обтерла его спереди, чем заслужила широкую беззубую улыбку.

– Такой маленький, а уже настоящий горец, – фыркнула я.

– И что же ты этим хочешь сказать, саксоночка?

Я подняла голову. Джейми стоял у дерева на другом берегу ручья. Яркий тартан и белая рубашка резко выделялись на фоне поблекшей осенней листвы, а бронзовое лицо в обрамлении рыжих кудрей, казалось, принадлежало какому-то лесному духу. Ветер играл с его волосами, как с алыми листьями клена над головой.

– Во-первых, он совершенно не боится холода и сырости, – заявила я, отбрасывая в сторону последнюю пригоршню грязных листьев. – А во-вторых... Мне, конечно, редко доводилось возиться с мальчиками такого возраста, но, по-моему, наш внук развит не по годам.

Джейми ухмыльнулся, посмотрев туда, куда я указывала. Маленький отросток размером примерно с мой палец гордо стоял торчком.

– А, вот ты про что... Много я мальцов повидал, у всех такое бывает время от времени. – Джейми пожал плечами и улыбнулся еще шире. – Хотя, может, это только у шотландских пострелят...

– И с возрастом талант крепчает, смею заметить.

Я кинула пеленки через ручей, и они шлепнулись у ног Джейми.

– Вытащи булавки и прополощи хорошенько.

Джейми сморщил нос, но без возражений подобрал грязный ком двумя пальцами.

– Так вот куда ты дела свою нижнюю юбку, – заметил он.

Я открыла суму, висевшую на поясе, и достала оттуда кусок чистой ткани. Не те отбеленные льняные пеленки, которые держал в руках Джейми, а толстую мягкую шерсть, выкрашенную в бледно-красный цвет смородиновым соком.

Я пожала плечами и, убедившись, что Джемми больше не собирается устраивать артиллерийский обстрел, быстро спеленала его заново.

– У нас трое малышей, а в такую погоду белье не успевает просохнуть. Нужны чистые тряпки на смену.

Все кусты вокруг лагеря были увешаны развевающимися на ветру пеленками, которые не столько сохли, сколько мокли под дождем.

– Возьми-ка! – Джейми протянул мне булавки прямо через неширокий ручей. Я аккуратно забрала их, стараясь не уронить в воду. Пальцы совсем окоченели и почти не слушались, но разбрасываться булавками – непозволительная роскошь. Бри смастерила их из раскаленной на огне проволоки, а Роджер потом вырезал деревянные головки по ее рисункам. Получились самые настоящие английские булавки, разве что грубоватые на вид. Недостаток у них был один: головки крепились на проволоку клеем, а клей был сварен из молока и соскобленного копытного рога и потому постоянно размокал от воды, так что головки приходилось клеить заново.

Я обернула лоскуты вокруг Джемми, воткнула булавку – и улыбнулась. Бри вырезала на деревянной головке маленькую лягушку с широкой беззубой улыбкой.

– Вот и готово, Лягушонок! – Надежно застегнув импровизированный подгузник, я усадила Джемми к себе на колени, поправила распашонку и попыталась снова завернуть его в одеяло.

– А куда пошел Дункан? В шатер к лейтенанту?

Джейми покачал головой, не отвлекаясь от стирки пеленок.

– Я сказал, чтобы он пока никуда не ходил. Дункан ведь и вправду был в Хиллсборо во время этой суматохи. Лучше подождать. А через некоторое время он с чистой совестью сможет объявить Хэйзу, что здесь нет никаких бунтарей. – Джейми поднял на меня глаза и мрачно улыбнулся. – Во всяком случае, к вечеру их здесь точно не будет.

Я смотрела, как он отжимает выполосканные пеленки. Шрамы на правой руке обычно были совсем незаметны, но от холода кожа покраснела, и они выделялись рваными белыми линиями. От всей этой истории с бунтом мне было слегка не по себе, хотя прямого отношения к нам она не имела.

Мысли о губернаторе Трионе обычно сопровождались легким беспокойством, не более: в конце концов, он жил в своем новом дворце в Нью-Берне, а мы – в маленьком поселении Фрейзер-Ридж, и нас разделяли три сотни миль с прибрежными городками, плантациями, сосновыми лесами, непроходимыми взгорьями и дикими неосвоенными землями. У губернатора было полно забот – самозванные «регуляторы», устраивавшие беспорядки, продажные шерифы и судьи, которые своей подлостью вызывали шквал народного возмущения. Я надеялась, что ему было не до нас.

Однако, как ни крути, Джейми получил право на огромный земельный надел по милости губернатора Триона – и Трион оставил при себе один мелкий, но очень важный факт: Джейми был католиком. А королевские наделы согласно закону назначались только протестантам.

Католическое сообщество в колонии было крохотным и плохо организованным, так что вопрос о религии вставал редко. Никаких отдельных церквей и приходских священников. Отца Донахью пригласили из самого Балтимора, и он проделал этот огромный путь по просьбе Иокасты. Тетушка Джейми и ее покойный муж, Гектор Кэмерон, были весьма влиятельными людьми среди шотландских поселенцев, никому даже в голову не приходило усомниться в их вере. Горцы, с которыми мы праздновали всю неделю напролет, вряд ли подозревали о том, что мы паписты.

Однако скоро тайное станет явным. Помолвка Бри и Роджера длилась уже целый год, и сегодня вечером они наконец обвенчаются вместе с двумя другими католическими парами из Бермертона – и вместе с Иокастой и Дунканом Иннесом.

– А сам Арчи Хэйз католик? – внезапно спросила я.

Джейми развесил пеленки на ближайшей ветке и стряхнул воду с рук.

– Я не спрашивал. Но это вряд ли. Отец его католиком не был, да и не дослужился бы он до офицерского чина с таким багажом.

– Точно, – вздохнула я. Шотландец, без гроша за душой, бывший якобит – и без того удивительно, что Хэйз сумел выбиться в офицеры. Католическая вера только тянула бы его на дно.

И все же меня по-прежнему терзало беспокойство – не из-за Хэйза и его молодчиков, а из-за Джейми. На первый взгляд, он был совершенно невозмутим, на губах играла легкая насмешливая улыбка. Но я знала Джейми слишком хорошо. Видела, как подрагивают искаленные пальцы на правой руке, пока он беседовал и перешучивался с Хэйзом прошлым вечером. И даже сейчас между бровей залегла тонкая морщинка, выдававшая внутреннюю тревогу.

Переживал из-за губернаторской прокламации? Но чего тут беспокоиться? Никто из нашей семьи не был замешан в беспорядках в Хиллсборо.

– ...пресвитерианец, – продолжал Джейми. – Как наш малыш Роджер.

Тут мне наконец удалось поймать ускользавшее воспоминание.

– Ты ведь знал! Ты знал, что Роджер не католик. Ты видел, как он окрестил того ребенка в Снейктауне, когда мы... забрали его у индейцев.

Я прикусила язык, но было уже поздно: по лицу Джейми пробежала тень. В тот день мы забрали Роджера и оставили взамен Иэна, любимого племянника Джейми.

Тень мелькнула и пропала. Отогнав тягостные мысли, Джейми улыбнулся.

– Да, знал.

– Но Бри...

– Она бы пошла за него замуж, даже если бы парень был готтентотом, это и дураку понятно. Да и я бы все равно не стал возражать.

– Не стал бы? – удивилась я.

Джейми пожал плечами, перешагнул через ручей и вытер руки подолом пледа.

– Он хороший и добрый малый. Принял малыша как родного, ни словечком не попрекнул любимую. Так и должно поступать мужчине, но не всякий на это пошел бы.

Я невольно покосилась на Джемми, уютно свернувшегося у меня на руках. Иногда я ловила себя на том, что пристально разглядываю эту славную мордашку и пытаюсь понять, кто же его отец.

Брианна обручилась с Роджером, провела с ним ночь – а спустя два дня ее изнасиловал Стивен Боннет. Джемми ничем не походил ни на одного из них, и определить отцовство было невозможно. Вот он сидит у меня на руках, сосредоточенно сосет собственный кулак, макушка покрыта мягким золотисто-рыжим пухом – ни дать ни взять копия деда.

– А с чего тогда вся эта кутерьма с Роджером и священником?

– Свадьбу-то они и так сыграют. Но я хочу, чтобы малыш был католиком. – Джейми бережно положил огромную ладонь на макушку внуку, погладил пальцем рыжие бровки. – Пришлось немножко повозмущаться насчет Маккензи, чтобы они не спорили со мной из-за an gille guaidh³.

Я рассмеялась и поплотнее укутала Джемми в одеяло.

– Я-то думала, что Брианна обвела тебя вокруг пальца!

³ Рыжий малый (шотл.).

– Она тоже так думает, – усмехнулся Джейми. А потом неожиданно склонился и поцеловал меня.

Губы у него были мягкие, теплые и на вкус – как хлеб с маслом. Пахло от Джейми листьями, мужским потом и совсем чуть-чуть – грязными пеленками.

– Неплохо получилось, – одобительно сказала я. – Давай-ка еще раз.

Лес вокруг нас дышал тишиной. Ни птиц, ни животных, только шорох листьев над головой и плеск ручья под ногами. Постоянное движение, неумолкающие звуки, а среди них – островок покоя. И пусть на склоне горы, совсем недалеко от нас, было полным-полно народу, здесь и сейчас мы остались одни, словно на другой планете.

Я открыла глаза и вздохнула, слизывая с губ медовый привкус. Джейми стряхнул желтый листок с моих волос. Ребенок лежал у меня на руках – тяжелая теплая ноша, центр нашей вселенной.

Мы молчали, не желая тревожить хрупкий покой. «Будто стоим на верхушке юлы, – думала я. – Люди и события мчатся в бесконечной круговерти, шаг в сторону – и ты тоже провалишься в эту гонку. Но здесь, на самом пике, застыла тишина».

Я стряхнула кленовые семена с плеча Джейми, а он поймал мою ладонь и прижал к губам в каком-то яростном порыве. Прикосновение было нежным. Язык мягко скользнул у большого пальца, по холму Венеры, по линии любви.

Джейми поднял голову, и руке сразу стало холодно – как раз на том месте, где белел старый шрам. Буква «джей», вырезанная на коже. Его метка.

Он положил ладонь мне на щеку, и я прижала ее крепче, будто хотела почувствовать поблекшую букву «к» на его руке. Вот так, не сказав ни слова, мы вновь принесли клятву верности, как много лет назад, – в тихой заводи, ища друг в друге опору среди зыбучих песков грядущей войны.

Она нас еще не настигла. Но я уже слышала ее тяжелую поступь в барабанном бое и губернаторской прокламации, видела ее приближение в блеске стали, узнавала знакомый нутряной страх в глазах Джейми.

Несмотря на осенний холод, ладони горели огнем. Мне казалось, будто старый шрам вот-вот вскроется и горячая кровь прольется на землю. Война начнется, ее не остановить.

Но на этот раз я не собиралась покидать своего мужа.

* * *

Мы с Джейми выбрались из лесной чащи на протоптанную дорожку, ведущую к лагерю. Я снова подсчитывала наши запасы и прикидывала, что делать с завтраком: Джейми пригласил к нам еще два семейства.

– Робин Макгилливрей и Джорди Чишолм. – Джейми придержал ветку. – Они собираются поселиться у нас в Ридже. Вот я и решил позвать их к костру.

– Поселиться? – Я нырнула под ветку, которая тут же распрямилась за моей спиной. – Когда? И сколько их будет?

Спрашивала я далеко не из праздного любопытства. На строительство даже самого захудалого домишки требовалось время, а зима уже стояла на пороге – не успеешь оглянуться, как придут холода. Новым поселенцам придется жить в большом доме вместе с нами или ютиться в крохотных хижинах других семейств, разбросанных по всему Фрейзер-Риджу. В тяжелые времена горцы могли жить – и жили! – все вместе, по десять человек в одной каморке. Я не была склонна к такому щедрому гостеприимству и надеялась, что нам удастся обойтись без лишних жертв.

– Шестеро у Макгилливрея и восемь человек у Чишолма, – с улыбкой ответил Джейми. – Но Макгилливрей приедут весной. На зиму Робин останется в Кросс-Крике, там нашлась

работа для оружейника. А его семья будет жить в Салеме у немецких родственников со стороны жены, пока не потеплеет.

– Ну и хорошо!

Значит, на завтрак придут еще четырнадцать едоков плюс я с Джейми, Роджер и Бри, Марсали и Фергус, Лиззи и ее отец... не забыть бы про Авеля Макленнана... ах да, еще тот солдатик, который спас Жермена! Всего двадцать четыре человека.

– Схожу-ка я к тетушке, попрошу кофе и риса, – объявил Джейми, глядя на мое встревоженное лицо. Усмехнулся и протянул руки, чтобы забрать малыша. – Давай его сюда. Мы отправимся в гости и не будем отвлекать тебя от готовки.

Я проводила их взглядом и полной грудью вдохнула влажный воздух, слушая, как дождь тихонько барабанит по капюшону. Одна, хотя бы ненадолго.

Сборища и горские праздники были мне по душе, но, следовало признать, бесконечное общение начинало действовать на нервы. Круговерть новых лиц, сплетни, ежедневный прием больных, море мелких неприятностей, на которые обречено большое семейство, живущее в общем лагере... Спустя пару-тройку дней я была готова вырыть себе нору под каким-нибудь пнем, чтобы спрятаться от бурной общественной жизни хотя бы на четверть часа.

Издалека доносились возгласы, крики и протяжные звуки волынки; сборище, растревоженное губернаторской прокламацией, постепенно возвращалось к обычной жизни, семьи устраивались вокруг костров; на поляну, где проводились состязания, стекались зеваки; горцы перебирались на другой берег ручья, на ярмарку, где в разномастных фургончиках продавали всякую всячину, от лент и посуды до известняка и свежих... кхм, относительно свежих лимонов. Меня там пока что никто не ждал.

Предстоял долгий и трудный день, и это была единственная возможность остаться наедине с собой в ближайшую неделю – дорога домой грозила затянуться надолго, со всем хозяйством, фургончиками и детьми. У большинства наших новых поселенцев не было лошадей и мулов, так что им предстояло преодолеть этот путь пешком.

Мне нужно было собраться с силами и сосредоточиться. Не на огромном совместном завтраке, не на предстоящей свадьбе и даже не на своих больных. Мысли унеслись далеко вперед, к самому дому, минуя все превратности пути.

Фрейзер-Ридж находился в западных горах, далеко от городов и тореных дорог. Мы жили уединенно и нечасто видели гостей. Крохотное поселение постепенно росло; уже три десятка семей решили обосноваться на нашей земле с разрешения Джейми, и с большинством из этих людей он был знаком по Ардсмурской тюрьме. Наверное, Чишолм и Макгилливрей тоже отбыли там свой срок. Джейми стремился помочь бывшим заключенным во что бы то ни стало – пусть даже в ущерб себе.

Мимо бесшумно пролетел ворон, медленно взмахивая потяжелевшими от дождя крыльями. Ворон-ворон, что ты предвещаешь? Беду или радость? Не всякая птица сорвется с места в такую погоду, значит, вести у тебя важные.

Я шлепнула себя по лбу, отгоняя нелепые предрассудки. Поживешь с горцами подольше – и начинаешь в каждом булыжнике видеть целое знамение!

И все же... Возможно, это и было знамение. На склоне горы собралось много народа, но я осталась одна, скрывшись за завесой дождя и тумана. И хотя воздух по-прежнему обжигал холодом, я уже успела согреться. Кровь стучала в венах, ладони наливались теплом. Я протянула руку к сосне, стоявшей рядом: на каждой иголочке застыла капля воды, кора намокла и потемнела. Я вдохнула хвойный аромат и коснулась прохладных капель ладонью. Дождь мерно шуршал в гулкой тишине, промокая одежда липла к коже, как облака к горной вершине.

Когда-то Джейми сказал мне, что не может жить без гор, и теперь я его понимала, хотя и не могла выразить это странное чувство словами. Суетные мысли улеглись, остался лишь голос скал и деревьев – и гулкий удар колокола в сердце горы, где-то у меня под ногами.

Завороженная, я стояла под дождем, позабыв про завтрак, но голоса скал и деревьев исчезли при звуке шагов.

– Миссис Фрейзер!

Арчи Хэйз собственной персоной. В берете и при палаше – рыцарь без страха и упрека. Он вряд ли ожидал увидеть меня посреди тропинки, однако удивления не выказал и только учтиво поклонился.

– Лейтенант, – я вернула поклон. Щеки запылали, будто он застал меня посреди купания.

– Ваш муж где-то неподалеку? – спросил он безукоризненно ровным тоном.

Несмотря на смущение, я насторожилась. Юный капрал Макнейр не смог привести Джейми к Хэйзу. И если гора сама пришла к Магомету, то дело тут непростое. Неужели Хэйз собрался втянуть Джейми в ловлю преступников-регуляторов?

– Не знаю, где он, – ответила я, старательно отворачиваясь в сторону от склона, где среди высоких каштанов виднелся просторный шатер Иокасты.

– Да, дел у него невпроворот, – спокойно откликнулся Хэйз. – Такому человеку некогда сидеть на месте, да еще и в последний день Сбора.

– Да... Наверное.

Разговор оборвался, и я судорожно пыталась придумать, как бы сбежать от лейтенанта и обойтись без приглашения на завтрак. Предложить совместную трапезу – это святая обязанность, даже англичанка не может промолчать и не сойти за грубиянку в такой ситуации.

– Кхм... Капрал Макнейр сказал, что вы искали Фаркуарда Кэмпбелла! – Я решила взять быка за рога. – Может быть, Джейми пошел к нему. К мистеру Кэмпбеллу то есть.

Я махнула рукой в сторону лагеря Кэмпбеллов на дальнем склоне, почти за четверть мили от Иокасты.

Хэйз моргнул, и с его ресниц сорвались капли.

– Да, вполне вероятно.

Он постоял еще мгновение, потом приподнял берет:

– Доброго дня, мэм!

Развернулся и пошел к шатру Иокасты. Я беспомощно смотрела ему в спину, мгновенно растеряв все свое умиротворение.

– Чтоб тебя черти взяли, – пробормотала я и отправилась готовить завтрак.

Глава 2

Хлеба и рыбы

Мы разбили лагерь далеко от главной тропы, на небольшой каменистой поляне с видом на широкий берег ручья. Сквозь заросли остролиста были видны черно-зеленые тартаны разбредавшихся солдат – Арчи Хэйз велел своим ребятам смешаться с толпой горцев на Сборе, и теперь они с радостью выполняли приказ.

Не знаю, что двигало Хэйзом: коварные замыслы, скупость или обыкновенное человеческое сочувствие. Среди солдат было много юных мальчишек, скучавших по дому и по родне; они стосковались по звукам шотландской речи и мечтали погреться у гостеприимного очага и отведать похлебки из овсяной муки. Хоть ненадолго почувствовать себя дома.

Я вышла к лагерю. Марсали и Лиззи сустились вокруг застенчивого молодого солдатики, который выудил Жермена из ручья. Фергус стоял у самого костра, и от его мокрой одежды поднимались клубы пара. Здоровой рукой он пытался вытереть Жермена, а крюком придерживал

его за плечо, сердито бормоча по-французски. Белокурая макушка моталась из стороны в сторону, но, несмотря на гневную отповедь, лицо мальчика оставалось совершенно безмятежным.

Роджера и Брианны нигде не было видно, зато мне на глаза тут же попался Авель Макленнан – он сидел на дальнем конце поляны, жуя поджаренную краюшку хлеба. Джейми как раз успел вернуться от тетушки с дополнительными припасами и теперь раскладывал провиант у костра. Он хмурился от каких-то невеселых мыслей, но, увидев меня, сразу расцвел улыбкой.

– Вот ты где, саксоночка! И что же тебя задержало?

– Хм... Знакомца по дороге встретила, – ответила я, выразительно покосившись на молодого солдата.

Взгляд пропал втуне, и Джейми поднял брови в недоумении.

– Тебя лейтенант ищет! – прошипела я, склонившись ближе.

– Да знаю я, саксоночка, – ответил он в полный голос. – Скоро найдет.

Я снова красноречиво перевела взгляд с Макленнана на солдата. Джейми серьезно относился к традициям гостеприимства: пока человек гостил под нашим кровом – или у нашего костра, – никто не имел права покушаться на его свободу. И если солдатик еще постесняется арестовать Макленнана, то лейтенант вряд ли станет колебаться.

Джейми даже не пытался скрыть веселье. Поднял брови, взял меня за руку и подвел к солдату.

– Дорогая моя, – начал он официальным тоном, – позволь представить тебе рядового Эндрю Огилви родом из деревни Килберни! Рядовой Огилви, это моя жена.

Огилви, краснощекий малый с темными кучерявыми волосами, вспыхнул румянцем и поклонился.

– К вашим услугам, мэм!

Джейми слегка сжал мою ладонь.

– Рядовой Огилви рассказывал, что его полк направляется в Портсмут, в Вирджинию. А оттуда на корабле напрямик до Шотландии. Что, не терпится попасть домой?

– Словами не передать, сэр! – с жаром откликнулся мальчик. – Вот как распустят нас в Абердине, так я сразу домой и отправлюсь.

– Полк собираются распустить? – уточнил Фергус, подходя к нам с Жерменом на руках и с мокрым полотенцем на шее.

– Так точно, сэр! С французяками мы разобрались... ой, простите... с индейцами тоже. Делать нам здесь больше нечего, а король не станет платить бездельникам. – Мальчик горько усмехнулся. – Мир – дело хорошее, но солдатам приходится нелегко.

– На войне солдатам тоже несладко, – сухо откликнулся Джейми, и мальчик тут же залился краской. Вряд ли ему удалось понюхать пороха в настоящем бою, слишком уж молод. Семилетняя война закончилась больше десяти лет назад, и в те времена рядовой Огилви наверняка еще был босоногим карапузом.

Не обращая внимания на смущенного мальчишку, Джейми повернулся ко мне:

– Рядовой говорит, что Шестьдесят седьмой полк – последний оставшийся в Колониях.

– Последний хайлендский? – уточнила я.

– Нет, мэм! Последний из регулярных королевских войск. Кое-где еще есть гарнизоны, но все полки были отозваны в Англию и в Шотландию. Только одни мы запоздали. Должны были отплыть из Чарльстона, да все пошло наперекосяк, так что теперь направляемся в Портсмут – и как можно скорее. Год-то уже на исходе. Лейтенант говорит, у него на примете есть корабль, капитан которого готов пойти с нами в позднее плавание. А если не повезет... – он пожал плечами с философской обреченностью, – тогда перезимуем в Портсмуте. А по весне снова в путь.

– Англия собирается оставить нас без защиты? – пораженно спросила Марсали.

– Ой, мэм, не волнуйтесь! Опасности нет, – заверил ее рядовой Огилви. – С лягушатниками мы разделились окончательно, а без них индейцы буянить не станут. Жизнь теперь будет идти тихо-мирно, уж поверьте.

Я тихонько хмыкнула, и Джейми стиснул мой локоть.

– А остаться не думали? – спросила Лиззи. Прислушиваясь к беседе, она успела почистить и потереть картошку, поставила миску с блестящими белыми ломтиками у костра и принялась смазывать сковороду жиром. – В Колониях. На западе еще есть свободная земля.

Лиззи, воплощение скромности, не поднимала глаз от работы. Рядовой Огилви покоился на ее белый керч и покраснел еще сильнее.

– Сказать по совести, мисс, тут не так уж и плохо. Но я должен вернуться со своим полком, ничего не поделаешь.

Лиззи взяла пару яиц и ловко разбила их о край миски. На ее молочно-белой коже проступил бледный румянец – словно отсвет румянца, заливавшего лицо Огилви.

– Жалко, что вам нужно уезжать, – сказала она. Светлые ресницы дрогнули и коснулись щеки. – Впрочем, на пустой желудок мы вас никуда не отпустим.

Уши рядового Огилви полыхнули еще ярче.

– Вы очень добры, мисс. Прямо не знаю, как и благодарить.

Лиззи застенчиво подняла глаза и окончательно покраснела.

Джейми кашлянул и, извинившись, отвел меня в сторонку.

– Господи, – пробормотал он мне на ухо, – а ведь еще вчера была ребенком. Ты что, саксоночка, уроки ей даешь? Или у вас, у женщин, это врожденное?

– Талант, скорее всего, – осторожно откликнулась я.

Прошлым вечером после ужина случилась большая неожиданность: у Лиззи впервые начались месячные. Нам всегда не хватало чистых тряпок для малышей, так что эта соломинка сломала спину верблюда и заставила меня пожертвовать своей нижней юбкой – иначе Лиззи пришлось бы воспользоваться детскими подгузниками.

– Хм-м-м. Что ж, придется подыскивать ей мужа, – обреченно вздохнул Джейми.

– Мужа? Ей едва исполнилось пятнадцать!

– И что с того? – Он покосился на Марсали, вытиравшую темные волосы Фергуса полотенцем, затем перевел взгляд на Лиззи и солдатику. И насмешливо поднял бровь.

– А ничего! – сердито ответила я. Да, Марсали было всего пятнадцать, когда она вышла замуж за Фергуса. Но это вовсе не значило...

– Дело в том, – продолжил Джейми, отвлекаясь от Лиззи, – что полк отправляется в Портсмут уже завтра. У них нет ни времени, ни распоряжений на расследование беспорядков в Хиллсборо. Этим занимается Трион.

– Хэйз сказал...

– Если кто-нибудь придет с доносом, то Хэйз передаст все в Нью-Берн. Но сдаюсь мне, что ему плевать на регуляторов: пусть хоть подожгут губернаторский дворец, лишь бы не случилось задержки с отплытием.

Я облегченно вздохнула. Если Джейми прав, Хэйз не станет никого арестовывать, что бы ни рассказывали свидетели. Значит, за судьбу Макленнана можно не переживать.

– Тогда зачем Хэйзу понадобился ты и вся остальная компания? – спросила я, склонившись над плетеным коробом в поисках хлеба. – Он сам, лично, отправился тебя искать!

Джейми оглянулся на заросли остролиста, словно лейтенант мог выскочить оттуда в любую секунду. Плотная стена колючих листьев оставалась неподвижной, и Джейми нахмурился.

– Интересно. – Он задумчиво покачал головой. – Трион тут ни при чем, иначе бы Хэйз завел этот разговор еще вчера. Нет, саксоночка, уж поверь, малютка Арчи из-за бунтарей переживать не станет – разве только по долгу службы. Не знаю, зачем я ему сдался...

Склонившись у меня над плечом, Джейми потянулся к горшочку с медом и провел пальцем по самой кромке.

– ...и не буду попусту размышлять. У меня осталось еще три бочонка виски, и к вечеру они должны превратиться в наконечник для плуга, лезвие для косы, три топора, десять фунтов сахара, коня и астролябию. Фокус непростой, придется попотеть.

Он бережно провел липким пальцем по моим губам, развернул к себе и поцеловал.

– Астролябию? – переспросила я. И вернула медовый поцелуй. – Зачем тебе она?

– А потом мы поедем домой, – продолжал Джейми, не обращая внимания на вопрос. Мы стояли, соприкасаясь лбами, и глаза у Джейми были синие-синие. – И там нас будет ждать постель. Поэтому сегодня я буду думать только о том, чем мы там займемся. А малютка Арчи пусть забавляется сам с собой, как душе угодно.

– Отличная мысль, – прошептала я. – Арчи об этом сказать не забудь.

На дальней стороне поляны мелькнул черно-зеленый тартан. Джейми тут же развернулся к неожиданному гостю, но вместо лейтенанта Хэйза к нам шагал Джон Куинси Майерс, и солдатский плед, обвязанный вокруг его пояса, радостно трепетал на ветру.

Наряд великана Майерса потрясал воображение: из широкополой фетровой шляпы торчало несколько иголок и индюшиное перо, еще два потрепанных фазаньих пера красовались в черной шевелюре, поверх расшитой бусинами рубашки был надет жилет из крашенных дикобразовых иголок, поверх гамаш – любимая набедренная повязка, а на самих гамашах привязаны мелкие колокольчики. Такого красавца заметишь в любой толпе.

– Дружище! – Джон Куинси широко улыбнулся и протянул Джейми руку, позвякивая колокольчиками на штанах. – Так и знал, что застану вас за завтраком!

Джейми растерянно моргнул, окинул взглядом это дивное виденье и от души пожал его огромную лапищу.

– Здравствуй, Джон! Позавтракаешь с нами?

– Кхм... Да, – вклинилась я, украдкой заглянув в корзину с едой. – Присоединяйтесь!

Джон Куинси снял шляпу и отвесил мне церемонный поклон.

– Мое почтение, мэ. Благодарствую, но не сейчас. Я пришел за мистером Фрейзером. Его ждут, дело срочное.

– Кто ждет? – настороженно уточнил Джейми.

– Велел передать, что его зовут Робби Макгилливрей. Знаете такого?

– Как не знать, – ответил Джейми и тут же полез в небольшой сундучок, где хранились пистолеты. Видимо, Макгилливрея он знал не понаслышке. – Что там стряслось?

– Да как сказать. – Джон Куинси задумчиво почесал свою косматую голову. – Его жена упросила меня сходить за вами. Правда, с английским у нее туговато, так что за точность я не ручаюсь. Вроде бы какой-то охотник за головами схватил ее сынишку. Заявил, что паренек был среди бунтарей в Хиллсборо, и собрался увезти его в Нью-Берн, прямоком в тюрьму. А Робби ему в ответ: «Никуда моего сына не повезут...» Дальше я ничего не понял, потому что его бедная женушка страшно разволновалась, двух слов связать не могла. Но, думается мне, Робби будет рад вашей помощи.

Джейми подхватил заляпанный кровью плащ Роджера, который висел на ветвях в ожидании стирки, быстро накинул его на плечи и сунул за пояс заряженный пистолет.

– Где он?

Майерс ткнул пальцем в сторону и решительно двинулся к зарослям остролиста, Джейми нырнул туда следом.

Фергус, который все это время прислушивался к их разговору, поставил Жермена рядом с Марсали.

– Надо помочь твоему Grand-père, – сказал он Жермену. Поднял с земли сухую палку и вложил в руки малышу. – А ты оставайся здесь. Защищай Маман и Джоан от плохих людей.

– Oui, Рара.

Жермен сурово нахмурил лоб под белокурой челкой, покрепче ухватил палку и приготовился охранять лагерь.

Марсали, Макленнан, Лиззи и рядовой Огилви наблюдали за этой сценой с немим удивлением. Когда Фергус подобрал с земли еще одну палку и тоже ринулся в заросли, рядовой Огилви наконец-то пошевелился.

– Кхм... Может, мне позвать сержанта, мэм? Раз уж началась такая суета...

– Нет-нет, – торопливо ответила я. Вряд ли здесь помогут Арчи Хэйз и толпа солдат, в таких делах лучше обходиться без вмешательства властей. – Не волнуйтесь, ничего страшного. Небольшая размолвка, вот и все. Мистер Фрейзер справится сам.

Не переставая говорить, я пробиралась вокруг костра к своим медицинским запасам, спрятанным от дождя под парусиной. Приподняла край и вытащила на свет набор для оказания первой помощи.

– Лиззи, угости-ка рядового Огилви клубничным вареньем. И предложи мистеру Макленнану мед – подсластить кофе. Мистер Макленнан, надеюсь, вы не обидитесь, если я вас ненадолго покину... Мне нужно отлучиться... кхм...

Сверкнув глуповатой улыбкой, я нырнула в заросли остролиста, и ветки с треском сомкнулись за моей спиной. Через несколько шагов пришлось остановиться, чтобы сообразить, куда направились Джейми с Майерсом. Ветер донес слабый звон колокольчиков; я развернулась на звук и бросилась бежать.

* * *

Пробираться через подлесок – непростая задача. Я догнала Джейми и Майерса у поля для состязаний, взмокая и запыхавшаяся от пробежки. Там как раз начал собираться народ, но воплей одобрения или разочарования пока не было слышно. Несколько видных молодцев – «силачи» из разных поселений – уже разделись до пояса и прохаживались туда-сюда, размахивая руками, чтобы разогреть мышцы.

Снова начал моросить дождь; капли влаги блестели на могучих плечах, завитки темных волос на груди и руках липли к коже, но мне было некогда глазеть на представление. Джон Куинси ловко пробирался сквозь толпу зрителей, радушно приветствуя знакомых направо и налево. На противоположной стороне поля от людской массы отделился невысокий мужчина и побежал к нам навстречу.

– Макдью! Хорошо, что пришел!

– Да брось, братец, – отмахнулся Джейми. – Что случилось-то?

Вид у Макгилливрея был загнанный; он окинул взглядом силачей и их болельщиков, потом кивнул в сторону деревьев. Мы поспешили следом. Никто не обратил внимания на нашу маленькую процессию: зеваки собирались вокруг двух обмотанных веревками валунов – видимо, именно с их помощью состязающиеся должны были продемонстрировать свою недюжинную силу.

– Так что там с твоим сыном, Роб? – спросил Джейми, уворачиваясь от мокрой сосновой ветки.

– Уже ничего, – ответил Робби.

После этого мрачного заявления Джейми огладил рукоять пистолета, а моя рука машинально потянулась к узелку с лекарствами.

– Он ранен? – спросила я.

– Не он, – загадочно откликнулся Макгилливрей и, пригнувшись, проскользнул под листьями низко склонившегося каштана, покрытого красным вьюнком.

Завеса вьюнка скрывала небольшую площадку – такую маленькую, что и поляной не назовешь, – поросшую сухой травой и редкими молодыми сосенками. Мы с Фергусом шагнули туда вслед за Джейми и тут же столкнулись лицом к лицу с рослой женщиной в домотканом платье. В одной руке она сжимала сухую корягу, решительно готовясь к драке, однако при виде Макгилливрея слегка расслабилась.

– *Wer ist das?* – спросила она, разглядывая нас с нескрываемым подозрением. Когда из-под вьюнка вынырнул Джон Куинси, женщина наконец опустила свою дубинку и ее красивое суровое лицо посветлело.

– Ха, Майерс! Ты звать мне *den* Джейми? – Она с любопытством покосилась на меня, но тут же снова перевела взгляд на Джейми и Фергуса.

– Да, родная, это Джейми Рой... то есть Джеймс Макдю, – торопливо ответил Макгилливрей и почтительно коснулся его рукава, будто появление Джейми было его заслугой. – Макдю, это моя жена Уте. А это сын Макдю, – добавил он, неопределенно махнув в сторону Фергуса.

Уте Макгилливрей напоминала упитанную валькирию, высокую, светловолосую и очень сильную.

– К вашим услугам, мэм, – ответил Джейми с поклоном.

– *Madame*, – эхом откликнулся Фергус.

Миссис Макгилливрей присела в глубоком реверансе, не отводя глаз от кровавых пятен, покрывавших плащ Джейми... точнее, плащ Роджера.

– *Mein Herr*, – пораженно пробормотала она. Затем обернулась и поманила к нам паренька семнадцати или восемнадцати лет, который все это время прятался неподалеку. У юноши были темные волосы, и он как две капли воды походил на своего низкорослого жилистого отца.

– Манфред, – гордо объявила Уте. – *Mein* мальтшик.

Джейми склонил голову в сдержанном приветствии.

– Мистер Макгилливрей.

– Э-э... Мое почтение, сэр? – В голосе паренька мелькнула неуверенность, но руку для пожатия он все-таки протянул.

– Приятно познакомиться, сэр. – Покончив с любезностями, Джейми осмотрелся и вопросительно приподнял бровь. – Мне сказали, что вам докучает охотник за головами. Насколько я понимаю, эта досадная неприятность устранена?

Он перевел взгляд с Макгилливрея-младшего на Макгилливрея-старшего.

Семейство смущенно переглянулось. Робин Макгилливрей прочистил горло.

– Не то чтобы устранена, Макдю. Так сказать... – Фраза осталась незаконченной, и на лице Робина вновь мелькнуло загнанное выражение.

Миссис Макгилливрей строго посмотрела на мужа и развернулась к Джейми.

– Не переживать! – сообщила она. – *Ich haf* убирать *den* мелкий дрянь! Совсем убирать! Но мы не знаем, как спрятать *den* Корпус.

– Спрятать... тело? – переспросила я слабым голосом.

От такого заявления даже Джейми слегка встревожился.

– Роб, ты что, убил его?

– Кто, я?! – ошарашенно воскликнул Макгилливрей. – Бог ты мой, Макдю, да за кого ты меня принимаешь?

Джейми снова приподнял бровь: судя по всему, его предположение было не таким уж безосновательным. Макгилливрей смутился и забормотал:

– Всякое бывало, не спорю... Но Макдю! После Ардсмур много лет прошло, дело старое, позабытое. Зачем его ворошить?

– Незачем, – согласился Джейми. – Так что случилось с тем малым, который вам докучал? Где он?

Позади раздался сдавленный смешок. Я резко обернулась и увидела остальных членов семьи Макгилливрея, до сего момента хранивших молчание: три девочки сидели рядом на бревне, спрятавшись за порослью из молодых сосен; на всех трех – сияющие чистотой чепцы и фартучки, слегка поникшие от дождя.

– Meine дотшки, – объявила миссис Макгилливрей, махнув рукой в их сторону. Она могла не утруждать себя пояснениями: девочки, как одна, точь-в-точь походили на мать. – Хильда, Инга und Сенга.

Фергус поклонился всей троице.

– Enchante, Mesdemoiselles.

Девочки захихикали и закивали в ответ, но, как ни странно, так и не поднялись с места. И тут я заметила, как под юбкой у самой старшей что-то шевелится: подол покачнулся, раздалось придушенное мычание. Ни на мгновение не переставая улыбаться, Хильда с размаху ударила пяткой по источнику странных звуков.

Из-под юбки снова донеслось мычание – на этот раз гораздо громче, – так что Джейми вздрогнул и развернулся.

С широкой улыбкой Хильда аккуратно приподняла край юбки, открывая нашим взорам лицо до смерти перепуганного человека, рот которого был накрепко завязан куском темной ткани.

– Вот он. – Робби, как и его жена, был склонен озвучивать очевидные вещи.

– Ясно. – Пальцы Джейми дрогнули на поясе килта. – Кхм, может, вытащим его оттуда?

Робби сделал знак девочкам, и они дружно поднялись с места. У бревна лежал маленький тощий мужчина, связанный по рукам и ногам разномастными женскими чулками; вместо кляпа в дело пошел чей-то платок. Вид у пленника был мокрый, грязный и изрядно потрепанный.

Майерс ухватил его за шиворот и поставил на ноги.

– Да тут смотреть не на что, – заметил великан прищурившись, будто оценивал плохонькую бобровую шкуру. – Видать, охота за головами – дело не шибко прибыльное.

Пленник действительно выглядел худым, оборванным и полумертвым от страха. Уте презрительно фыркнула и с любезной улыбкой повернулась к Джейми.

– Вот, mein Негг. Как лутше его убивать?

Охотник за головами выпучил глаза и попытался вывернуться из хватки Майерса. Джейми смерил его взглядом, задумчиво провел пальцем по губам, затем покосился на Робби – тот лишь пожал плечами в ответ и смущенно посмотрел на жену.

Джейми откашлялся:

– Кхм. Возможно, у вас есть конкретные предложения, мэм?

Уте явно обрадовалась его поддержке и тут же вытащила из-за пояса длинный кинжал.

– Я хотеть зарезать, wie ein Schwein, ja? Но нехорошо...

Она легонько ткнула пленника кинжалом между ребер; он приглушенно взвизгнул, и на изношенной рубахе проступило небольшое алое пятно.

– Очень много Blut, – пояснила она с разочарованным вздохом. Махнула в сторону деревьев, за которыми уже вовсю разворачивались состязания силачей. – Die Leute шнюхат.

– Шнюхат? – Я бросила вопросительный взгляд в сторону Джейми, решив, что это какое-то странное немецкое выражение. Он кашлянул и провел ладонью под носом. Меня осенило. – А, почувствуют запах! Хм, да, вполне вероятно.

– Пожалуй, можно было бы его пристрелить, – задумчиво предложил Джейми, – да только шум привлечет внимание.

– Свернуть шею, и все, – объявил Робби Макгилливрей, разглядывая связанного охотника за головами. – Дело плевое.

– Думаете? – Фергус сосредоточенно прищурился. – Лучше уж ножом. Если ударить в правильном месте, крови много не будет. В почку, со спины под самыми ребрами...

Судя по придушенным звукам, доносившимся из-за кляпа, пленник категорически возражал против всех выдвинутых предложений. Джейми задумчиво потер подбородок.

– Да, легче легкого, – согласился он. – Или просто придушить. Впрочем, кишки у него все равно расслабятся. Вонять будет, даже если проломить черепушку... Скажи-ка, Робби, а как он здесь оказался?

Робби ответил недоуменным взглядом.

– Обосновались-то вы не здесь. – Джейми обвел рукой крохотную поляну. Следов костра не было видно: на этом берегу ручья вообще никто не разбивал лагерь. И все же здесь собралось все семейство Макгилливреев.

– А, вот ты о чем, – откликнулся Робби, и на его худощавом лице мелькнуло понимание. – Нет, устроились мы чутка подальше. А сюда пришли глянуть, как ребята камни тягают. – Он кивнул в сторону поля для состязаний. – Тут этот стервятник и налетел на нашего Фредди. Уже повязать собрался.

Робби презрительно посмотрел на охотника за головами. Только теперь я заметила, что у того на поясе болталась свернутая кольцами веревка, а в двух шагах от нас на земле валялись железные кандалы, тронутые яркой ржавчиной.

– Он схватил брата, а мы схватили его, – вставила Хильда, – и затолкали в кусты, пока никто не увидел. Он сказал, что собирается сдать брата шерифу, тогда мы с сестрами его повалили, а мама хорошенько пнула пару раз.

Уте ласково похлопала дочь по широкому плечу.

– Meine дотшки! Хорошие Mädchen, сильные, – сказала она Джейми. – Мы хотеть посмотреть hier die Wettkämpfer и, может, выбрать мужа для Инга или Сенга. Для Хильда муж уже есть, – добавила она с удовлетворенным вздохом.

Потом осмотрела Джейми с ног до головы, оценивая высокий рост, широкие плечи и пышущее здоровьем лицо.

– Хороший у вас Mann, большой, – одобчительно заметила Уте в мой адрес. – Вы иметь сыновья?

– К сожалению, нет, – ответила я. Взгляд Уте скользнул в сторону Фергуса, и я торопливо добавила: – Кхм... Фергус женат на дочке моего мужа.

Охотник за головами почувствовал, что беседа постепенно переходит на посторонние темы, и возмущенно замычал, привлекая внимание к своей персоне. Побледневшее во время кровожадных рассуждений лицо вновь залилось яркой краской, волосы прилипли ко лбу тонкими прядками.

– Ах да, – спохватился Джейми. – Возможно, стоит дать слово этому джентльмену?

Робби прищурился и неохотно кивнул. Состязания были в самом разгаре, и со стороны поля доносился такой гвалт, что вопли пленника в любом случае остались бы незаметными.

– Не позволяйте им убить меня, сэр! Я не сделал ничего дурного! – хрипло крикнул охотник за головами, едва с него сняли кляп. – Преступника нужно предать суду, я просто выполнял свой долг!

– Ха! – хором сказала семейство Макгилливреев. Этот единодушный порыв тут же превратился в поток возмущенных восклицаний и гневных выкриков, а на икры многострадального джентльмена посыпался град пинков со стороны Инги и Сенги.

– А ну прекратите! – Джейми слегка повысил голос, чтобы перекрыть всеобщий галдеж. Не добившись желаемого результата, он ухватил Макгилливрея-младшего за шиворот и что есть мочи заорал: «Ruhe!» От неожиданности все на мгновение примолкли, с виноватым видом оглядываясь в сторону поля для соревнований.

– Так, послушайте! – решительно сказал Джейми. – Майерс, будь добр, не отпускай джентльмена. Роб, Фергус, пойдемте со мной. Bitte, мадам?

Он поклонился миссис Макгилливрей. Та сначала недоуменно моргнула, потом медленно кивнула в ответ. Джейми повернулся ко мне, выразительно закатил глаза и, по-прежнему удерживая Манфреда за шиворот, повел все мужскую компанию на берег ручья. Я осталась присматривать за женской частью семейства.

– Ваш Мэпп... он спасать мой сын? – встревоженно нахмурилась Уте.

– Постарается. – Я перевела взгляд на девочек, которые сбились в кучу у матери за спиной. – Ваш брат действительно был в Хиллсборо?

Девочки переглянулись, решая, кто будет мне отвечать.

– Я, он там был, – с вызовом сказала Инга. – Но не с бунтарями! Просто поехал в город, чтобы починить сбрую, а потом случайно затесался в толпу.

Хильда с Сенгой снова переглянулись, и стало ясно, что это далеко не вся история. Но, слава богу, судить тут не мне.

Миссис Макгилливрей не сводила глаз с мужчин, сгрудившихся неподалеку. Охотника за головами освободили от пут, оставив связанными только руки, и он привалился спиной к дереву, как загнанная в угол крыса с обнаженными от злости клыками. Над ним нависали Джейми и Майерс, а Фергус стоял рядом, сосредоточенно нахмурившись и подперев подбородок своим крюком. Роб Макгилливрей вытащил нож и принялся неторопливо обстругивать сосновую ветку; взгляды, которые он бросал на пленника, не предвещали ничего хорошего.

– Джейми обязательно... э-э... что-нибудь придумает, – сказала я, про себя надеясь, что ему удастся обойтись без насилия. В голову лезли нехорошие мысли: наверное, тщедушный охотник за головами прекрасно поместится в пустом коробе из-под съестных припасов.

– Gut! – Уте Макгилливрей медленно кивнула, наблюдая за переговорами. – Лучше я его не убивать. – Она неожиданно взглянула на меня в упор яркими голубыми глазами. – Но я могу, если придется.

У меня не было в этом сомнений.

– Ясно, – осторожно начала я. – Однако же... я прошу прощения за бестактный вопрос... неужели вы не могли объяснить шерифу все как на духу?

Девочки посмотрели друг на друга. На этот раз мне ответила Хильда:

– Nein, мэм. Одно дело, если бы охотник за головами налетел на нас в лагере. Там мы бы справились. А здесь...

Она округлила глаза и кивнула в сторону поля для соревнований, откуда как раз донесся приглушенный удар и радостный рев толпы, – кажется, кто-то умудрился-таки поднять камень.

Судя по всему, дело было в женихе Хильды, некоем Дейви Моррисоне из Хантерс-Пойнт. Мистер Моррисон был зажиточным фермером, уважаемым гражданином и силачом, полностью овладевшим искусством метания камней и бревен. Семейство у него тоже было внушительное: родители, дядюшки, тетушки, кузены – люди крайне добропорядочные и, насколько я поняла, весьма суровые в своих суждениях.

Если бы охотник за головами схватил Манфреда на глазах у почтенной публики, то слухи непременно дошли бы до родни Дейви Моррисона и помолвка Хильды оказалась бы под угрозой из-за скандала. Такая перспектива пугала Уте Макгилливрей куда сильнее, чем необходимость перерезать горло охотнику за головами.

– Плохо, если я его убивать, а кто-то это видеть, – искренне сказала она, махнув в сторону деревьев, отделявших нас от поля для состязаний. – Die Моррисоны будут сердиться.

– Вполне вероятно, – пробормотала я. Интересно, Дейви Моррисон понимал, во что ввязывается? – Но вы...

– Я находить мужа для meine дотшки! – решительно сказала Уте, несколько раз кивнув для пущей убедительности. – Хорошие мужа, mit земля и богатство! – Она крепко обняла Сенгу за плечи. – Nicht wahr, Liebchen?

– Ja, мама, – ответила Сенга и положила голову на широкую грудь миссис Макгилливрей.

Тем временем в мужской компании наметились перемены: охотнику за головами развязали руки, и он потирал запястья, прислушиваясь к словам Джейми, – настороженно, но без прежней злости. Потом он взглянул на нас и повернулся к Робину Макгилливрею, который тоже что-то настойчиво ему втолковывал. На щеках у пленника заиграли желваки, будто он пережевывал очень сложную мысль.

– Значит, вы приехали сюда, чтобы посмотреть состязания и поискать подходящих кандидатов? Понятно.

Джейми вытащил из своего споррана какую-то вещьцу и сунул ее под нос охотнику за головами. С такого расстояния было невозможно разглядеть, что он держал в руке, однако настороженность на лице пленника сменилась испугом и отвращением.

– Ja, только посмотреть. – Миссис Макгилливрей ласково похлопала Сенгу по плечу и разжала объятия. – Теперь мы ехать в Салем, к meine Familie. Может быть, находить там хороший муж!

Майерс отошел в сторонку и заметно расслабился, потеряв всякий интерес к разговору. Сунул палец под набедренную повязку, неторопливо почесал зад и принялся глазеть по сторонам. Заметив мой взгляд, он вразвалочку направился к нам через молодую поросль.

– Не беспокойтесь, мэм, – сказал он миссис Макгилливрей. – Джейми Рой все уладил, вашему мальцу ничего не грозит.

– Ja?

Уте с сомнением покосилась на мужчин. Кажется, они и вправду сумели договориться: напряжение уже не витало в воздухе, и Джейми вернул охотнику за головами отобранные у него кандалы. На мгновение на лице Джейми мелькнула нескрываемая брезгливость – в Ардсмурской тюрьме ему пришлось испытать на себе всю тяжесть железных оков.

– Gott sei dank, – судорожно выдохнула миссис Макгилливрей. Со стороны могло показаться, что ее внушительная фигура обмякла и резко уменьшилась в размере.

Тщедушный охотник за головами развернулся и пошел прочь, в сторону ручья. Кандалы, висящие у него на поясе, позвякивали при каждом шаге, и этот звук долетал до нас даже сквозь крики возбужденной толпы. Джейми разговаривал с Робом Макгилливреем, а Фергус, слегка нахмурившись, провожал взглядом уходящего пленника.

– И как же Джейми его убедил? – спросила я Майерса.

– Проще простого, мэм. – Великан сверкнул щербатой улыбкой. – Джейми Рой растолковал этому парню – а зовут его Бобл, к слову сказать, Харли Бобл, – что ему страшно повезло. Не наткнись мы на вас, эта леди, – он поклонился Уте, – наверняка отвезла бы его к себе домой и разделала бы там, как свинью. Тихо-мирно, без лишнего шума.

Майерс потер кулаком нос и фыркнул себе в бороду.

– Бобл сначала заявил, что это все враки и она просто старалась его припугнуть. Но Джейми Рой наклонился к нему и сказал эдак ласково, будто бы по секрету: мол, он бы тоже так решил, но фрау Макгилливрей славится своими знатными колбасками, и Джейми уже довелось отведать их на завтрак. Тут-то Бобл и позеленел. А уж когда Джейми вытащил из своего споррана кусок колбаски...

– Бог ты мой, – с содроганием сказала я. Пахли те колбаски незабываемо. Я купила их у одного горца, а вечером обнаружила, что они совершенно несъедобны. Стоило надрезать оболочку, как в нос ударяла резкая вонь загнившей крови, отбивавшая аппетит даже у самых непритязательных едоков. После ужина Джейми завернул колбаску в платок и сложил в сумку

с твердым намерением найти того горца и выбить из него деньги – или засунуть колбаску ему в глотку, чтоб неповадно было.

– Ясно.

Майерс кивнул и повернулся к Уте.

– А ваш муж, мэм, – прирожденный враль, благослови его боже! – со всей серьезностью поддакивал его словам и говорил, как трудно ему добывать дичь для своей мастерицы-жены.

Девочки захихикали.

– Папа не любит охотиться, – тихонько сказала мне Инга. – Он даже цыпленку шею свернуть не способен.

Майерс добродушно пожал плечами, глядя, как Джейми и Роб идут к нам по мокрой траве.

– Тогда Джейми дал Боблу слово джентльмена и поклялся защищать его от вас. И Бобл тоже дал слово дж... в общем, пообещал, что не тронет Манфреда.

– Хм, – сконфуженно откликнулась Уте. Она вовсе не возражала против репутации жестокой убийцы и радовалась спасению сына, но никак не могла смириться с тем, что посторонний человек оскорбительно отозвался о ее колбасках.

– Я бы ни за что не приготовить такая дрянь! – сказала она и презрительно сморщила нос, когда Джейми протянул ей платок со зловонным куском мяса. – Фу! Ratzfleisch.

Она брезгливо отмахнулась от колбаски, повернулась к мужу и тихонько сказала что-то по-немецки. Потом глубоко вздохнула, снова выпрямилась в полный рост и принялась собирать детей вокруг себя, словно курица цыплят, требуя, чтобы они как следует поблагодарили Джейми. Он слегка покраснел от потока радостных восклицаний и поклонился.

– Gern geschehen, – сказал Джейми. – Euer ergebener Diener, Frau Ute.

Она одарила его широкой улыбкой, и Джейми повернулся, чтобы попрощаться с Робом.

– Такой большой, хороший Mann, – пробормотала Уте, осматривая его с ног до головы. Потом перехватила взгляд, который я бросила в сторону Роба. Точеные черты лица, коротко стриженные темные кудри – оружейник был недурен собой, но отличался довольно хрупким телосложением и смахивал на воробушка. Ростом он был на несколько дюймов ниже Уте, и его макушка находилась где-то на уровне ее могучего плеча. Я волей-неволей задумалась: как же так, ведь миссис Макгилливрей явно питала слабость к высоким мужчинам...

– Ох, – вздохнула Уте и пожала плечами. – Лубофф, вы знаете.

Любовь, по мнению Уте Макгилливрей, была чем-то не очень желанным, но неизбежным.

Я посмотрела на Джейми, который тщательно заворачивал колбаску в платок, прежде чем спрятать ее в спорран.

– Да, – ответила я. – Знаю.

* * *

К тому времени, как мы вернулись в свой лагерь, Чишолмы уже собрались уходить, от души накормленные нашими девочками. К счастью, еды Джейми принес много, и меня ждал вкусный завтрак из картофельных оладий, лепешек с маслом, жареной ветчины и – наконец-то! – кофе. Устроившись у костра, я задумалась, какие еще сюрпризы преподнесет нам сегодняшний день. Благо времени оставалось предостаточно – солнце, почти не видимое за пеленой облаков, едва поднялось над деревьями.

Через некоторое время, покончив с завтраком и захватив с собой третью чашку кофе, я отправилась к своим медицинским припасам, сваленным в кучу под куском парусины. Настала пора готовиться к утреннему приему пациентов: перебирать флаконы с хирургическими нитками, проверять, не опустели ли банки с травами, наливать спирт в большую бутылку и варить свежие лекарства.

Запасы самых распространенных трав слегка оскудели, но я умудрилась разжиться всяческими редкостями благодаря любезному содействию Майерса, который снабдил меня диковинками из северных индейских деревень, и продуманному обмену с Мюрреем Маклаудом, предприимчивым молодым аптекарем, открывшим магазинчик в Кросс-Крике.

Я прикусила щеку, раздумывая о Мюррее. Этот молодой наглец был приверженцем дикарских методик, считавшихся здесь вершиной медицинского искусства, и не стеснялся громогласно заявлять о преимуществах кровопускания и нарывных пластырей по сравнению с травяными припарками, которыми пользовались только древние невежественные старухи вроде меня!

Но в его жилах текла шотландская кровь, а значит, он, как и всякий горец, отличался здоровым прагматизмом. Бросив короткий взгляд на внушительную фигуру Джейми, Мюррей прикусил язык и воздержался от дальнейших оскорблений в мой адрес. Ему нужно было заполучить шесть унций полыни и банку с корнем дикого имбиря из моих запасов. Вдобавок этот наблюдательный проныра успел заметить, что горцы чаще обращаются за помощью ко мне, а не к нему – и что большинство моих пациентов быстро идет на поправку. Мюррею не терпелось узнать мои секреты, и я была готова их рассказать.

Так, отлично, ивовой коры достаточно. Я в нерешительности замерла над бутылочками, стоявшими в верхнем правом отделении сундука. В нем было припрятано несколько сильных месячногонных средств: голубой кохош, спорынья, болотная мята, – однако я выбрала более мягкие травы: пижму и руту. Кинула пригоршню в миску и залила кипящей водой, чтобы настоялись. Пижма использовалась не только для облегчения менструации, но и для успокоения нервов – как раз то, что нужно для трепетной Лиззи Уэмисс.

Я бросила взгляд в сторону костра, где Лиззи старательно кормила рядового Огилви клубничным вареньем. Тот пытался уделять равное внимание Лиззи, Джейми и куску поджаренного хлеба. Хлеб явно побеждал.

Рута к тому же отлично помогала от глистов. Я не знала наверняка, страдает ли Лиззи от этой напасти, но среди горцев такое случалось часто. Вреда не будет.

Украдкой взглянув на Авеля Макленнана, я задумалась, не плеснуть ли адского снадобья ему в кофе. Несмотря на мощную коренастую фигуру, у бедняги был анемичный вид человека, страдающего от кишечных паразитов. С другой стороны, тревожная бледность могла быть вызвана непосредственной близостью охотников за головами.

Малышка Джоан опять начала плакать от голода. Марсали села, сунула руку под арисэд, расстегнула лиф платья и приложила дочку к груди. Я заметила, как она испуганно прикусила губу, дернулась от боли, а потом слегка расслабилась, когда молоко наконец пошло.

Трещины на сосках. Нахмурившись, я снова повернулась к своему сундуку со снадобьями. Есть ли у меня мазь из овечьей шерсти? Черт, не взяла. Марсали кормила Джоан, и использовать медвежий жир не хотелось, может быть, подсолнечное масло...

– Хотите кофе, милая? – Мистер Макленнан, наблюдавший за Марсали с глубоким сочувствием, протянул ей свою чашку. – Моя жена пила горячий кофе, когда кормила малыша. Говорила, помогает от боли. А если добавить капельку виски, то станет совсем хорошо! – Он слегка улыбнулся.

– Taing! – Марсали с благодарностью взяла у него чашку. – Я сегодня промерзла до самых костей.

Она осторожно отхлебнула дымящейся жидкости, и ее щеки слегка порозовели.

– Возвращаетесь завтра в Дранкард-Крик, мистер Макленнан? – вежливо поинтересовалась Марсали, отдавая ему пустую чашку. – Или поедете в Нью-Берн с мистером Хобсоном?

Джейми резко повернулся к ним, оборвав разговор с рядовым Огилви.

– Хобсон собирается в Нью-Берн? Откуда ты знаешь?

– От миссис Фаулз, – мгновенно откликнулась Марсали. – Я ходила к ней за сухой рубашкой для Жермена, у нее такой же малыш... Миссис Фаулз переживает за Хью – это ее муж, – потому что ее отец, мистер Хобсон, желает, чтобы Хью поехал в Нью-Берн вместе с ним. А Хью боится.

– Зачем Джо Хобсон собрался в Нью-Берн? – спросила я, выглядывая из-за сундука с лекарствами.

– Хочет подать петицию губернатору, – ответил Авель Макленнан. – Будто это чем-то поможет. – Он грустно улыбнулся Марсали. – Нет, деточка. По чести сказать, не знаю еще, куда завтра подамся. Но точно не в Нью-Берн.

– И не в Дранкард-Крик? А как же ваша жена? – Марсали наградила его встревоженным взглядом.

– Умерла моя жена, деточка, – тихонько сказал Макленнан. Разложил красный платок на коленке, расправил складки. – Два месяца тому назад.

– Ох, мистер Авель! – Марсали подалась к нему и взяла за руку. В ее голубых глазах плескалась боль. – Соболезную.

Он похлопал девушку по ладони, не поднимая головы. В редкой клочковатой шевелюре поблескивали капли дождя, тонкая струйка воды скатилась прямо за оттопыренное красное ухо, но Макленнан даже не пошевелился.

Во время разговора с Марсали Джейми поднялся. Услышав страшные вести, он сел рядом с Макленнаном и положил руку ему на спину.

– Я и не знал, старина.

– Я... – Макленнан смотрел в огонь невидящими глазами. – Я никому и не рассказывал. Только вот сейчас...

Мы с Джейми переглянулись. На берегу ручья в Дранкард-Крике обосновалось не больше двух десятков человек. И все же ни Хобсоны, ни Фаулзы не упоминали о горе, постигшем Авеля... Значит, он действительно никому ничего не сказал.

– Что с ней произошло, мистер Авель? – Марсали по-прежнему стискивала его руку, безвольно лежавшую на красном платке.

Макленнан наконец поднял глаза.

– Много всего произошло... – ответил он. – Но ничего такого... Абби – Абигайл, моя жена, – умерла от лихорадки. Простыла... и умерла. – Голос у него был слегка удивленный.

Джейми забрал из рук Макленнана чашку, плеснул туда виски и снова вложил чашку в его ладонь, с силой сжимая чужие пальцы.

– Выпей-ка, – сказал он.

Все молчали, глядя, как Макленнан послушно глотает виски – раз, другой, третий. Рядовой Огилви, которому пришла пора возвращаться в полк, заерзал на валуне, но так и не встал – будто опасался, что его внезапный уход каким-то непостижимым образом растревожит рану Макленнана еще сильнее.

Молчаливая неподвижность Макленнана притягивала к себе взгляды. Все разговоры прекратились. Я замерла, подняв руку над сундуком, но лекарства от его несчастья у меня не было.

– Мне бы хватило, – внезапно сказал он. – Правда хватило бы. – Он обвел взглядом всех сидящих вокруг костра, словно бросая вызов. – На налоги. Год был не шибко удачный, но я откладывал. Десять бушелей кукурузы, четыре добрых оленьих шкуры. Это больше, чем шесть шиллингов для налога.

Но налоги нужно платить деньгами; не кукурузой, не шкурами, не краской индиго, которые были в ходу среди фермеров. «Предложить товар в обмен за товар – обычное дело в здешних поселениях. Кому об этом знать, как не мне», – подумала я и посмотрела на мешок с подношениями, полученными от пациентов в обмен за лекарственные травы. Никто ни за что не платил деньгами. Налоги составляли исключение.

– Я не спорю, все правильно, – сказал Макленнан, глядя прямо на рядового Огилви, словно мальчик пытался ему возразить. – Что его величество будет делать со стадом свиной или парочкой индюшек? Нет, королю нужны деньги, дураку ясно. У меня была кукуруза, как раз на шесть шиллингов.

Чтобы заплатить шесть шиллингов налога, кукурузу сначала нужно продать. В Дранкард-Крике наверняка нашлись бы покупатели, но у них, как и у самого Авеля, не было денег. Нет, за звонкой монетой пришлось бы ехать на рынок, а ближайший из них располагался в Салеме. Почти сорок миль пути, меньше чем за неделю не обернешься.

– У меня оставалось пять акров позднего ячменя, – пояснил Абель. – Зрелого, желтого – бери и коси. Если оставить, пропадет. А моя Абби – она маленькая была, хрупкая. Не могла косить ячмень и зерно вымолачивать.

Урожай не стал бы ждать целую неделю, и Абель пошел за помощью к соседям.

– Они хорошие люди, – уверял он. – Дали пару пенсов... им ведь самим налог платить надо.

Абель до последнего надеялся, что ему как-нибудь удастся наскрести денег... а потом стало слишком поздно.

– Наш шериф, Говард Треверс, – сказал Макленнан и утер каплю, повисшую на кончике носа, – пришел с официальной бумагой. Сказал, что должен нас выселить за неуплату налога.

Столкнувшись с неизбежностью, Абель покинул жену и спешно отправился в Салем, чтобы добыть злосчастные шесть шиллингов. Но к моменту его возвращения на хижину успели наложить арест и продать ее – тестю Говарда Треверса. В доме жили посторонние люди, Абигайл исчезла без следа.

– Я знал, что она не уйдет далеко. Не оставит детишек.

Абель нашел жену, укутанную в тонкое истрепанное одеяло, под огромной елью на вершине холма, где были похоронены все четверо детей Макленнана – ни один из малышей не прожил дольше года. Несмотря на отчаянные мольбы мужа, Абигайл наотрез отказалась возвращаться к хижине и просить помощи у людей, выгнавших их из дома. Что было тому виной – лихорадочный бред, сжигавший ее, или чистое упрямство, – Абель не знал. Абигайл цеплялась за ветки деревьев с безумной силой, выкрикивая имена детей. Той же ночью она умерла.

Чашка опустела, и Макленнан осторожно поставил ее на землю. Джейми приглашающе махнул рукой в сторону бутылки виски, но жест остался незамеченным.

– Ей разрешили забрать с собой все, что она могла унести, и Абби взяла сверток с погребальной одеждой. Я помню, как на следующий день после свадьбы она села ткать себе саван. Вышила крохотные цветочки вдоль нижнего края... Моя Абби была мастерицей хоть куда.

Макленнан завернул жену в расшитый саван, похоронил рядом с младшим из их детей и побрел к Хобсонам, чтобы рассказать о своем горе.

– Пришел, а там все семейство гудит как растревоженный улей. Треверс наведлся в гости к Хью Фаулзу – тоже за налогом. Денег у них не было. Шериф ухмыльнулся по-обезьяньи: мол, ему все равно, кого выселять. И через десять дней опять явился с бумагами и тремя молодчиками.

Хобсон успел наскрести шесть шиллингов для налога, так что Фаулзы нашли приют в его тесной хижине, но Джо едва не сошел с ума от бешенства, узнав, что с его зятем так обошлись.

– Страсть как взъярился, не мог успокоиться. Жанет пригласила меня в дом, усадила за стол, а Джо все грозил, что Говард Треверс заплатит за эту землю собственной шкурой. Хью сидел в углу словно побитая собака, его жена причитала, детишки визжали на все лады, как голодные поросята. Я хотел им рассказать, да только...

Он сконфуженно покачал головой.

Сидя у печки, всеми покинутый и позабытый, Абель погрузился в странное оцепенение: усталость накатывала с такой силой, что голова сама опускалась на грудь и его неумолимо

клонило в сон. Макленнан пригрелся, и все происходящее вдруг показалось ему мороком, смутной грезой. И если тесная, душная хижина Хобсонов привиделась ему в лихорадочном бреду, значит, свежая могила под высокой елью тоже была плодом его воображения.

Спал Макленнан прямо под столом; проснулся до зари, но странное ощущение никуда не делось. Все вокруг погрузилось в туман. Авель Макленнан исчез, осталась пустая оболочка: он механически встал, умылся, поел, что-то говорил и кивал в ответ на вопросы. Внешний мир перестал существовать. А когда Джо Хобсон поднялся и объявил, что они с Хью отправятся в Хиллсборо требовать возмещения у судьи, Авель Макленнан пошел вместе с ними, по-прежнему как во сне. Говорил и кивал, если с ним говорили, но воли к жизни у него было не больше, чем у покойника.

– По дороге в Хиллсборо я вдруг понял: мы все мертвецы. И я, и Джо, и Хью, и все остальные. Какая разница, куда идти. Лишь бы шагать. А там, глядишь, придет пора сложить косточки рядом с Абби.

В Хиллсборо Макленнан не стал вникать в планы Джо; просто шел за ним по пятам, послушно и бездумно. Брел по грязным улицам, покрытым битыми стеклами, смотрел на факелы и беснующуюся толпу, слушал надсадные крики – будто сторонний зритель.

– Мертвецы кругом, одни мертвецы, только кости гремят, – сказал он, пожав плечами. Замер на мгновение, потом повернулся к Джейми и посмотрел ему в лицо долгим внимательным взглядом. – Так ведь? Ты тоже мертвец?

Безвольная мозолистая ладонь поднялась с красного платка и легонько коснулась скулы Джейми.

Тот не отпрянул, осторожно взял его руку и крепко сжал.

– Нет, дружище, – тихо ответил Джейми, – пока нет.

Макленнан медленно кивнул.

– Ясно. Дай только время.

Он высвободил руку и вновь принялся расправлять платок.

Голова Макленнана мелко покачивалась, будто у куклы с растянутой пружиной вместо шеи.

– Дай только время, – повторил он. – Все наладится.

Потом встал, повязал красный платок на голову и повернулся ко мне. Взгляд у него был рассеянный и тревожный.

– Благодарю за завтрак, мэм, – сказал он, учтиво кивнув на прощание.

Глава 3 Избыток желчи

После ухода Макленнана все разбрелись по своим делам. Рядовой Огилви отправился к своим товарищам, поблагодарив нас за угощение, Джейми и Фергус пошли искать косы и астролябии, а Лиззи, слегка поникшая в отсутствие рядового Огилви, объявила, что ей нехорошо, и укрылась под навесом с чашкой заваренных трав.

К счастью, к этому времени в лагере появилась Брианна – одна, без Джемми. Они с Роджером позавтракали у Июкасты, и Джемми уснул на руках у хозяйки лагеря. А поскольку Июкаста явно не возражала против такого положения дел, Брианна оставила сына с ней и пришла помогать мне с утренним приемом пациентов.

– Бри, ты уверена? – Я с сомнением покосилась на дочь. – В конце концов, вечером у тебя свадьба. Лиззи или миссис Мартин могли бы...

– Не волнуйся, справлюсь, – ответила она, протирая высокую скамью, которую я использовала при осмотре больных. – Лиззи стало лучше, но ей пока рано возиться с нарывами и вспученными животами.

Она передернула плечами и зажмурилась, вспомнив пожилого джентльмена с язвой на пятке, которого я осматривала накануне. От боли беднягу обильно стошнило прямо на изодранные бриджи, и у остальных пациентов, ожидающих своей очереди, тоже сработал рвотный рефлекс – видимо, из солидарности.

Даже сейчас воспоминание вызывало у меня легкую дурноту.

– Да, это уж точно, – неохотно согласилась я. – Но ведь твой наряд еще не закончен. Разве не надо...

– Все в порядке, мам, – сказала Бри. – Федра подшивает подол, а Улисс гоняет слуг, как сержант новобранцев. Я только под ногами путаться буду.

Я сдалась без дальнейших возражений, хотя такой энтузиазм слегка меня удивил. Бри не гнушалась повседневной работы, спокойно свежевала дичь и чистила рыбу, однако я не раз замечала, как она напрягается при виде людей с сильным увечьем или жестоким недугом и изо всех сил старается это скрыть. Дело тут было не в брезгливости, а скорее в мучительном сострадании.

Я сняла чайник с огня и добавила кипятка в большую бутылку с дистиллированным спиртом, щурясь от горячих алкогольных паров.

Сердце обливалось кровью при мысли о том, сколько людей страдает от болезней, которые можно запросто вылечить в эпоху антисептиков, антибиотиков и анестезии... Но работа в полевых госпиталиях, где такие медицинские новшества были редкостью, научила меня отстраненности. Без этого качества в моей профессии не обойтись.

Если дать волю чувствам, не сможешь оказать помощь. А помогать людям – мой долг. Вот и все, никаких премудростей. Брианне еще только предстояло постигнуть эту науку.

Она закончила протирать разнообразные скамейки и коробки для утреннего приема пациентов и теперь стояла нахмурившись.

– Помнишь ту женщину, которая приходила вчера? С умственно отсталым мальчиком?

– Такое не забывается, – ответила я, стараясь сохранить легкомысленный тон. – А что? Ой, ты не могла бы помочь с этой штуковиной?

Я указала на переносной столик, который категорически не желал складываться – дерево распухло от влаги.

Брианна свела брови, внимательно осмотрела его и резко ударила по ножке ребром ладони. Столик тут же сложился, сдаваясь под напором превосходящей силы.

– Готово!

Брианна рассеянно потеряла руку, по-прежнему хмурясь.

– Ты несколько раз повторила, что ей нельзя больше заводить детей. Значит, это наследственное?

– Можно и так сказать, – сухо откликнулась я. – Врожденный сифилис.

Брианна ошарашенно уставилась на меня.

– Сифилис? Точно?

Я кивнула и принялась сворачивать прокипяченные повязки.

– У матери пока нет выраженных признаков последней стадии, но по сыну все сразу видно.

Женщина пришла ко мне, чтобы вскрыть флюс. У малыша, цеплявшегося за ее юбку, был характерный седловидный нос с проваленной спинкой и недоразвитая нижняя челюсть; бедняга едва мог жевать и явно страдал от недоедания. Сильная отсталость в развитии могла быть вызвана повреждением мозга или глухотой – я заметила признаки и того и другого, однако тщательную проверку затевать не стала, понимая, что все равно не сумею помочь малютке. Посоветовала матери поить его бульоном, чтобы предотвратить истощение, но больше ничего не могла поделать, как ни крути.

– Здесь он встречается реже, чем в Париже и Эдинбурге. Там много проституток, – сказала я Бри, складывая повязки в подставленную сумку. – Хотя иногда все равно попадается. А почему ты спрашиваешь? Подозреваешь, что у Роджера сифилис?

Брианна посмотрела на меня, открыв рот; через мгновение шок на ее лице сменился праведным гневом.

– Мам, да ты что! – воскликнула она. – Нет, конечно!

– Ну а откуда мне знать? – мягко ответила я. – Случается в лучших семействах. И ты сама завела этот разговор.

Брианна громко фыркнула.

– Я собиралась спросить про контрацепцию! – сказала она, стиснув зубы. – А ты начала читать лекцию про венерические заболевания.

– А-а, ясно. – Я задумчиво посмотрела на Бри, отметив засохшие пятна молока у нее на платье. – Как правило, грудное вскармливание позволяет избежать беременности. Полной гарантии нет, но обычно помогает неплохо. Особенно в первые полгода. Потом уже хуже.

Джемми как раз исполнилось шесть месяцев.

– Хм-м-м, – откликнулась она. Прозвучало это так похоже на Джейми, что я едва не расхохоталась. – А что еще может помочь?

Мы с Бри ни разу не обсуждали способы контрацепции в восемнадцатом веке. Я не сочла это важным, когда она только появилась во Фрейзер-Ридже... а потом Брианна забеременела и необходимость в таких разговорах отпала сама по себе. Теперь она сама решила поднять эту тему.

Я нахмурилась, медленно складывая чистые повязки и травы в сумку.

– Самый распространенный способ – какой-нибудь физический барьер. Кусочек шелка или губки, смоченный жидкостью: от уксуса до бренди... Но пижмовое и кедровое масло помогает лучше. Еще говорят, в Индии женщины используют половинку лимона; впрочем, у нас здесь не так-то просто найти лимон...

Бри рассмеялась.

– Да уж. Но от пижмового масла мало толка. Марсали его использовала, когда забеременела дочкой.

– А, она его все-таки использовала? Я думала, просто забыла разочек. А в таких делах одного раза бывает достаточно.

Я почувствовала, как Брианна застыла на месте, и прикусила губу от досады. Одного раза и вправду было достаточно – но мы до сих пор не знали, когда именно это произошло. Наконец Бри расправила плечи, отгоняя воспоминания, вызванные моими неосторожными словами.

– Говорит, что использовала. Хотя могла и забыть. И оно не всегда работает, так ведь?

Я повесила сумку с повязками и сушеными травами себе на плечо и подхватила сундучок-аптечку за ремень, который смастерил Джейми.

– Единственное средство, которое никогда не дает осечек, – это celibat, – сказала я. – Но, полагаю, такой ответ тебя не удовлетворит.

Она покачала головой, задумчиво глядя сквозь листву на группу молодых людей, по очереди кидавших камни в ручей.

– Именно этого я и боялась, – сказала Бри и подхватила складной столик вместе с парой скамеек.

Я осмотрела поляну. Ничего не забыли? Костер можно оставить: даже если Лиззи уснет, пожар не разгорится в такую погоду – влага пропитала все вокруг, включая дрова, которые мы сложили под навес вчера вечером. Но чего-то не хватало... Ах да, точно! Я поставила сундучок на землю и полезла под навес. Разворошив сбитые в кучу пледы, вытащила на свет маленький кожаный мешочек с целительским амулетом.

Наскоро помолиться святой Бригитте, надеть мешочек на шею и сунуть его под ворот платья – я не приступала к врачебным делам без амулета и так привыкла к нему, что почти перестала стесняться своего маленького ритуала... Почти. Бри посмотрела на меня со странным выражением лица, но промолчала.

Я тоже ничего не сказала. Собрала все вещи и пошла следом за ней через поляну, осторожно перешагивая лужи. Дождь прекратился, но облака, цеплявшиеся за вершины деревьев, выглядели угрожающе, а от мокрого подлеска поднимались клочья тумана.

Почему Бри заговорила о контрацепции? Нет, разумеется, вопрос разумный, однако почему именно сейчас? Возможно, из-за грядущей свадьбы с Роджером. В последние несколько месяцев они жили как муж и жена, но, несмотря на это, мысль о клятвах, принсенных пред лицом Всевышнего и всех людей, могла отрезвить даже самых легкомысленных влюбленных. А Бри с Роджером легкомысленностью не отличались.

– Есть еще одно средство, – сказала я, глядя в затылок Брианне, шагавшей вперед по скользкой тропе. – Я его еще не опробовала, так что не ручаюсь за эффективность. Найавенна – старушка из племени тускарора, которая подарила мне амулет, – говорила, что знает «женские травы». Разные смеси подходят для разных целей, но есть одно особенное растение... Она сказала, что его семена не позволяют мужскому началу взять верх над женским.

Бри остановилась и обернулась ко мне.

– Индейцы так воспринимают беременность? – Она криво усмехнулась. – Как победу мужчины над женщиной?

– Вроде того. Если дух женщины слишком крепок или не желает сдаваться мужчине, то она не сумеет зачать дитя. Поэтому шаманы обычно лечат не бесплодную жену, а ее мужа... или обоих сразу, а не только одну жену.

Брианна тихонько хмыкнула, будто такой подход показался ей отчасти забавным.

– И что это за женская трава? Ты ее знаешь?

– Не уверена. Точнее, не уверена насчет названия. Найавенна показала мне и само растение, и высушенные семена, так что я смогу его опознать. Но английского названия не припомню. – Подумав, я добавила: – Что-то из семейства зонтичных.

Бри наградила меня суровым взглядом – совсем как Джейми – и отступила на край тропинки, чтобы пропустить вереницу женщин из семейства Кэмпбелла, которые направлялись к ручью, гремя чайниками и ведрами.

– Добрый день, госпожа Фрейзер! – сказала мне опрятная девушка, одна из младших дочерей Фаркуарда Кэмпбелла. – Ваш муж в лагере? Отец просил передать, что хотел бы с ним побеседовать.

– Увы! Ушел по делам. – Я махнула рукой в неопределенном направлении. Джейми мог оказаться где угодно. – Я ему обязательно сообщу.

Девушка кивнула. Все проходящие мимо останавливались перед Брианной, чтобы пожелать ей счастья; шерстяные юбки и плащи цеплялись за кусты восковницы, росшей вдоль тропы, и с ветвей градом сыпались капли.

Брианна отвечала обходительно и любезно, но я заметила, что между густых рыжих бровей залегла тоненькая морщинка. Ее снедала какая-то тревога.

– Что? – спросила я в лоб, как только Кэмпбеллы отошли подальше.

– Что «что»? – удивилась она.

– Что тебя мучает? И не отнекивайся, я прекрасно вижу. Это из-за Роджера? Ты передумала выходить замуж?

– Не совсем, – начала она с опаской. – Я не передумала выходить за Роджера, все в порядке, просто... Я просто... Мне тут подумалось...

Она сбилась, так и не закончив фразу, и залилась краской.

– Подумалось? – встревоженно уточнила я. – О чем?

– О венерических заболеваниях, – выдавила Бри. – Вдруг я тоже подхватила что-то нехорошее? Не от Роджера... от Стивена Боннета.

Щеки Брианны полыхали так ярко, что каплям дождя следовало превратиться в пар, едва соприкоснувшись с ее кожей. Меня пробрала дрожь, сердце сжалось в груди. Я уже задумывалась об этом раньше и предпочла оставить подозрения при себе, не желая сеять тревогу. Неделями украдкой наблюдала за Бри, выискивала симптомы болезни – но признаки инфекции редко заметны на ранней стадии. После рождения Джемми я наконец успокоилась.

– Ясно, – сказала я, стиснув ее руку. – Не тревожься, радость моя. Ты здорова.

Брианна глубоко вздохнула, выпустив бледное облако пара, и ее плечи слегка расслабились.

– Точно? Я чувствую себя нормально, но... у женщин симптомы проявляются не всегда.

– Не всегда. Зато по мужчинам заметно сразу. И если бы Роджер заразился от тебя какой-нибудь гадостью, то я бы давным-давно узнала об этом.

После моих слов она покраснела с новой силой и кашлянула.

– Ох, будто гора с плеч. Значит, с Джемми все хорошо?

– Без всяких сомнений.

Когда Джемми появился на свет, я закапала ему глазки нитратом серебра – ох, как же непросто было достать это лекарство! – но предосторожность была излишней. Малыш не проявлял никаких признаков болезни и выглядел настолько крепеньким и активным, что любая мысль об инфекции казалась совершенно неуместной. Он лучился жизнерадостным благополучием, как горшок с наваристой похлебкой.

– Так ты поэтому спрашивала про контрацепцию? – Мы проходили мимо лагеря Макрея, и я приветливо махнула рукой семейству. – Боялась, что ребенок родится больным?

– Нет. Я раньше не задумывалась о венерических болезнях, а потом ты заговорила про сифилис, и меня будто ледяной водой окатили... Вдруг у него тоже... – Она остановилась, прокашлялась. – А спросила просто из любопытства.

Тропинка стала такой скользкой, что мы обе сосредоточенно замолчали.

Способы контрацепции – это не та тема, которая обычно беспокоит молодую невесту. В чем же дело? Переживает за себя или за ребенка? Роды зачастую могли обернуться трагедией, и всякий, кто видел моих пациентов или хоть раз слушал женские разговоры у вечерних костров, прекрасно осознавал опасности, которым подвергались новорожденные; лихорадка, жестокая простуда или неконтролируемая диарея уносили детские жизни практически в каждой семье. Многие женщины теряли до трех-четырех младенцев, а то и больше. Я вспомнила историю Авеля Макленнана и содрогнулась.

Тем не менее Брианна отличалась крепким здоровьем, и я частенько напоминала ей о том, что обыкновенная гигиена и хорошее питание играют решающую роль в отсутствие антибиотиков и больниц.

Нет, думала я, глядя, как Бри с легкостью скидывает свою тяжелую ношу и перебирается через изогнутый корень, перекрывший нам путь. Дело не в этом. Поводы для тревоги имелись, но Брианну не так легко запугать.

Роджер? На первый взгляд самое разумное решение – побыстрее завести второго ребенка, с которым не возникнут вопросы об отцовстве. Одним махом укрепить брак. А с другой стороны... Муж, конечно, обрадуется, но что тогда станет с Джемми?

Роджер дал кровную клятву, принимая малыша как своего. Однако человеческую природу не изменишь: несомненно, он ни за что не бросит Джемми, но к родному ребенку может относиться совсем, совсем иначе. Готова ли Брианна пойти на такой риск?

Хорошенько поразмыслив, я пришла к выводу, что она выбрала мудрый путь – со вторым ребенком лучше подождать. Дать Роджеру время привыкнуть и полюбить Джемми, прежде чем

заводить еще одного малыша. Да, все правильно; Бри всегда была крайне здравомыслящим человеком.

И только когда мы добрались до поляны, где проводился утренний прием пациентов, мне в голову пришла еще одна неожиданная мысль.

– Миссис Фрейзер, вам помочь?

Два мальчика из семьи Чишолма выбежали навстречу, без лишних слов подхватили все тяжести у нас из рук и принялись готовить место – разложили столики, принесли чистой воды, разожгли огонь. Одному из них было не больше восьми, второму – около десяти, и, проводив их взглядом, я заново осознала простой факт: в этом веке мальчишка двенадцати-четырнадцати лет считался вполне взрослым мужчиной.

Брианна тоже это понимала. Она будет заботиться о Джемми, пока он нуждается в материнской опеке, но потом... Что случится после того, как он выпорхнет из гнезда?

Я открыла сундучок и принялась раскладывать рабочие инструменты и лекарства: ножницы, зонд, пинцет, спирт, скальпель, повязки, щипцы для удаления зубов, хирургические иглы, мази, бальзамы, лосьоны, слабительное...

Брианне двадцать три. Когда Джемми обретет полную самостоятельность, ей еще не исполнится сорока. И тогда, если сын начнет независимую жизнь, они с Роджером смогут вернуться – в свой век, в свое время. К безопасной эпохе, которой они оба принадлежали по праву рождения.

Но если у Бри на руках будет еще один беспомощный малыш, ей придется остаться здесь.

– Доброго вам утречка, мэм!

Ко мне подошел низкорослый джентльмен средних лет, наш первый пациент. Недельная щетина не скрывала бледности на дряблых щеках, лоб блестел от пота, а глаза так покраснели от дыма и виски, что у меня не возникло ни одного вопроса о природе его недомогания. По утрам похмелье превращалось в настоящую эпидемию.

– Что-то мне нехорошо, мэм. Брюхо узлом завязывается, – сказал он, тяжело сглотнув. – Может, у вас найдется какое-нибудь лекарство?

– Еще как найдется! – ответила я и достала кружку. – Сырое яйцо и щепотка рвотной травы. Стошнит разочек, и будете как новенький.

* * *

Пациентов я принимала на краю большой поляны у подножия холма, где по вечерам горел большой костер горского Сбора. Влажный воздух пах сажей и едким пеплом, но почерневшую от золы землю – пятно диаметром в десяток футов, не меньше – уже накрыли свежим хворостом и ветками. Если морось не прекратится, то ближе к ночи придется изрядно попотеть, чтобы разжечь этот костер.

Джентльмен с похмельем отправился восвояси, других пациентов пока не было, и я сосредоточила свое внимание на Мюррее Маклауде, который устроился неподалеку от нас.

Мюррей работал не покладая рук с самого утра; земля у него под ногами потемнела от пепла и крови. Рядом с ним сидел тучный джентльмен с красным рыхлым носом и обвисшими щеками – явными свидетельствами чрезмерной любви к горячительным напиткам. Несмотря на дождь и холод, Маклауд заставил его раздеться до рубашки, закатал рукав, наложил жгут и поставил ему на колени миску для кровопускания.

От Мюррея меня отделяли добрых десять футов, но даже в слабом утреннем свете было заметно, что глаза у пациента желтые, как горчица.

– Больная печень, – сказала я Брианне, не пытаясь понизить голос. – Желтуху видно даже отсюда, правда?

– Разлитие желчи, – громко объявил Маклауд и достал ланцет. – Переизбыток телесной жидкости, никаких сомнений.

Маленький, чернявый, аккуратно одетый, Мюррей не производил внушительного впечатления, однако самоуверенности у него было не занимать.

– Цирроз из-за пьянства, – возразила я, подходя поближе и отстраненно осматривая пациента с ног до головы.

– Переизбыток желчи и нарушение баланса слизи! – Маклауд сверлил меня взглядом. Судя по всему, решил, что я вздумала присвоить его врачебную славу или увести пациента.

Проигнорировав его возмущение, я склонилась к больному, который явно встревожился от такого пристального внимания.

– У вас под ребрами, справа, есть твердое уплотнение, так ведь? – ласково спросила я. – Моча темная, а когда ходите по-большому, то видно кровь.

Мужчина кивнул, раскрыв от удивления рот. На нас стали оглядываться.

– Ма-туш-ка! – Брианна встала за моим плечом. Кивнула Мюррею и прошептала мне на ухо: – Ты не сможешь вылечить его от цирроза! Никак!

Пришлось замолчать и прикусить губу. Она была права. Я так спешила поставить диагноз и помешать Мюррею воспользоваться своим выдавшим виды ржавым ланцетом, что совершенно забыла об одном пустяке – я не могла вылечить этого человека.

Больной напряженно переводил взгляд с Мюррея на меня. Стиснув зубы, я улыбнулась и кивнула.

– Мистер Маклауд совершенно прав. У вас болезнь печени... вызванная избытком телесных жидкостей.

В конце концов, в определенных случаях алкоголь вполне может сойти за телесную жидкость. Особенно после целой ночи, проведенной в обнимку с бутылкой виски.

В начале разговора Мюррей настороженно хмурился, но после моей капитуляции едва не уронил челюсть от изумления. Брианна воспользовалась его замешательством и шагнула вперед.

– Я знаю отличный заговор, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Он помогает... э-э... заострить лезвие и ускорить ток крови. Давайте я вам покажу.

Прежде чем Мюррей успел опомниться, она выхватила ланцет у него из рук и поспешила к нашему костерку, над которым висел котелок с закипавшей водой.

– Во имя святого Михаила, великого воина и защитника наших душ, – начала она нараспев.

Пожалуй, упоминание архангела Михаила нельзя считать богохульством, решила я. Да и сам Михаил вряд ли стал бы возражать: Бри творила благое дело. Люди, суетившиеся вокруг главного кострища, остановились поглазеть на нее; с разных сторон к нам постепенно стягивались пациенты.

Бри подняла ланцет и медленно рассекла воздух, рисуя перед собой большой крест. Потом бросила взгляд на зрителей: смотрят ли? Можно было не беспокоиться: толпа сгорала от любопытства. Высокая, статная, синие глаза сосредоточенно прищурены – сейчас Бри один в один походила на Джейми в моменты его самых отчаянных эскапад. Оставалось надеяться, что она такая же талантливая актриса.

– Благослови этот клинок, дабы исцелился раб твой, – обратилась она к небу и подняла ланцет над костром, как священник поднимает хлеб и вино во время причастия. От котелка уже шел пар, но вода еще не начала закипать.

– Благослови это лезвие, дабы потекла кровь, отворились вены, дабы... э-э... дабы вышел яд из брэнного тела смиренного просителя твоего. Благослови клинок... Благослови клинок... Благослови клинок в руке смиренного раба твоего... Возблагодарим же Господа за эту сверкающую сталь!

«Возблагодарим же Господа за бесконечные повторы в гэльских молитвах», – цинично подумала я.

Слава богу, вода наконец закипела. Бри занесла короткое изогнутое лезвие над котелком, обвела толпу суровым взглядом и провозгласила:

– Да очистится этот клинок по велению Господа нашего, Иисуса Христа!

Она резко опустила лезвие в воду и держала его там, пока пальцы не покраснели от пара, клубившегося над деревянной рукоятью. Потом снова подняла ланцет повыше и перекинула в другую руку, пряча ошпаренную ладонь за спиной.

– Да благословит Михаил, победитель демонов, этот клинок и руку, его держащую! Во имя здорового тела и здорового духа. Аминь.

Она торжественно шагнула вперед и вручила ланцет Мюррею. Но Мюррея было не так-то легко одурачить; во взгляде, которым он меня наградил, сквозило глубокое недоверие и сдержанное восхищение театральным талантом моей дочери.

– Не трогайте лезвие, – сказала я с любезной улыбкой. – А то заговор рассеется. И повторяйте его всякий раз, когда используете ланцет. Только учтите, вода должна кипеть!

– Хм, – ответил Мюррей. Однако ланцет взял аккуратно, за ручку. Коротко кивнув Брианне, он вернулся к своему пациенту, а я вернулась к своему – маленькой девочке с крапивницей. Брианна, довольная результатом представления, вытерла руки о юбку и присоединилась к нам.

Я слышала, как пациент Маклауда тихонько охнул и в металлическую миску звонко запала кровь. Брианна была права: здесь и сейчас мы ничего не могли поделать. Тщательный уход, хорошее питание и полное воздержание от алкоголя могли бы продлить его жизнь; соблюсти первые два условия было нелегко, а третье – вовсе невозможно.

Брианна ловко спасла беднягу от заражения крови – и заодно защитила от этой беды всех потенциальных пациентов Маклауда, – но я все равно чувствовала себя виноватой. Ничего не поделаешь, первый врачебный принцип, постигнутый мной на полях сражений во Франции, оставался в силе: помогай тому, кто перед тобой.

– Возьми эту мазь, – строго сказала я девочке, страдавшей от крапивницы. – И ни в коем случае не чешись.

Глава 4

Подарки к свадьбе

Хотя солнце так и не выглянуло из-за туч, дождь наконец закончился. От костров шел густой тяжелый дым: обрадовавшись временной передышке, все горцы торопливо бросились раздувать угли и подбрасывать в огонь мокрые дрова, чтобы поскорее просушить одежду и одеяла. Ветер разносил призрачные белые клубы меж деревьев.

Одно такое дымное облако выплыло на тропу прямо перед Роджером, и он свернул, чтобы обогнуть его по травяным кочкам. Чулки тут же промокли, низкие сосновые ветки осыпали его плащ градом капель, но Роджер не обращал на это внимания – все его мысли были заняты длинным списком дневных хлопот.

Сначала к ремесленникам, купить какую-нибудь мелочь Брианне на свадьбу. Что бы такое выбрать? Украшение или ленту? Денег почти не было, но такое важное событие хотелось отметить подарком.

Будь его воля, он бы купил собственное кольцо для венчания, но Брианна остановила свой выбор на рубиновом кольце, когда-то принадлежавшем ее дедушке. Оно прекрасно подходило Бри по размеру, поэтому она не видела смысла в лишних тратах. Бри была практичным человеком – порой до отвращения практичным, – в отличие от его собственной романтической натуры.

Значит, подарок должен быть практичным и в то же время декоративным... Расписной ночной горшок?

Роджеру вспомнилась миссис Аберкромби, степенная и разумная дама из прихода преподобного Уэйкфилда, которая однажды вечером ворвалась в дом пастора прямо посреди ужина. Она объявила, что убила своего мужа, и истерически разрыдалась. Преподобный оставил миссис Аберкромби на попечении экономки, а сам взял Роджера, тогда еще подростка, и отправился в дом почтенного семейства, чтобы выяснить, что произошло.

Мистер Аберкромби лежал на полу в кухне – сконфуженный, окровавленный, но живой. Все ограничилось небольшой раной на голове, нанесенной новеньким электрическим паровым утюгом, который мистер Аберкромби подарил жене по случаю двадцать третьей годовщины их свадьбы.

– Она сама говорила, что старый утюг постоянно прожигает дырки в белье! – жалобно повторял мистер Аберкромби, пока преподобный обрабатывал его рану, а Роджер отмывал кухню от крови.

Воспоминания о кровавых пятнах на истертом линолеуме помогли Роджеру окончательно определиться. Подарок на свадьбу не должен быть практичным, что бы ни говорила Бри. И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас. Он выберет для нее что-нибудь романтическое... на один шиллинг и три пенса.

Среди еловых иголок мелькнула алая вспышка, Роджер даже сперва решил, что это кардинал, правда какой-то слишком крупный. Он остановился и заглянул в просвет между ветвями.

– Дункан? Это ты?

Дункан Иннес вышел из-за деревьев и смущенно кивнул. Он по-прежнему щеголял в алом таргане Кэмеронов, но снял свой роскошный плащ и обернулся в плед, будто в шаль, на старинный горский манер.

– Можно с тобой словечком перемолвиться, певец?

– Конечно. Я как раз иду к ремесленникам, давай прогуляемся вместе.

Дым наконец рассеялся, они снова вышли на тропу и зашагали бок о бок по склону горы.

Роджер молчал, ожидая, пока Дункан соберется с мыслями. По характеру тот был застенчив и скромн, зато отличался наблюдательностью, восприимчивостью и тихим упрямством. Если Дункану было что сказать, он непременно выскажется, дай ему только время. Наконец он вздохнул и заговорил:

– Макдью рассказывал, что твой отец был священником.

– Да, – откликнулся Роджер, изрядно удивившись такой теме беседы. – То есть... Мой родной отец погиб, и меня усыновил дядя матери. Вот он-то как раз и был священником.

Почти всю свою сознательную жизнь Роджер думал и говорил о преподобном как об отце и теперь не мог понять, зачем вдается в такие подробности. Вряд ли для Дункана это важно.

Тот кивнул и сочувственно цокнул языком.

– Ты сам, получается, пресвитерианец? Я слышал, как Макдью об этом говорил.

Обычно манеры Дункана были безупречны, но тут на его лице мелькнула короткая ухмылка, наполовину скрытая неровными усами.

– Да, было дело, – сухо откликнулся Роджер. Кажется, мнение Макдью на эту тему слышало все горское собрание.

– Ясно. А знаешь, я ведь тоже пресвитерианец, – сказал Дункан, стараясь скрыть неловкость.

Роджер уставился на него в изумлении.

– Ты? Я думал, ты католик!

Дункан смущенно пожал плечами, качнув обрубком ампутированной руки.

– Нет. Мой прадед со стороны матери был ковенантером. Яростно придерживался своей веры. – Дункан улыбнулся. – Пока дело дошло до меня, весь пыл слегка растерялся. Матушка была женщиной набожной, а отец в церковь ходил редко. А уж когда мы познакомились с Макдью... в общем, там было не до воскресной мессы.

Роджер кивнул и утвердительно хмыкнул. Дункан столкнулся с Джейми в Ардсмурской тюрьме, сразу после восстания. И хотя большинство якобитов были католиками, среди них встречались и протестанты разных мастей, которые наверняка предпочитали помалкивать о своей вере, находясь в толпе заключенных. А после тюрьмы, когда Дункан и Джейми заделались контрабандистами, религия ушла на второй план.

– Понимаю. И сегодня ты будешь венчаться с миссис Кэмерон...

Дункан кивнул и задумчиво пожевал кончик своих усов.

– Вот именно. Надо ли мне им рассказывать?

– Миссис Кэмерон не знает? И Джейми тоже?

Дункан молча покачал головой, не отводя глаз от покрытой грязью тропы.

Роджер прекрасно понимал, что мнение Иокасты Кэмерон здесь не столь важно. Важно, что скажет Джейми. Вопросы религии мало занимали Дункана, да и сама Иокаста не отличалась особой набожностью. Но, услышав, как Джейми среагировал на новости о Роджере, Дункан встревожился.

– Макдью сказал, что ты ходил к священнику. – Дункан бросил на него осторожный взгляд. Кашлянул, покраснел. – Он тебя... гхм... Пришлось креститься заново?

Рьяному протестанту такая перспектива показалась бы устрашающей, и, судя по всему, Дункан тоже не видел в ней ничего хорошего. Роджеру стало не по себе. Согласился бы он принять чужую веру, чтобы жениться на Бри? Наверное, согласился бы. Но священник не стал требовать никакой формальной церемонии, и Роджер испытал глубочайшее облегчение.

– Нет, не было такого, – сказал он и тут же закашлялся от облака едкого дыма, выплывшего на тропу. – Нет, – повторил он, вытирая слезящиеся глаза. – Второй раз креститься нельзя. Ты ведь уже крещеный?

– Конечно! – Дункан слегка взбодрился. – Да, я крестился, когда... – По его лицу пробежала тень, но он быстро прогнал мрачную мысль и дернул плечом. – Это хорошо. Дай мне чуток подумать.

Впереди показались повозки ремесленников, стоявшие вплотную друг к другу, словно стадо овец; из-за дождя все товары были накрыты парусиной и одеялами. Дункан остановился – ему явно не хотелось бросать разговор на середине.

Глубоко задумавшись, Роджер потер затылок.

– Нет, – наконец сказал он. – Не надо тебе ничего говорить. Никто не станет проводить мессу, будет обычное венчание, а там все одинаково. Что у католиков, что у нас: возьмешь ли ты в жены, возьмешь ли в мужа, в богатстве и в бедности, и так далее.

Дункан сосредоточенно кивнул.

– Да, клятву я могу повторить. Хотя с куском про богатство и бедность было не так-то легко смириться. Тебе ли не знать...

Он произнес это спокойно, без насмешки – просто констатировал факт – и явно не ожидал, что Роджер вспыхнет от гнева.

– Я ничего плохого не имел в виду, – торопливо сказал он. – Я просто...

Роджер только отмахнулся.

– Ничего страшного. – Он старался говорить сухо и без эмоций. – Ты прав, чего уж там душой кривить.

Как ни странно, все это время Роджер умудрялся не замечать очевидного. Он с ужасом осознал, что их с Бри история точь-в-точь походила на историю Дункана и Иокасты: безземельный холостяк без гроша за душой собирался жениться на богатой невесте.

Он никогда не считал Джейми Фрейзера богачом – возможно, потому, что тот вел себя с подобающей скромностью, или потому, что о богатстве пока не шло даже речи. Тем не менее Фрейзеру принадлежали десять тысяч акров земли. И хотя большая часть этого надела была еще не освоена, в будущем многое могло измениться. В его владениях уже жили арендаторы; скоро их станет еще больше. И когда эти люди начнут платить ренту, когда на берегах ручьев вырастут лесопилки и мельницы, когда появятся первые крупные поселения с лавками и тавернами, когда стада коров, свиней, лошадей расплодятся и нагуляют здоровый жирок на его земле... Джейми Фрейзер станет по-настоящему богатым человеком. А Брианна была его единственной кровной дочерью.

К тому же Иокаста Кэмерон – дама, обладавшая весьма внушительным состоянием, – во всеуслышание заявила, что намерена сделать Бри своей наследницей. Брианна резко воспротивилась такому предложению, однако Иокаста не уступала племяннице в упрямстве и привыкла добиваться своего. Что бы Брианна ни сделала, люди все равно решат...

Пожалуй, именно эта мысль пугала его сильнее прочих. Он собирался жениться на женщине, которая гораздо состоятельнее его самого; все жители колонии давным-давно успели осудить такой мезальянс и наверняка считали его ловкачом, а то и просто ушлым авантюристом.

От дыма на языке остался горький вкус. Роджер сглотнул и криво улыбнулся Дункану.

– Да уж, – сказал он. – В горе и в радости. Но ведь они же что-то в нас нашли? Наши женщины...

Дункан печально улыбнулся в ответ.

– Да, что-то нашли. Значит, ты думаешь, о религии можно промолчать? Не хочу, чтобы мисс Ио или Макдью решили, будто что-то неладно. Хотя зря поднимать суматоху тоже не хочется.

– Понятное дело, – согласился Роджер. Глубоко вздохнул и отбросил влажные волосы со лба. – Да, Дункан, ничего в этом страшного нет. Я поговорил со святым отцом, и он сказал, что условие тут одно – окрестить детей в католическую веру. Но, полагаю, для тебя и миссис Кэмерон это не так уж и важно... – Он тактично умолк.

– Нет, что ты, – облегченно рассмеялся он. – Поверь, дружище, мне все равно.

– Тогда удачи! – Роджер натянуто улыбнулся и похлопал Дункана по спине.

Тот задумчиво потер усы и кивнул.

– Тебе тоже удачи, певец.

Вместо того чтобы отправиться по своим делам, Дункан пошел следом за Роджером и принялся неторопливо прогуливаться вдоль повозок, с легким прищуром разглядывая разложенные там товары.

Торговля шла полным ходом уже целую неделю, но повозки не опустели – наоборот, туда сгружали зерно и шерсть, бочонки с сидром, корзины с яблоками, шкуры и прочую мелочь, которую ремесленники успели выменять за свой товар. И хотя на прилавках было почти пусто, у повозок по-прежнему толпился народ, желающий разжиться какой-нибудь диковинкой – как тля на розовом кусте.

С высоты своего роста Роджер легко заглядывал на повозки через головы покупателей и задумчиво всматривался в отдельные вещицы, прикидывая, чем бы порадовать Брианну.

Она была красавицей, но не придавала особого значения внешности и нарядам. Однажды Бри чуть не отрезала свою роскошную рыжую гриву, потому что волосы постоянно лезли в похлебку, а Джемми так и норовил дернуть за яркую пряжку. Роджер едва успел ей помешать. Да, лента – это и вправду практичный подарок. Или резной гребень?

Роджер остановился у повозки, где торговали тканями, и заглянул под навес: шляпки и яркие ленты, развешанные внутри, покачивались в прохладном полумраке, как щупальца

медузы. К нему сразу подошел Дункан, укутанный в плед по самые уши, и тоже с любопытством заглянул в повозку.

– Ищите что-то определенное, господа? – Торговка склонилась над товарами, сложив руки под пышной грудью, и одарила покупателей профессиональной улыбкой.

– Да, – неожиданно ответил Дункан. – Мне нужен один ярд бархата. Есть у вас такая ткань? Цвет неважен; главное, чтоб наивысшего качества.

Торговка приподняла брови – даже в своем парадном наряде Дункан не походил на модника, – однако промолчала и принялась перебирать свои изрядно подтаявшие запасы.

– Как думаешь, у миссис Клэр еще осталась лаванда? – спросил Дункан у Роджера.

– Да, осталась, – ответил тот. Заметив его изумление, Дункан смущенно улыбнулся и опустил голову.

– Я просто подумал... У мисс Ио часто бывают мигрени, и она плохо спит по ночам. А моя матушка любила спать на лавандовой подушке; говорила, мол, положи под щеку и спи как младенец. Вот я и решил взять бархата, чтоб помягче, и попросить мисс Лиззи сшить наволочку...

«В болезни и здравии...».

Роджер одобрительно кивнул, тронутый и слегка пристыженный такой заботливостью. У него сложилось впечатление, что брачный союз между Дунканом и Иокастой Кэмерон основывался на удобстве и взаимной выгоде – и, возможно, так оно и было. Но чтобы проявлять друг к другу чуткость и предусмотрительность, не нужно сходить с ума от страсти.

Дункан купил отрез бархата, спрятал его под пледом и отправился восвояси, а Роджер остался бродить среди торговцев, выбирая, присматриваясь и отбрасывая варианты – силясь придумать подарок, который понравится его невесте. Сережки? Нет, малыш будет за них хвататься. И за ожерелье... Лента отпадала по той же причине.

И все же ему хотелось подарить Бри какое-нибудь украшение. На Сборе она носила только рубиновое кольцо своего отца – то кольцо, которое Джейми отдал Роджеру; то кольцо, которое Роджер надел ей на палец, когда Бри приняла его предложение.

Роджер замер прямо посреди толпы. У него перед глазами стояло кольцо: желтый металл и темно-красный рубин, мерцавший на изящных бледных пальцах Брианны. Кольцо ее отца. И как он не понял этого раньше?

Несмотря ни на что, оно по-прежнему принадлежало Джейми. Роджера охватило внезапное и непреодолимое желание подарить Брианне другое кольцо – свое, собственное.

Он решительно развернулся и зашагал к повозке, где продавались скобяные изделия; товары на прилавке поблескивали даже под дождем. Роджер успел выяснить, что его мизинец по размеру как раз совпадает с безымянным пальцем Брианны.

– Вот это! – сказал он, выбрав кольцо. Дешевое плетение из латуни и меди, наденешь – и через несколько минут на пальце отпечатается зеленый след. «Тем лучше», – подумал Роджер, протягивая торговцу деньги. Даже если Бри не будет носить его каждый день, на коже все равно останется яркая метка. Метка Роджера.

«Потому оставит женщина дом отца своего и прилепится к мужу своему; и будут они одна плоть».

Глава 5

Бунтарские настроения

Спустя час на поляне собралась целая очередь из пациентов, которых не распугал даже морозящий дождь. В последний день Сбора все горцы, страдавшие от зубной боли или какой-нибудь сыпи, внезапно решили сходить к лекарю перед самым отъездом.

Я закончила осматривать молодую женщину – зоб на начальной стадии – и велела ей запастись вяленой рыбой: при такой болезни требовалась пища, содержащая йод, но девушка жила слишком далеко от побережья и не могла покупать свежую рыбу каждый день.

– Следующий! – крикнула я, убрав локон со лба.

Толпа расступилась, словно воды Красного моря, и пропустила ко мне невысокого тощего старичка, одетого в изодранные тряпки и прижимавшего к груди странный меховой сверток. При его приближении народ торопливо отодвигался в сторону, и вскоре я поняла причину: от старика разило, как от дохлого енота.

На мгновение мне показалось, что у него на руках действительно лежал дохлый енот – за утро у нас скопилась небольшая стопка меховых шкур, полученных в награду за врачебные труды, хотя, как правило, благодарные пациенты все-таки старались отделить шкуры от их предыдущих владельцев, – но потом меховой сверток пошевелился, и среди спутанной серой шерсти блеснули яркие глазищи.

– Мой пес поранился, – объявил старик. Посадил свою ношу на стол, небрежно отодвинув разложенные инструменты, и ткнул пальцем в рану на собачьем боку: – Надо вылечить.

Мало похоже на вежливую просьбу; с другой стороны, пациентом был пес, а не хозяин, и он вел себя гораздо приличнее: небольшой, коротколапый, с жесткой спутанной шерстью и подранными ушами, мирно сидел на столе и пытел, не пытаясь никуда вырваться.

– Что с ним случилось? – Я отодвинула ванночку, угрожающе покачивавшуюся над краем стола, и потянулась вниз за стерильными нитками; пес ухитрился лизнуть мне руку.

– Подрался с енотихой.

– Хм-м, – откликнулась я, с сомнением разглядывая собаку. Судя по его неопределенной родословной и явному дружелюбию, интерес к енотихе был порожден не свирепостью, а любвеобиением. Словно в подтверждение этих размышлений, в мою сторону выдвинулся влажно поблескивающий розовый репродуктивный орган.

– Кажется, ты ему нравишься, мам, – сказала Бри с невозмутимым выражением лица.

– Я польщена.

Оставалось надеяться, что владелец собаки не попытается продемонстрировать свою симпатию таким же образом. К счастью, старику не было до меня дела; глубоко посаженные глаза настороженно следили за солдатами, которые отрабатывали строевые приемы неподалеку.

– Ножницы, – решительно скомандовала я и протянула руку.

Срезав спутанную шерсть, я не обнаружила отеков и других признаков инфекции. На ране успела образоваться короста, значит, после свидания с енотихой уже прошло некоторое время. Интересно, длань судьбы настигла пса прямо здесь, на склоне горы? Я не знала старика в лицо, и говор у него был не шотландский. Может, он и вовсе не участвовал в Сборе?

– Кхм... Вы не могли бы придержать его голову?

Пес вел себя дружелюбно, но это еще не означало, что он так же благожелательно воспримет иголку, вонзившуюся в его бок. В ответ на просьбу владелец собаки даже не пошевелился, одарив меня мрачным взглядом. Я обернулась в поисках Бри, но она куда-то исчезла.

– Тише, а bhalaich⁴, тише, – раздалось у меня за спиной. Я обнаружила, что пес заинтересованно обнюхивает ладонь Мюррея Маклауда. Заметив мое удивление, врач пожал плечами, улыбнулся, а потом ловко ухватил пса за загривок и зажал ему морду.

– Постарайтесь обойтись без промедлений, миссис Фрейзер, – сказал он.

Я крепко стиснула собачью лапу и принялась за дело. Пес среагировал так же, как и большинство остальных пациентов: начал судорожно извиваться, вырываться из рук и скрести когтями по деревянной столешнице. В какой-то момент он все-таки освободился из хватки Мюр-

⁴ Мальчик, малыш (гэльск.).

рея и метнулся на волю, волоча за собой хвост из хирургических ниток. Я кинулась на него, и мы покатались по палой листве и лужам прямо под ноги зевакам. Через несколько мгновений парочка смельчаков все-таки пришла мне на помощь: пока они держали эту чумазую зверюгу, я успела наложить швы.

Завязав последний узелок и обрезав вощеную нитку ланцетом Мюррея – во время суматохи инструмент упал нам под ноги, но, к сожалению, так и не сломался, – я убрала колено с собачьего бока; пыхтели мы с псом одинаково громко.

Зрители взорвались аплодисментами.

Я поклонилась и принялась приводить в порядок растрепавшуюся шевелюру. У Мюррея дела обстояли не лучше: на плаще красовались пятна грязи и крупная прореха, а пациенты разбежались в разные стороны. Он подхватил собаку под брюхо и взгромоздил на стол.

– Ваш пес, сэр, – сказал Мюррей, отдуваясь.

Старик положил ладонь на макушку питомца, перевел мрачный взгляд с меня на Мюррея и обратно – будто не мог решить, одобряет ли он командный подход к хирургическим операциям. Снова посмотрел на солдат, тренировавшихся на поляне, повернулся ко мне и сурово свел брови.

– А это кто такие? – спросил он с глубоким недоумением. Затем, не дожидаясь ответа, пожал плечами и зашагал прочь. Пес, вывалив язык, прыгнул со столика и потрусил рядом с хозяином навстречу новым приключениям.

Я глубоко вздохнула, встряхнула передник, одарила Мюррея благодарной улыбкой и принялась отмывать руки перед приемом следующего пациента.

– Ха! – тихонько выдохнула Брианна. – Смотри, кто к нам пришел!

Она кивнула куда-то в сторону, и я обернулась через плечо.

Наш следующий пациент был джентльменом. Самым настоящим джентльменом, судя по наряду и манерам, заметно выделявшимся на фоне общей массы. Некоторое время он просто стоял на краю поляны и наблюдал за мной и за Мюрреем, решая, кто из врачей более достоин его внимания. Инцидент с собакой траппера явно сдвинул чашу весов в мою пользу.

Я покосилась на Мюррея. Вид у того был кислый – джентльмен наверняка собирался заплатить живой монетой. Пожав плечами в качестве извинения, я нацепила вежливую профессиональную улыбку и указала новому пациенту на скамью:

– Присядьте, пожалуйста, сэр. И расскажите, что у вас болит.

Джентльмена звали мистер Гудвин, и он приехал на Сбор из Хиллсборо. Сильнее всего его беспокоила боль в руке, но эта беда была не единственной. Щеку джентльмена украшал едва заживший шрам, и край рубца стягивал кожу около глаза, отчего казалось, что мистер Гудвин яростно щурится. Над скулой виднелся бледный синяк, оставшийся от удара каким-то тяжелым предметом, и все лицо его было одутловатым и припухшим, как у человека, который не так давно получил сильную трепку.

Даже джентльмен может ввязаться в драку при соответствующей провокации, однако мой пациент находился в том почтенном возрасте, когда люди предпочитают избегать подобных развлечений; на вид ему было чуть больше пятидесяти, и жилет с серебряными пуговицами с трудом смыкался над внушительным брюшком. Возможно, грабительское нападение, решила я. Вряд ли это произошло по дороге на горское сборище – ранам было уже несколько недель.

Я осторожно ощупала плечо и предплечье, заставляя пациента слегка пошевелить рукой, и задала несколько вопросов. Природа травмы не вызывала сомнений: мистер Гудвин вывихнул локоть, и хотя сустав уже почти встал на место, порванное сухожилие оказалось зажатым между локтевым отростком и головкой локтевой кости, поэтому каждое движение причиняло боль.

На этом список боевых ранений не закончился; ощупав предплечье до конца, я обнаружила три простых перелома, успевших частично срастись. Повреждения были не только внут-

ренними; над местами переломов я заметила два побледневших синяка желто-зеленого цвета с темно-красными гематомами посередине. Самозащита, не иначе.

– Бри, надо наложить лубок. Найди-ка подходящую дощечку, – попросила я. Бри молча кивнула и исчезла из виду, а я принялась обрабатывать мелкие кровоподтеки каяпутовой мазью.

– Что же с вами стряслось, мистер Гудвин? – поинтересовалась я между делом, отмеряя льняную повязку. – Вид у вас как после серьезной драки. Надеюсь, противнику досталось сильнее!

Мистер Гудвин слабо улыбнулся в ответ на мою шутку.

– Смею заверить, миссис Фрейзер, битва была непростая, – ответил он, – но участвовал я в ней не по доброй воле, а скорее по воле случая. Можно сказать, оказался не в том месте и не в то время.

Я притронулась к шраму на щеке, и мистер Гудвин рефлексивно зажмурился. Несмотря на грубые швы, рана зажила без осложнений.

– Как же так получилось? – спросила я.

Он хмыкнул.

– Вы наверняка слышали офицера сегодня утром, мэм. Который читал послание губернатора о возмутительных преступлениях бунтовщиков.

– Послание губернатора слышали все, – пробормотала я, осторожно касаясь шрама кончиками пальцев. – Так вы были в Хиллсборо во время бунта?

– Совершенно верно. – Осознав, что мои прикосновения не причиняют боли, мистер Гудвин вздохнул и слегка расслабился. – Я живу в этом городе. И если бы я послушался жену, умолявшую меня не выходить из дома, – он печально улыбнулся, – то остался бы невредим.

– Говорят, любопытство сгубило кошку. – Мое внимание привлек синяк на скуле, и я осторожно провела пальцем по кровоподтеку. – Вас ударили по лицу, вот здесь... Зубы не выбиты?

Мистер Гудвин одарил меня удивленным взглядом.

– Выбиты, мэм, но тут уже ничего не исправишь.

Он оттянул верхнюю губу, показывая зияющую дыру на месте двух зубов. Один премоляр был выбит полностью, а второй отломан у самого корня; над покрасневшей десной виднелся зазубренный край пожелтевшей эмали.

Как раз в этот момент к нам подошла Брианна с дощечкой для лубка. Взглянув на мистера Гудвина, она слегка поперхнулась: зубы у него были относительно целы, но при этом покрыты толстым слоем желтоватого налета и коричневыми пятнами от жевательного табака.

– Почему же? Я постараюсь помочь, – сказала я, не обращая внимания на Бри. – Вам, наверное, больно жевать? Новый зуб я, конечно, не вставлю, зато могу вытащить отломанный корень и обработать десну, чтобы не было воспаления. Кто вас так ударил?

Он пожал плечами и с настороженным интересом взглянул на мои инструменты: блестящие щипцы для удаления зубов и скальпель с прямым лезвием.

– По совести сказать, мэм, я не успел рассмотреть. В тот день мне пришлось отправиться в городской суд. Я завожу иск против одного джентльмена из Эдентона, – пояснил он, нахмурившись. – Требовалось передать определенные документы. К сожалению, мне не удалось пробиться к зданию суда, поскольку всю улицу заполонила разгневанная толпа. Многие из протестующих захватили с собой дубинки, хлысты и прочие орудия подобного рода.

Увидев бунтарей, мистер Гудвин решил вернуться домой, и тут кто-то швырнул камень в окно. Звон разбившегося стекла послужил сигналом к действию; толпа хлынула вперед, снося двери и изрыгая угрозы.

– Один из моих друзей, мистер Фаннинг, находился внутри. Я не мог остаться в стороне.

– Фаннинг... Случаем, не Эдмунд ли Фаннинг? – Я слушала его вполуха, размышляя о том, как лучше подступиться к обломанному зубу, но имя все-таки узнала. Фаркуард Кэмпбелл упоминал некоего Фаннинга, когда рассказывал Джейми страшные подробности о бунтах, разразившихся несколько лет назад после принятия Акта о гербовом сборе. Фаннинга назначили почтмейстером колонии – весьма прибыльная должность, за которую ему наверняка пришлось заплатить внушительную сумму и которую он был вынужден покинуть под давлением непреодолимых обстоятельств. Видимо, за прошедшие пять лет Фаннинг заработал себе дурную славу.

Мистер Гудвин поджал губы, всем своим видом выражая неодобрение.

– Да, мэм, именно он. Несмотря на скандальные слухи о его персоне, этот джентльмен был и остается моим другом. Узнав, что его жизни угрожает опасность, я поспешил на помощь.

Мистеру Гудвину не удалось осуществить свой благородный порыв.

– Я хотел пробиться внутрь, – продолжал он, глядя, как я накладываю лубок и аккуратно расправляю повязку. – Но стоило мне подступиться к крыльцу, как из здания донесся громкий крик и толпа оттеснила меня назад.

К ужасу мистера Гудвина, отчаянно пытавшегося устоять на месте, двери здания суда распахнулись и на крыльцо вытащили Эдмунда Фаннинга. Почтмейстер был без сознания; его спустили вниз по лестнице, волоча за ноги. Голова безвольно билась о ступени.

– Такой кошмарный звук... Как будто арбуз по лестнице катится.

– Ох, господи, – пробормотала я. – Надеюсь, мистер Фаннинг остался жив? Насколько мне известно, во время беспорядков в Хиллсборо не было погибших. Расслабьте руку, пожалуйста, и вдохните поглубже.

Мистер Гудвин глубоко вдохнул и тут же охнул от боли. Затем последовал еще один судорожный вдох, когда я вправила сустав, освобождая порванное сухожилие. На обвислых щеках пациента проступил пот, он побледнел.

– Мой дражайший друг выжил. Бунтарям так не терпелось поизмываться над главным судьей, что они оставили Фаннинга валяться в дорожной пыли, а сами кинулись обратно в здание суда. Я позвал на помощь друга, и мы вдвоем соорудили носилки, чтобы отнести беднягу в укрытие, но не успели и шагу ступить, как поднялся страшный крик. Толпа навалилась на нас со всех сторон. Вот там-то я и заработал свои раны. – Мистер Гудвин поднял перевязанную руку и указал на рубец у глаза и выбитые зубы. – Хотелось бы верить, что имена бунтарей станут известны и что они понесут заслуженное наказание за свои варварские поступки... Но уж если молодчик, с которым я дрался, попадется мне на глаза, то я не стану сдавать его на суд губернатору. Ох не стану!

Он медленно стиснул кулаки и перевел на меня разгневанный взгляд, словно вышеупомянутый бунтарь скрывался прямо под хирургическим столиком. Брианна переступила с ноги на ногу – она, как и я, наверняка вспомнила про Хобсона и Фаулза. А вот Авель Макленнан был просто случайным свидетелем бунта. И неважно, какие преступления он мог сотворить в Хиллсборо.

Я пробормотала какую-то сочувственную глупость и достала бутылку виски, выполнявшего роль дезинфицирующего средства и примитивного анестетика. При виде виски мистер Гудвин значительно воодушевился.

– Вот, возьмите-ка... чтобы слегка взбодриться! – Я щедро плеснула виски в кружку. Заодно продезинфицируем то безобразие, которое творится у него во рту. – Подержите виски за щекой, прежде чем глотать. Это немного притупит боль.

Мистер Гудвин послушно набрал полный рот виски, раздувая щеки, как лягушка, которая вот-вот заведет громкую трель, и я обернулась к Бри. Она слегка побледнела – то ли от истории о беспорядках, то ли от вида зубов нашего пациента.

– Пожалуй, дальше я справлюсь сама, радость моя, – сказала я и похлопала Бри по руке. – Сходи-ка к Иокасте. Посмотри, как идет подготовка к свадьбе.

– Точно, мам?..

Брианна торопливо стянула забрызганный кровью фартук и свернула его в комок. Проследив за ее взглядом, я увидела Роджера, стоявшего за кустом неподалеку и не сводившего с нее глаз. Бри развернулась к нему с сияющей улыбкой, и сердце радостно сжалось у меня в груди. Хорошая из них вышла пара.

– А теперь, мистер Гудвин, выпейте еще капельку, и начнем.

Улыбнувшись, я повернулась к пациенту и взяла в руки щипцы.

Глава 6

За счастье прежних дней!

Роджер ждал на краю поляны, наблюдая, как Брианна помогает Клэр: толчет травы, разливает лекарства по маленьким бутылочкам и готовит повязки. Несмотря на прохладу, Бри закатала рукава, и каждый раз, когда она разрывала полотно, под веснушчатой кожей напрягались и перекатывались мышцы.

«Сильные руки», – подумал Роджер, невольно вспомнив мрачную историю Эстеллы из романа Диккенса «Большие надежды». Да и вся Бри, от макушки до пяток, была сильной и статной, будто высокая ольха; ветер трепал ее юбку, подчеркивал крутой изгиб бедер и длинные ноги, стоило Бри шагнуть или повернуться в сторону.

Она притягивала взгляды. Половина пациентов, пришедших на прием к лекарям, смотрели на Брианну; некоторые – в основном женщины – слегка нахмурились, некоторые – все мужчины – оценивающе и со скрытым восхищением, отчего Роджеру хотелось выйти на поляну и показать всем, что эта женщина принадлежит ему.

«Пусть смотрят, – думал он, подавляя неуместный порыв. – Главное, что ни один из них не удостоился ее внимания».

Он сделал шаг из-за завесы ветвей. Бри сразу его заметила и посветлела лицом. Роджер улыбнулся в ответ, кивнул в сторону тропы, а потом зашагал прочь, не дожидаясь, пока его догонят.

Неужели он поддался мелочному желанию и решил доказать праздным зевакам, что эта женщина готова бросить все и бежать к нему по первому мановению руки? Ох, кажется, и вправду поддался. Однако стыд, охвативший Роджера, был изрядно разбавлен яростным чувством собственничества, которое всколыхнулось при звуке шагов у него за спиной: да, она готова примчаться к нему по первому зову.

Бри оставила все рабочие инструменты, нохватила с собой небольшой бумажный сверток, перевязанный нитью. Роджер повел ее в сторону от тропы, к небольшой кленовой роще, пламеневшей алыми и желтыми листьями. Там можно было укрыться от посторонних глаз.

– Прости, что отвлек, – сказал он, хотя на самом деле не испытывал ни малейшего сожаления по этому поводу.

– Ничего. Я только рада оттуда сбежать. Не могу больше возиться с кровью и внутренностями. – Она уныло усмехнулась.

– Не волнуйся. В женщине важны другие качества.

– Думаешь? – откликнулась Бри, наградив его тяжелым взглядом. – Здесь мужчине нужна жена, которая сумеет выдрать больной зуб или пришить отрубленный палец.

Настроение у Бри было мрачным; возможно, во всем виновата погода или работа, которой она занималась. Чтобы впасть в депрессию, достаточно было просто взглянуть на пациентов Клэр – на бесконечную вереницу увечных, раненых и тяжелобольных. В таких условиях только сама Клэр могла сохранять бодрость духа.

То, что он собирался сказать Брианне, должно было отвлечь ее от суровых реалий восемнадцатого века. Роджер коснулся ладонью лица Бри, огладил пальцем рыжую бровь. Щека была прохладной, но дальше – за ухом, под волосами – кожа дышала теплом, как и в других укромных уголках ее тела.

– Я получил ровно то, что хотел, – твердо сказал он. – А ты? Уверена, что тебе нужен муж, который не умеет снимать скальпы с индейцев и не приносит с охоты свежую дичь? Я ведь тоже предпочитаю избегать крови.

В глазах Бри мелькнула искорка смеха.

– Нет, я бы не хотела выйти замуж за кровожадное чудовище. Мама так иногда называет папу, если сильно разозлится.

Роджер рассмеялся.

– А как ты будешь называть меня в приступе злости?

Бри окинула Роджера задумчивым взглядом, и искорка в глазах полыхнула еще ярче.

– Не волнуйся. Папа отказывается учить меня дурным словам на гэльском, зато Марсали подсказала парочку отличных французских оскорблений. Знаешь, что значит *un souillard*?⁵ А *un grande gueule*?⁶

– *Oui, ma petite chou*...⁷ Хотя мне еще ни разу не попадалась капуста с таким красным носом. – Он коснулся кончика ее носа, и Бри со смехом увернулась.

– *Maudit chien*!⁸

– Прибереги парочку ругательств для супружеской жизни, – посоветовал Роджер. – Еще пригодится.

Он взял Бри за руку и потянул к валуну, лежавшему рядом. В другой руке она по-прежнему сжимала странный сверток.

– Что это?

– Свадебный подарок, – пояснила Бри и протянула пакет Роджеру, брезгливо придерживая его двумя пальцами, как дохлую мышь.

Он осторожно подхватил его; сквозь бумагу прощупывалось что-то мягкое и очень легкое, почти невесомое.

– Шелк для вышивки, – пояснила Бри. – От миссис Бьюкенен.

Между ее бровями снова залегла морщинка, а в глазах мелькнула тревога... Нет, какое-то другое странное чувство – Роджер, хоть ты тресни, не мог его распознать.

– А что не так с шелком для вышивки?

– С шелком все в порядке. Но использовать его надо с определенной целью.

Бри забрала сверток у Роджера и сложила в карман под нижней юбкой.

– Специально для погребальной одежды.

Он не сразу понял, о чем говорит Брианна, и решил, что это какое-то странное бостонско-шотландское выражение.

– Для погребальной одежды... для савана?

– Да. Предполагается, что наутро после свадьбы я, как примерная жена, должна начать ткать себе саван, – выдавила Бри сквозь сжатые зубы. – Чтобы он был готов к тому моменту, как я умру при родах. Хорошая мастерица за это время успеет сшить саван и для любимого мужа. А если не успеет, то его закончит следующая жена!

Роджер посмеялся бы над этой традицией, но Бри явно расстроилась.

⁵ Пьянчуга (*фр.*).

⁶ Крикун, болтун (*фр.*).

⁷ Да, моя милая капустка (*фр.*).

⁸ Грязный пес (*фр.*).

– Миссис Бьюкенен на редкость глупая женщина, – сказал он и взял Брианну за руки. – Не бери в голову, это все чепуха.

Она нахмурилась.

– Миссис Бьюкенен, – сказала Бри, – невежественна и бестактна. Но при этом она совершенно права.

– Да какая тут может быть правота! – возмутился Роджер с напускной уверенностью.

– Сколько жен успел похоронить Фаркуард Кэмпбелл? Гидеон Оливер? Эндрю Макнил? Девять, если считать всех троих джентльменов. Макнил собирался жениться в четвертый раз – на восемнадцатилетней девушке из Уивер-Гордж. Роджер решительно проигнорировал кольнувшую его тревогу.

– А Дженни Кэмпбелл родила восьмерых и проводила на тот свет второго мужа, – отрезал он. – Если уж на то пошло, у самой миссис Бьюкенен пятеро детей и она пока не собирается в могилу. Видел я их семейство – все непроходимые тупицы, зато пышут здоровьем.

После его тирады Бри неуверенно улыбнулась, и Роджер воодушевленно продолжил:

– Милая, тебе нечего бояться. С Джемми ведь все прошло легко?

– Ах, легко? Тогда в следующий раз рожай сам! – огрызнулась Бри. Правда, улыбка так и не исчезла с ее лица. Она попыталась выдернуть руку, но Роджер не отпустил, и Бри не стала сопротивляться.

– То есть ты не возражаешь против следующего раза? Несмотря на миссис Бьюкенен? – Тон был шуточный. Роджер притянул Брианну к себе и обнял, пряча лицо у нее в волосах, чтобы скрыть серьезность своего вопроса.

Обмануть Бри не удалось – она отстранилась и заглянула ему в лицо синими, как море, глазами.

– А ты готов жениться, но сохранять воздержание? Пижмовое масло не всегда помогает – посмотри на Марсали!

Крошка Джоан была живым подтверждением неэффективности этого средства. И все же...

– Есть ведь и другие способы. Но если тебе нужен целибат... я на него согласен.

Вопреки собственным словам, Роджер решительно стиснул ее ягодицу. Бри рассмеялась, однако через мгновение смех утих и синие глаза подернулись темной поволокой.

– Ты всерьез?

– Да. – Роджер не кривил душой, хотя одна мысль о таком обещании камнем легла на плечи.

Бри вздохнула и провела ладонью по его щеке, вдоль шеи, коснулась ямки между ключицами. Большой палец застыл там, где судорожно бился пульс, и Роджера оглушил стук собственного сердца.

Он не шутил насчет целибата, но все равно потянулся к Бри за поцелуем. Воздуха не хватало, и Роджер жадно ловил ее вздохи, стремясь оказаться как можно ближе – переплести пальцы, прижаться губами, стиснуть в объятиях. Раздвинув бедром ноги Бри, он почувствовал, как она упирается ладонью ему в грудь, будто хочет отстраниться, – но через мгновение пальцы судорожно сжались, и Бри вцепилась в него что есть силы. Они кинулись друг на друга, задыхаясь и сталкиваясь зубами в горячечной спешке.

– Я не... мы не... – На мгновение он отодвинулся, силясь подобрать слова. Прохладная рука скользнула ему под килт, уверенно коснулась разгоряченного тела, и Роджер окончательно потерял способность к связной речи.

– Еще один разок, напоследок, – сказала Бри, обжигая его дыханием. – За счастье прежних дней!

Она опустила на мокрый ковер из желтых листьев и потянула Роджера за собой.

* * *

Дождь начал накрапывать снова. Волосы Бри рассыпались по земле спутанным ореолом и потяжелели от влаги. Она лежала, закрыв глаза и повернув лицо к хмурому небу, и капли скатывались по щекам, будто слезы. Бри не знала, плакать ей или смеяться.

Роджер придавил ее сверху, теплый и надежный; килт укрывал их переплетенные ноги от дождя. Ее ладонь покоилась у него на затылке, и Бри неторопливо перебирала волосы, мокрые и гладкие, как черный тюлений мех.

Наконец он застонал, словно раненый зверь, и приподнялся. По влажной коже, все еще хранившей тепло там, где их тела соприкасались, пробежал озноб.

– Прости, – пробормотал он. – Прости, я не должен был...

Бри приоткрыла один глаз: Роджер встал перед ней на колени и принялся расправлять вздернутую до пояса юбку. Его шейный платок улетел куда-то в сторону, порез под челюстью вновь начал кровоточить. В любовном угаре Бри порвала ему рубашку, на жилете не хватало половины пуговиц. Лицо Роджера было перепачкано грязью и кровью, а в темных волнистых волосах застряли палые листья и кусочки желудей.

– Ничего страшного, – сказала она, усаживаясь. Выглядела Бри не лучше: груди потяжелели от молока, на лифе платья проступили большие мокрые пятна. Роджер заметил, как она ежится от холода, поднял брошенный на землю плащ и бережно укутал ее.

– Прости, – снова повторил он и отвел прядь волос, упавшую ей на щеку.

– Не волнуйся. – Брианна пыталась взять себя в руки, но сосредоточиться не получалось. Мысли разбегались в разные стороны, словно быстрые капли ртути. – Прошло всего шесть месяцев, и я по-прежнему кормлю Джемми. Пока что беременность мне не грозит.

Потребность прикоснуться к Роджеру казалась непреодолимой. Она зажала рану на шее уголком своего плаща. Как можно говорить о воздержании, если одно его присутствие, запах, сладостные воспоминания о недавних минутах вызвали непреодолимый порыв – опрокинуть Роджера на землю и повторить все заново? Если непрощенная нежность разливалась по телу и стремилась наружу, как молоко?

Грудь ныла от неутоленного желания, и теплые струйки скатывались по ребрам. Бри коснулась припухшей плоти – пока что она в безопасности. Хотя бы на время.

Роджер отвел ее руку и осторожно дотронулся до пореза.

– Все нормально, кровь остановилась.

На его лице мелькнуло странное выражение. Обычно Роджер умело скрывал свои переживания за маской сдержанности, сейчас же в его чертах отражались противоречивые чувства – от глубокого удовлетворения до всепоглощающего смятения.

– Роджер, что случилось?

Он взглянул было на нее, тут же отвернулся и покраснел.

– Гхм, просто... Мы с тобой все еще не женаты.

– Разумеется, свадьба будет только вечером. К слову сказать... – Она покосилась на Роджера, сдерживая подступающий смех. – Ну и видок у вас, мистер Маккензи. Будто кто-то хорошенько с тобой поразвлекся.

– Очень смешно, миссис Мак, – откликнулся он, разглядывая перепачканную одежду. – А ты выглядишь так, будто побывала в жестокой драке. Но я о другом. Мы с тобой обручены, и это имеет законную силу, во всяком случае в Шотландии. Однако срок обручения составляет всего год и один день, и он уже давно истек. Нас можно будет считать супругами только после сегодняшней церемонии.

Бри прищурилась, стерла капли дождя со щеки тыльной стороной ладони и снова расхохоталась.

– Бог ты мой, да какая разница?

Против собственной воли Роджер расплылся в улыбке.

– Пожалуй, никакой. Понимаешь, я вырос в семье священника. Вроде бы знаю, что все в порядке, но иногда во мне просыпается старый шотландский кальвинист и начинает ворчать. Мол, нехорошо жить во грехе с женщиной.

– Ха, – фыркнула она, обхватывая руками колени. Наклонилась и толкнула его плечом. – Старый шотландский кальвинист, как же. Ну-ка рассказывай, в чем дело!

На темных, четко очерченных бровях и ресницах Роджера застыли капли воды, скулы поблескивали от влаги. Он глубоко вздохнул.

– Твои страхи вполне оправданны. Я ведь даже не задумывался – до сегодняшнего дня – о тех опасностях, которые подстерегают женщину в супружеской жизни.

Он наконец взглянул ей в лицо и улыбнулся, хотя в зеленых глазах по-прежнему таилась тревога.

– Я хочу тебя, Бри. Так хочу, словами не передать. Думаю о том, как мне с тобой хорошо, – и понимаю, что если мы будем продолжать в том же духе, то твоя жизнь может оказаться... да что там, точно окажется под угрозой! И все же не могу заставить себя остановиться.

Страх ледяной змеей скользнул вдоль позвоночника и свернулся в глубине живота, кольцом сжимаясь вокруг ее чрева. Бри понимала, чего хочет Роджер, – и речь шла не только о той ошеломляющей близости, которую они только что испытали. Она знала, что кроется за его желаниями, и никак не могла отказать.

– Да уж. – Бри тоже глубоко вздохнула, выпустив облачко белого пара. – Но беспокоиться уже поздно. – Она коснулась его руки. – Поверь мне, я тоже тебя хочу.

Брианна притянула Роджера к себе и поцеловала, прячась от страха в его теплых объятиях, в надежных и сильных руках.

– Господи, Бри, – пробормотал он, уткнувшись лицом в ее волосы. – Я готов отдать все на свете, лишь бы с тобой и Джемми ничего не случилось. Страшно подумать, что моя любовь может погубить тебя... что я могу стать причиной твоей смерти... Страшно.

Сердце Роджера билось под ее щекой – ровно и уверенно. Пальцы Бри, судорожно вцепившиеся в его плечи, постепенно согрелись, и тепло проникало все глубже, прогоняя ледяной ужас, сжимавший сердце.

– Не переживай, – сказала она наконец. Роджер не мог прогнать ее тревоги, но ей хотелось утешить его. – Все будет хорошо. У меня широкие бедра, это самое важное для роженицы. Крутобокая, как кувшин!

В подтверждение своих слов Бри провела ладонью по пышному бедру. Пальцы Роджера скользнули следом.

– Знаешь, что мне вчера сказал Ронни Синклер? Он посмотрел, как ты нагибаешься за хворостом для костра, а потом вздохнул и заявил: «Хочешь расскажу, как выбрать хорошую женщину, Маккензи? Сначала оцени низ, потом переходи к верху!» Гхм...

Роджер со смехом увернулся от тычка, затем склонился к Бри и нежно поцеловал. Дождь продолжал шуршать по палой листве. Пальцы Брианны стали липкими от крови, вытекшей из пореза.

– Ты ведь хочешь еще одного ребенка? – тихо спросила она. – Хочешь точно знать, что он твой.

На мгновение Роджер опустил голову, а потом решительно посмотрел ей в лицо, позволяя Бри прочитать ответ в его взгляде. Страстное желание пополам с заботой и страхом.

– Я не... – начал он, но Бри накрыла его губы ладонью.

– Я понимаю.

Она и вправду его понимала. Единственный ребенок в семье, Брианна тоже иногда тосковала по ощущению близости и родственного тепла, но никогда не была одинока. Двое забот-

ливых и любящих отцов; мать, любовь которой оказалась сильнее границ времени и пространства; и неожиданное прибавление в семействе, Мюррей из Лаллиброха. Но самое главное – ее сын, ее плоть и кровь. Малыш, доверчиво прижимавшийся к Бри, центр ее мира.

Роджер, в отличие от нее, осиротел слишком рано. Едва помнил своих родителей, а после смерти старого дядюшки у него не осталось вообще ни одной родной души, никого, кто любил его – безусловно и безотчетно, – никого, кроме Бри. Чему же тут удивляться? Роджер истосковался по спокойствию и определенности – той, которую испытывала Брианна, когда баюкала своего сына.

– Я... кхм... хотел вручить его вечером... Вот, держи.

Он вытащил из внутреннего кармана плаща небольшой мягкий сверток.

– Можно сказать, свадебный подарок. – Роджер улыбался, но Бри чувствовала его неуверенность.

Она развернула ткань, и на нее взглянули черные глазки-пуговицы. Кукла была одета в бесформенное зеленое платье, а ее голову венчала буйная шевелюра из рыжей шерсти. Сердце Бри застучало как сумасшедшее, горло перехватило.

– Я решил, что малышу должно понравиться. Будет обо что зубки почесать.

Брианна повернулась, и промокая от молока ткань прилипла к груди; кожа зудела. Бри по-прежнему боялась, однако некоторые вещи были сильнее страха.

– У нас обязательно будет еще один, – сказала Бри и положила ладонь Роджеру на руку. – Не знаю когда, но обязательно будет.

Он накрыл ее пальцы своими и крепко сжал, опустив глаза.

– Спасибо, кувшинчик, – едва слышно произнес он.

* * *

Дождь разошелся не на шутку. Роджер убрал прилипшие ко лбу волосы и встряхнулся по-собачьи; с плаща и пледа полетели брызги. На серой шерстяной ткани красовалось грязное пятно, и отчистить его не удавалось.

– Господи, как в таком виде идти под венец? – шутливо поинтересовался он. – Я похож на бродягу.

– Еще не поздно, – поддразнила его Бри. Голос предательски дрогнул. – Всегда можно отказаться от этой затеи.

– Нет, нельзя. Я обречен с нашей первой встречи, – ворчливо ответил он. – Да и, кроме того, – Роджер приподнял бровь, – твой отец прирежет меня, как свинью, если я начну высказывать сомнения по поводу нашего брака.

– Ха! – Бри расплылась в широкой улыбке, и на щеке у нее появилась ямочка.

– Женщина, черт побери, тебя радует эта идея?

– Да. То есть нет! – Бри снова расхохоталась, а Роджер только этого и добивался. – Конечно, я не хочу, чтобы он тебя прирезал. Но мне приятно знать, что ради меня папа готов пойти на что угодно. Отец должен защищать своего ребенка.

Она улыбнулась Роджеру.

– Как вы, мистер Маккензи.

От этих слов у Роджера что-то сжалось в груди и жилет показался слишком тесным. Вспомнив о том, что он собирался ей рассказать, Роджер испытал холодный укол тревоги. В конце концов, представления об отцовской защите у всех разные – непонятно, как Бри среагирует.

Он потянул ее за собой в гущу деревьев – туда, где под ногами лежал душистый ковер из сухих иголок, а над головой, укрывая от дождя, нависали разлапистые еловые ветки.

– Пойдем, миссис Мак, присядем на минутку. Мне надо тебе кое-что рассказать перед свадьбой. – Роджер усадил ее рядом с собой на замшелый ствол. Откашлялся и собрался с мыслями. – Прежде чем пройти через каменные круги в Инвернессе, я успел покопаться в документах, которые хранил у себя преподобный, и наткнулся на письмо, отправленное твоим отцом. То есть Фрэнком Рэндаллом. Сейчас оно уже не имеет никакого значения, но... я подумал, что между будущими супругами не должно быть секретов. Вчера вечером рассказал об этом письме твоему отцу. Теперь твоя очередь.

Ладонь Брианны лежала в его руке. Роджер продолжал говорить, и ее пальцы сжимались все крепче и крепче, а на лбу проступала глубокая морщинка.

– Повтори, – сказала она, когда он закончил свою речь. – Еще раз.

Роджер послушно повторил письмо заново – наизусть, слово в слово, как рассказывал накануне Джейми Фрейзеру.

– Значит, надгробный камень в Шотландии, на котором высечено папино имя, – всего лишь подделка? – Она слегка повысила голос от удивления. – Папа... Фрэнк попросил преподобного установить надгробие на кладбище в Сент-Килде, но могила ненастоящая? Под камнем никого нет? То есть... папу похоронят не там?

– Да, попросил. Нет, его похоронят не там, – ответил Роджер, стараясь не запутаться в этой истории. – По-моему, он... то есть Фрэнк Рэндалл... хотел поставить этот камень в знак благодарности. Чтобы отдать должное твоему отцу... второму отцу. Джейми.

От холода на щеках Брианны проступил румянец; кончик носа и уши покраснели, и жар, пылавший, пока они занимались любовью, отступил окончательно.

– Откуда он знал, что мы с мамой найдем эту могилу?

– Может быть, ему не хотелось, чтобы вы ее нашли, – ответил Роджер. – Или это был просто символический жест. Кроме того, – добавил он, вспомнив еще одну подробность, – Клэр говорила, что незадолго перед смертью Фрэнк собирался отвезти тебя в Англию. Может быть, хотел показать это место... и оставить решение за тобой и Клэр.

Брианна погрузилась в раздумья.

– Он ведь знал, – медленно произнесла она. – Он знал, что Джейми Фрейзер выжил в сражении при Каллодене. И ничего не сказал...

– Не стоит его винить. Дело тут не в эгоизме. Не только в нем.

– Не только? – Бри еще не оправилась от потрясения. Она размышляла над его словами, пытаясь взвесить все подробности, и не торопилась делать выводы.

– Нет. Подумай, милая, – ласково сказал Роджер. Ствол ели холодил спину; пальцы касались мокрой коры на замшелом бревне. – Он любил твою мать и не хотел терять ее снова. Эгоистичное желание, но, как ни крути, Фрэнк был ее первым мужем. Нельзя винить его за то, что он не желал уступать Клэр другому мужчине. И это еще не все.

– Да? – Она говорила спокойно, голубые глаза смотрели прямо и уверенно.

– Ну, представь себе: а что, если бы он ей все рассказал? Молодой матери с маленьким ребенком. Ведь они не подозревали о том, что ты тоже можешь пройти сквозь каменный круг.

В глазах Брианны мелькнула грусть.

– Ей бы пришлось выбирать, – сказала Бри, не отводя взгляда. – Остаться с нами или отправиться к нему. К Джейми.

– Покинуть тебя, – кивнул Роджер, – или жить как прежде и постоянно помнить о том, что Джейми жив, но им не суждено быть вместе. Нарушить супружеские клятвы – на этот раз осознанно – и бросить своего ребенка... или жить в бесконечной тоске по несбывшемуся счастью. Такой тяжкий груз разрушил бы вашу семью.

– Да, я понимаю, – сказала Бри, и ее вздох растворился в воздухе призрачной дымкой.

– Фрэнк боялся. Он не оставил Клэр выбора, но защитил ее – и тебя – от боли. Хотя бы на время.

Она прикусила губу, напряглась.

– Интересно, что бы она сделала. Если бы Фрэнк ей все рассказал, – тихо промолвила Бри. Роджер сжал ее руку.

– Она бы осталась с тобой, – уверенно ответил он. – Ей уже приходилось выбирать: когда Джейми отправил ее обратно, чтобы защитить тебя. И во второй раз она поступила бы точно так же, зная, что Джейми ее поддержит. Клэр осталась бы с тобой. И не вернулась бы сюда, если бы ты не настояла. Понимаешь?

Бри слегка расслабилась, успокоенная его словами.

– Да, наверное, ты прав. И все же... Знать, что он остался жив, и не попытаться вернуться...

Роджер прикусил щеку, сдерживая рвущийся наружу вопрос. «А если бы выбирать пришлось тебе, Брианна? Между сыном и мной?» Но разве можно ставить любимую женщину перед таким жестоким выбором – даже теоретически? Неважно, ради чего. Он не станет спрашивать ее об этом.

– Все-таки... зачем он установил там надгробный камень? – Морщинка на лбу Брианны напряженно изогнулась, отражая глубокое смятение.

Роджер никогда не встречался с Фрэнком Рэндаллом лицом к лицу, но мог ему посочувствовать, – и это сочувствие не было холодным и отстраненным. Поначалу он не понимал, почему ему непременно хотелось рассказать о письме до свадьбы, однако постепенно начал осознавать собственные мотивы. И эти мотивы ему не нравились.

– Наверное, им двигало чувство долга. Не только по отношению к Джейми и твоей маме, но и к тебе. Если бы... – Он замолчал и крепко стиснул ее руку. – Послушай. Взять хотя бы крошку Джемми. Ты моя женщина, он мой сын – и всегда будет им оставаться. – Роджер глубоко вздохнул. – Но если бы я оказался на месте другого...

– На месте Стивена Боннета, – сказала Бри и поджала побелевшие губы.

– Если бы я оказался на месте Боннета, – кивнул он, содрогнувшись от этой отвратительной мысли, – если бы я знал, что моего ребенка растит чужой человек... разве мне не хотелось бы, чтобы мой сын узнал правду?

Пальцы Брианны дернулись, глаза резко потемнели.

– Не рассказывай ему! Роджер, ради всего святого, не рассказывай! Пообещай!

Он удивленно взглянул на Бри. Ее ногти впились в его ладонь.

– Боннету? Господи, да ни за что! Если я его еще раз увижу, то не стану тратить время на разговоры!

– Не Боннету. – Она вздрогнула, то ли от холода, то ли от переполнявших ее эмоций. – Держись от этого мерзавца подальше! Нет, я про Джемми. – Бри слотнула и крепко стиснула обе его руки. – Обещай, Роджер. Если ты меня любишь, обещай, что никогда не расскажешь Джемми про Боннета. Даже если со мной что-нибудь случится...

– Ничего с тобой не случится!

Она посмотрела на него с насмешливой улыбкой.

– Я, знаешь ли, вряд ли смогу соблюдать воздержание. Случиться может все. Пообещай, Роджер.

– Хорошо. Обещаю, – неохотно ответил он. – Если ты не сомневаешься...

– Не сомневаюсь!

– Неужели ты сама хотела бы остаться в неведении? Про Джейми?

Она прикусила губу, и зубы оставили глубокий красный след на нежной розовой коже.

– Между Джейми Фрейзером и Стивеном Боннетом нет ничего общего!

– Согласен. Но я говорил не про Джемми. На месте Боннета я бы хотел узнать правду и...

– Он знает. – Брианна резко высвободила руку, встала и отвернулась.

– Что?!

Роджер нагнал ее в два шага, ухватил за плечо и снова развернул к себе. Она отпрянула, и Роджер ослабил хватку. Глубоко вздохнул, стараясь говорить спокойно.

– Боннет знает про Джемми?

– Хуже того. – Губы у нее дрожали. Бри стиснула зубы, пытаясь успокоиться, а потом все-таки выдавила из себя признание: – Он думает, что Джемми его сын.

Она не желала больше сидеть под укрытием еловых веток, так что Роджер крепко взял ее под руку и повел за собой – сквозь бесконечный дождь, по камням и скалам, мимо быстрого ручья и качавшихся на ветру деревьев, – пока Бри не успокоилась и не начала рассказывать о том, как жила одна в поместье «Горная река», невольная узница из-за собственной беременности. Она рассказала ему про лорда Джона Грея, который был другом ее отца; о том, как она изливала лорду Джону свои страхи и метания.

– Я боялась, что вы погибли. Все – и мама, и папа, и ты.

Капюшон соскользнул с головы, но Бри даже не попыталась надеть его снова. Волосы свисали на плечи мокрыми крысиными хвостиками, густые рыжие брови потемнели от влаги.

– Последнее, что сказал мне папа... даже не сказал – написал, потому что я не желала с ним разговаривать... – Бри сглотнула и утерла нос ладонью, стряхивая нависшую каплю. – Он сказал, что надо попытаться... простить его. Боннета.

– Что?!

Сам того не замечая, Роджер судорожно вцепился в ее руку, и Бри слегка отстранилась.

– Ты знаешь, что случилось с ним... в Уэнтворте.

Роджер кивнул. На самом деле он смутно представлял, какие испытания выпали на долю Джейми Фрейзера. Он видел шрамы на его спине и по отдельным репликам Клэр успел понять, что они остались в напоминание о пережитом.

– Папа понимал, что нужно делать. Сказал, что если... если я хочу снова почувствовать себя цельной, то мне придется простить Стивена Боннета. И я его простила.

Роджер держал Брианну за руку, держал крепко, чувствуя движение хрупких костей под кожей. Она ничего ему не рассказывала, а он не спрашивал. Имя Стивена Боннета не всплывало ни в одном из их разговоров – до сегодняшнего дня.

– Простила, значит, – мрачно пробормотал он и замолчал на секунду. – То есть ты его нашла? Поговорила с ним?

Она откинула мокрые волосы со лба и кивнула. Грей принес ей внезапную весть: Боннета арестовали и осудили, в Уилмингтоне его ждала смертная казнь. Держали его в подвалах под Королевскими складами в Кросс-Крике. И она отправилась туда, лелея в душе прощение – для Боннета и для себя самой.

– Я была вот такую. – Брианна провела ладонью в воздухе, обрисовывая живот на последних месяцах беременности. – Сказала, что ребенок его. Думала, что эта мысль послужит ему утешением перед смертью. Что после него осталось... хоть что-то.

Роджера охватил приступ ревности – такой внезапный и сильный, что на мгновение боль в сердце показалась вполне настоящей. «После него осталось хоть что-то, – подумал он. – После него. А после меня? Если я завтра умру – а я ведь могу, жизнь здесь суровая, и не только для женщин! – что останется после меня? Ну-ка, скажи мне, милая!»

Нельзя было задавать этот вопрос, никак нельзя. Он поклялся, что никогда не усомнится вслух в том, что Джемми его ребенок. Если Бри станет его женой, значит, Джем будет ему сыном, и неважно, от кого он рожден. И все же слова выплеснулись наружу, как едкая кислота.

– И ты уверена, что ребенок его?

Брианна застыла на месте и обернулась к нему с круглыми от изумления глазами.

– Нет, конечно! Если бы я знала, я бы уже давно сказала тебе.

Боль в груди слегка утихла. Совсем чуть-чуть.

– Вот как... Но при нем ты не упоминала о своих сомнениях?

– Боннета ждала смертная казнь! Я хотела утешить его, а не делиться своими душевными переживаниями. И не собиралась рассказывать про тебя, про нашу брачную ночь и... и... Да чтоб тебя, Роджер! – Она яростно пнула его по голени.

Пинок был сильный. Роджер едва удержался на ногах, но успел схватить Бри за руку.

– Прости! – торопливо сказал он, прежде чем она пнула его во второй раз. Судя по выражению лица, Бри была готова вцепиться в него зубами. – Прости, ты права. Я не должен был ворошить старые воспоминания.

Брианна шумно втянула носом воздух на манер дракона, который собрался испепелить свою жертву. Искры гнева в ее глазах слегка поугасли, хотя на щеках по-прежнему полыхали яркие пятна.

– Вот именно, – ответила она, наградив Роджера мрачным взглядом. – Ты сказал, что между нами не должно быть секретов, и я полностью с тобой согласна. Но за одной тайной всегда может скрываться другая. Так и тянутся друг за другом.

– Я не...

Не успел Роджер закончить фразу, как послышались голоса и звуки шагов. Из тумана им навстречу вышли четыре горца. Они шагали по тропе босиком, переговариваясь друг с другом на гэльском, и несли с собой заостренные палки и сети. Чешуя свежешойманной рыбы поблескивала под дождем.

– А, певец! – Один из рыбаков бросил цепкий взгляд из-под мягкой широкополой шляпы и хитро ухмыльнулся. – Дрозд, собственной персоной! И дочка рыжего Джейми! Что, не смогли утерпеть до вечера?

– Запретный плод сладок, а благословения от сморчка-священника еще дожидаться надо. – Второй горец заломил берет на затылок и выразительно похлопал свой пах, демонстрируя, про какой «сморчок» идет речь.

– Да нет же, – сказал третий и утер нос, не сводя глаз с Брианны. Та старалась поплотнее укутаться в плащ. – Он просто решил спеть ей песенку перед свадьбой.

– Я тоже знаю эту песенку, – откликнулся его приятель и расплылся в широченной улыбке, в которой явно не хватало зубов. – Но могу спеть куда лучше!

Щеки Брианны снова запылали румянцем; на гэльском она говорила не так хорошо, как Роджер, однако достаточно, чтобы понять общий смысл грубых шуток. Роджер шагнул вперед, прикрывая ее собой. Горцы не затевали ничего дурного, и дальше подмигивания и выразительных усмешек дело не пошло. Наконец первый из них стянул шляпу, похлопал ею по бедру, стряхивая воду, и заговорил серьезно:

– Хорошо, что мы повстречали тебя здесь, Дрозд. Моя мать слышала, как ты пел у костра, а потом рассказала всем своим тетушкам и кузинам, что от твоей музыки ноги сами просятся в пляс. Теперь они хором настаивают, чтобы ты непременно спел на празднике в Спринг-Крике. Моя младшенькая кузина выходит замуж; у дяди нет других детей. Зато он владеет мельницей!

– Знатный праздник получится! – вставил другой рыбак, помоложе; судя по внешнему сходству, он приходился первому горцу сыном.

– Затеваете свадьбу? – Роджер говорил на гэльском очень медленно и официально. – Значит, селедки будет вдоволь!

Два горца постарше рассмеялись над его шуткой, но их сыновья только рассеянно переглянулись.

– Эх, ребята ни разу в глаза селедки не видели, – сказал горец в берете. – Здесь родились, оба.

– А откуда вы родом, сэр? Из какой части Шотландии?

Услышав звонкий голос, горец вздрогнул от удивления. Пару мгновений он просто смотрел на Брианну, потом лицо его резко переменилось.

– Остров Скай, – ответил он. – Городок Скибост у подножия Куиллин. Меня зовут Ангус Маклауд, и Скай – земля моих дедов и прадедов. Но мои сыновья родились здесь.

Слова прозвучали тихо, и было в его голосе что-то такое, отчего бурное веселье юношей стремительно угагло, будто их окатили водой. Горец в широкополой шляпе посмотрел на Брианну с любопытством.

– А ты, дочка, родилась в Шотландии?

Бри молча покачала головой и запахнула плащ покрепче.

– Да, я тоже оттуда, – сказал Роджер в ответ на вопросительный взгляд. – Из селения Кайл-оф-Лохалш.

– Вот как, – ответил Маклауд, и на его суровом лице отразилось глубокое удовлетворение. – Значит, правду про тебя говорят? Что ты знаешь все песни шотландских гор и островов?

– Не все, – улыбнулся Роджер, – но многие. И еще выучу.

– Выучи, певец. – Маклауд медленно кивнул. – А потом научи своих сыновей. – Его взгляд остановился на Брианне, и губы тронула слабая улыбка. – Пусть поют моим детям, чтобы те помнили, откуда мы родом. Даже если им не суждено туда вернуться.

Один из юношей шагнул вперед и застенчиво протянул Брианне несколько рыбин, нанизанных на веревку.

– Возьмите, – сказал он. – Подарок на свадьбу.

Роджер видел, как дернулся уголок ее губ – от смеха или подступающей истерики? – но она приняла мокрую вязанку с королевским достоинством. И склонилась в глубоком реверансе.

– Chaneil facal agam dhuibh och taing, – медленно произнесла она со своим необычным акцентом. «У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность».

Юноша мгновенно покраснел, а старший горец просиял от удовольствия.

– Вот и славно, дочка, – сказал Маклауд. – Твой муж научит тебя гэльской речи, а ты научишь своих сыновей. Пусть их у вас будет много!

Он снял берет и отвесил эффектный поклон, пошире расставив босые ноги, чтобы не упасть в грязь.

– Желаем много сильных и здоровых сыновей! – тут же подхватил его приятель, а двое юношей улыбнулись и застенчиво пробормотали: – Много сыновей вам, госпожа!

Горцы пошли своей дорогой, периодически бросая назад любопытные взгляды, а они остались стоять в двух шагах друг от друга. Брианна скрестила руки на груди и разглядывала грязь у себя под ногами. Сердце Роджера опять сжалось от боли. Ему хотелось прикоснуться к ней, попросить прощения, но от этого стало бы только хуже.

В конце концов она сама шагнула навстречу. Положила голову на плечо, и холодные мокрые волосы коснулись его пораненной шеи. Роджер чувствовал, как распухли и отвердели от молока ее груди, напивавшие на него, словно каменная преграда.

– Я хочу к Джемми, – тихо сказала она. – К моему малышу.

Невысказанные слова застряли в горле, и Роджер разрывался между извинениями и гневом. Мысль о том, что Джем принадлежит другому – не ему, а Боннету! – причиняла невыносимую боль.

– Я тоже по нему соскучился, – прошептал он. Поцеловал Бри в лоб, взял за руку и повел напрямик через луг. Гора высилась над ними, невидимая в клубах тумана; сверху долетали обрывки фраз, крики и отголоски музыки, как эхо с вершины Олимпа.

Глава 7

Шрапнель

К середине утра дождь стих, сквозь облака начало проглядывать бледно-голубое небо, и у меня в душе зародилась смутная надежда на то, что вечером погода наладится окончательно. И вовсе не из-за пословиц и суеверий – мне просто не хотелось, чтобы дождь испортил Брианне свадьбу. Конечно, это не венчание в церкви Сент-Джеймс, с белым атласным платьем и россыпью рисовых зерен, но, по крайней мере, на свадьбе должно быть сухо.

Я помассировала правую руку, разминая затекшие мышцы: сломанный зуб мистера Гудвина доставил куда больше хлопот, чем я ожидала, и все-таки мне удалось выдернуть его вместе с корнями. Я вручила пациенту маленькую бутылку неразбавленного виски и велела полоскать рот раз в час для предотвращения инфекции. А уж проглатывать или не проглатывать – его личное дело.

От души потянувшись, я услышала, как звякнули деньги в потайном кармашке под юбкой, – сущая музыка для ушей. Мистер Гудвин и вправду заплатил за мои труды звонкой монетой. Я задумалась, хватит ли этих денег на астроблю и зачем вообще Джейми понадобился такой необычный инструмент. Мои размышления были прерваны тихим и очень официальным покашливанием.

Обернувшись, я обнаружила за спиной озадаченного Арчи Хэйза.

– Какая неожиданность! Могу ли я вам помочь, лейтенант?

– Полагаю, что можете, госпожа Фрейзер, – ответил лейтенант с легкой улыбкой. – Фаркуард Кэмпбелл рассказывал, что среди его рабов о вас ходят удивительные слухи. Будто бы вы умеете воскрешать мертвых. Смею надеяться, что пара осколков металла не вызовет особого затруднения у такого искусного хирурга.

Услышав его слова, Мюррей Маклауд громко фыркнул и отвернулся к своим пациентам.

– Хм. – Я смущенно потеряла нос. Четыре дня назад у одного из рабов Кэмпбелла случился эпилептический припадок, и бедняга пришел в себя как раз в ту минуту, когда я положила ладонь ему на грудь. Мне так и не удалось втолковать окружающим, что я была непричастна к его исцелению, и слава о могущественной лекарке разнеслась со скоростью лесного пожара.

Вот и сейчас несколько рабов играли в кости на краю поляны, дожидаясь, пока я разберусь с другими больными. На всякий случай я окинула их пристальным взглядом: они не стали бы привлекать к себе внимание, даже будучи при смерти, – из почтения к моим белым пациентам, а также из глубокой убежденности в том, что, случись беда, я просто воскрешу труп и вылечу все недуги.

Удостоверившись, что в ближайшее время никто не собирается терять сознание, я возвратилась к Хэйзу и вытерла руки о передник.

– Давайте посмотрим, что у вас там за осколки.

Хэйз без возражений снял берет, куртку, жилет, шейный платок и рубашку вместе с серебряным нагрудным знаком. Вручил одежду сопровождавшему его адъютанту и сел на скамью, сохраняя невозмутимое спокойствие, несмотря на частичную наготу, покрывшиеся мурашками плечи и пораженное бормотание рабов.

Грудь у него была практически безволосой и очень бледной – так бывает, если солнце годами не касается кожи, – что резко контрастировало с потемневшими от загара руками, лицом и коленями. Однако контраст на этом не заканчивался.

Слева на молочно-белой груди расплывалось черное пятно, огромное, от ребер до ключицы. Правый сосок был нормального коричневато-розового цвета, а левый – белого. Я удивленно моргнула, а позади нас раздалось тихое: «A Dhia!»

– A Dhia, tha e tionndadh dubh! – подхватил другой голос, погромче. «Господи, да он начал чернеть!»

Хэйз пропустил все возгласы мимо ушей и слегка откинулся назад, позволяя мне приступить к осмотру. Скоро стало понятно, что причина была не в естественной пигментации, а в бесчисленном множестве мелких темных гранул, засевших под кожей. Вместо соска остался только блестящий белый шрам размером с шестипенсовик.

– Порох, – сказала я, проведя кончиками пальцев по темному пятну. Мне уже доводилось видеть такие следы; они возникали после осечки или выстрела в упор, когда частички пороха – а зачастую и ткани – проникали глубоко под кожу. Все верно. Под пальцами ощущались крошечные бугорки, мелкие кусочки той одежды, которая была на Хэйзе в момент ранения.

– Пуля все еще внутри?

Входное отверстие сразу бросалось в глаза. Я дотронулась до белого шрама и попыталась представить траекторию ее движения.

– Не целиком, – безмятежно ответил Хэйз. – Раскололась по дороге. Хирург отдал мне те куски, которые сумел достать. Потом я сложил их вместе, но получилась только половина, так что все остальное по-прежнему во мне.

– Ваше счастье, что осколки не задели сердце и легкие, – сказала я, присаживаясь на корточки и разглядывая рану поближе.

– Еще как задели, – возразил он. – Во всяком случае, я так думаю. Понимаете ли, пуля попала в грудь, а теперь выходит на спине.

К огромному удивлению окружающих нас зрителей – и к моему собственному, – он оказался прав. Маленькая шишка под левой лопаткой не только прощупывалась руками, но и была заметна невооруженному глазу – темное уплотнение под нежной белой кожей.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнула я, и Хэйз удивленно фыркнул.

Как ни странно, извлечь осколок удалось без особых усилий. Я обмакнула кусочек ткани в виски, протерла кожу, простерилизовала скальпель и сделала быстрый надрез. Хэйз сидел совершенно неподвижно, как полагается настоящему солдату и истинному шотландцу; если судить по шрамам, покрывавшим его грудь, ему приходилось терпеть вещи и похуже.

Я надавила на кожу по обеим сторонам надреза; края раны раздвинулись, и темный зазубренный осколок металла высунулся наружу, как кончик языка, – ровно настолько, чтобы я смогла аккуратно подцепить его щипцами. С ликующим возгласом я кинула бесформенный кусок пули на ладонь Хэйза, а потом зажала порез пропитанной спиртом тканью.

Лейтенант медленно выдохнул сквозь зубы и улыбнулся, глядя на меня через плечо.

– Благодарю вас, миссис Фрейзер. Этот малыш пробыл со мной много лет, но горевать по нему я не стану. – Он с любопытством рассматривал металл, лежащий на забрызганной кровью ладони.

– Когда вы получили ранение? – поинтересовалась я.

На первый взгляд могло показаться, что осколок прошел тело насквозь, но я сильно сомневалась в такой возможности. Скорее всего, он просто застрял на груди у поверхности кожи, а потом, под давлением мышц, медленно сдвигался вокруг туловища, пока не достиг лопатки.

– Больше двадцати лет прошло, госпожа, – сказал Хэйз и коснулся плотного белого рубца, оставшегося на одном из самых чувствительных мест его тела. – Это случилось при Каллодене.

Говорил он спокойно, но по моим рукам пробежали мурашки. Больше двадцати лет... скорее даже двадцать пять. Значит...

– Вам же было не больше двенадцати!

– Одиннадцать. – Он приподнял бровь. – Правда, на следующий день у меня был день рождения.

Пришлось прикусить язык, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Мне казалось, что суровые нравы прошлого уже не смогут выбить меня из колеи, однако я ошибалась. В Хэйза – в одиннадцатилетнего мальчика! – выстрелили в упор. Не по ошибке, не в угаре битвы... Нет. Тот, кто стрелял, прекрасно понимал, что целится в ребенка. И все равно нажал на курок.

Поджав губы, я осмотрела надрез. Неглубокий, длиной не больше дюйма; осколок находился у самой поверхности. Значит, швы не нужны. Я наложила на рану чистую повязку и принялась обматывать ее вокруг туловища.

– Чудо, что вы остались живы.

– Да, и вправду чудо. Помню, я лежал на земле, надо мной склонился Мурчисон и...

– Мурчисон! – воскликнула я, и на лице Хэйза мелькнуло удовлетворение. На секунду я испугалась, вспомнив слова Джейми: «Малыш Арчи – себе на уме. Болтает он много, а еще больше умалчивает. Будь с ним осторожней, саксоночка». Что ж, осторожничать уже поздно – да и какая разница? Даже если это был тот самый Мурчисон...

– Знакомое имя? – спросил Хэйз. – В Англии до меня дошли слухи, что сержант Мурчисон из двадцать шестого полка был отправлен в Северную Каролину. Но когда мы приехали в Кросс-Крик, гарнизон оказался разрушен. Говорят, там был пожар?

– Кхм, да. – Хорошо, что Бри успела уйти; правда о том, что случилось на королевских складах в Кросс-Крике, известна всего двум людям. Один из них – Бри. А что касается второго... Стивен Боннет вряд ли когда-нибудь повстречается с лейтенантом. Если он вообще жив.

– Солдаты из гарнизона, – продолжал Хэйз, – Мурчисон и все остальные... не знаете, где они теперь?

За моей спиной раздался мягкий глубокий голос:

– Сержант Мурчисон мертв, как ни прискорбно.

Хэйз улыбнулся говорившему.

– А, Рыжий Джейми, – сказал он. – Я как раз подумал, что рано или поздно ты решишь проведать жену. Искал тебя с самого утра.

Я вздрогнула, услышав прозвище, а по лицу Джейми скользнуло удивление, быстро сменившееся настороженностью. Никто не называл его Рыжим Джейми со времен восстания.

– Да, мне сообщили, – сухо ответил он и присел на вторую скамью лицом к Хэйзу. – Что ж, рассказывай. В чем дело?

Хэйз потянулся к споррану, болтавшемуся у него меж колен, и через несколько мгновений выудил оттуда письмо, скрепленное красной сургучной печатью. Я сразу узнала герб, и сердце замерло. Вряд ли губернатор Трион решил поздравить меня с прошедшим днем рождения.

Хэйз перевернул письмо, убедился, что там указано имя Джейми, и протянул его адресату. К моему удивлению, Джейми не стал его вскрывать, а вместо этого продолжал внимательно смотреть на Хэйза.

– Что тебя сюда привело? – неожиданно спросил он.

– Известное дело, долг службы, – ответил Хэйз, изумленно приподняв брови. Сама невинность. – Что еще может руководить солдатом?

– Долг службы, – эхом откликнулся Джейми и похлопал письмом по бедру. – Ладно, не спорю. По долгу службы ты отправился из Чарльстона в Виргинию, да только вот путь выбрал весьма окольный.

Хэйз хотел пожать плечами, но тут же замер, потревожив свежую рану у себя на спине. Я продолжала накладывать повязку.

– Мне нужно было огласить губернаторскую прокламацию.

– Ни ты, ни твои солдаты не обязаны подчиняться губернаторским приказам.

– Верно, – кивнул Хэйз, – но почему бы не оказать услугу хорошему человеку?

– Он сам попросил тебя об этой услуге или ты выступил добровольцем? – Голос Джейми сочился сарказмом.

– К старости ты стал излишне подозрителен, – сказал Хэйз, с упреком покачивая головой.

– А как, по-твоему, я дожил до своих лет? Исключительно благодаря подозрительности. – Джейми слабо улыбнулся, а потом замолчал и пару мгновений внимательно смотрел на Хэйза. – Говоришь, того солдата, который выстрелил в тебя у Друмossi, звали Мурчисоном?

Я затянула последний узел на повязке, и Хэйз осторожно пошевелил плечом.

– Тебе ли не знать, Рыжий Джейми. Ты же сам там был.

Лицо Джейми едва заметно исказилось. Он почти не помнил тот день, когда погибло множество кланов, ту страшную бойню, после которой сотни людей остались истекать кровью на поле сражения – и он среди них. Порой обрывки воспоминаний настигали Джейми во сне и бередили сердце кошмарами, но что бы ни было тому причиной – глубокая травма, ранение или сила воли, – битва при Каллодене почти полностью изгладилась из его памяти. И вряд ли он хотел о ней вспоминать.

– Тогда много чего случилось. Всего не упомнишь.

Джейми склонил голову и поддел бумагу пальцем, вскрыв письмо с такой силой, что сургучная печать разлетелась на мелкие куски.

– Ваш муж – очень скромный человек, госпожа Фрейзер. – Хэйз кивнул мне и подозвал своего адъютанта. – Он никогда не рассказывал вам о том, что совершил на поле сражения?

– Многие в тот день проявили доблесть и мужество, – пробормотал Джейми, склонившись над письмом. – Но подлости и трусости было не меньше.

Он смотрел на бумагу, хотя вряд ли понимал, что там написано. Взгляд неподвижно застыл на одной точке, не видимой всем остальным.

– Не спорю, – кивнул Хэйз. – Но разве не стоит упоминания тот, кто спас тебе жизнь?

Джейми вскинулся от неожиданности, и я, торопливо подойдя к нему, осторожно положила ладонь на плечо. Тем временем Хэйз принялся натягивать рубашку, не переставая улыбаться. Улыбка была странная, настороженная.

– Разве ты не помнишь, как ударил Мурчисона по затылку, когда он поднял надо мной штык? А потом отнес меня к маленькому роднику? Глава одного из кланов лежал на траве, ему омывали водой лоб, но я видел, что он мертв, – живые никогда не бывают так неподвижны. Кто-то взялся осматривать мою рану, тебя тоже спрашивали остаться, однако ты отказался. Встал, весь в крови, пожелал мне выздоровления, благословил именем святого Михаила... и снова ушел на поле.

Хэйз надел цепочку с нагрудным знаком, аккуратно поправил маленький серебряный полумесяц. Горло, не прикрытое шейным платком, выглядело беззащитным и уязвимым.

– Вид у тебя был страшный. Кровь стекала по щекам, волосы развевались по ветру; ты развернулся и вновь достал палаш из ножен... Я думал, что больше тебя не увижу.

Хэйз покачал головой, прикрыв глаза, словно перед его внутренним взором стоял не суровый могучий горец, Фрейзер из Фрейзер-Риджа, – а тот, другой, Рыжий Джейми. Молодой воин, который отправился в бой, на смерть, тяготясь собственной жизнью, потому что недавно потерял меня.

– Вот как? – пробормотал Джейми. – Я и забыл.

Плечо под моей ладонью подрагивало от напряжения, как натянутая струна; за ухом отчаянно билась тонкая венка. Джейми не мог позабыть боль разлуки. Да и я не могла.

Хэйз склонил голову, позволяя адъютанту повязать шейный платок, потом выпрямился и кивнул мне.

– Примите мою глубочайшую благодарность, мэм. Вы были весьма любезны.

– Не стоит благодарить, – ответила я, едва шевеля пересохшими губами. – Я только рада оказать помощь.

Опять зарядил дождь; холодные капли падали мне на лицо и руки, застывали серебристыми искрами на волосах и ресницах Джейми, скатывались по его широким скулам.

Хэйз надел куртку и застегнул плед маленькой позолоченной брошью – той брошью, которую отец отдал ему перед Каллоденом.

– Значит, Мурчисон мертв, – задумчиво произнес он. – Впрочем, я слышал, – его пальцы на мгновение замерли на застежке броши, – что у него был брат, с которым они похожи как две капли воды.

– Был, – подтвердил Джейми. Он наконец посмотрел Хэйзу прямо в глаза. Лицо лейтенанта выражало только легкое любопытство.

– И ты знаешь, кто из них?..

– Нет. Но это неважно, оба давно мертвы.

– Ясно.

Хэйз застыл в минутном раздумье, потом прижал берет к груди и отвесил Джейми официальный поклон.

– Buidheachas dhut, a Sheumais mac Brian⁹. И да защитит тебя святой Михаил.

Он кивнул мне, надел берет и отправился прочь. Адъютант молча поспешил следом.

Над поляной пронесся сильный порыв ветра и окатил нас брызгами ледяного дождя, точь-в-точь как в то апрельское утро при Каллодене. Джейми вздрогнул всем телом, и его пальцы судорожно дернулись, комкая письмо, которое он по-прежнему держал в руке.

– Что ты помнишь о том дне? – спросила я, глядя, как Хэйз перешагивает через кровавые лужи.

– Почти ничего, – ответил он. Поднялся и посмотрел на меня потемневшими, как хмурое небо, глазами. – Но и этого бывает много.

Он протянул мне измятое письмо. Хотя кое-где от дождя чернила начали расплываться, текст оставался понятным и четким. В отличие от прокламации, в письме было целых два предложения.

Нью-Берн, 20 октября

Полковнику Джеймсу Фрейзеру

По причине нарушения мира и порядка на вверенной мне территории и нанесении огромного вреда жителям нашей провинции, а также их имуществу, с одобрения совета Его Величества настоящим приказываю вам объявить общий сбор вооруженного ополчения, а затем незамедлительно доложить мне о числе добровольцев, готовых по призыву вступить на королевскую службу, и указать количество солдат, которых вы сможете направить ко мне в случае непредвиденных ситуаций или дальнейших проявлений насилия со стороны повстанцев. В ожидании своевременного и неукоснительного исполнения сего приказа,

ваши покорный слуга,

Уильям Трион

Я аккуратно свернула письмо, отстраненно заметив, что у меня дрожат руки. Джейми забрал его, брезгливо придерживая двумя пальцами, будто вместо бумаги там было что-то на редкость мерзкое. Потом с печальной усмешкой заглянул мне в глаза.

– А я так надеялся, что у нас еще будет время, – сказал он.

⁹ Спасибо, Джейми, сын Брайана (гэльск.).

Глава 8

Управляющий

Брианна пошла за Джемми к Иокасте, а Роджер медленно побрел вверх по склону к своему лагерю. Здравовался с попадавшимися навстречу прохожими, принимал поздравления, но почти не слышал того, что ему говорили.

У них обязательно будет еще один малыш, сказала Бри. Он прокручивал эту фразу в голове, перебирая слово за словом, как пригоршню монет в кармане. Бри не отмахивалась от него, она и вправду дала обещание. И сейчас это обещание казалось Роджеру важнее всех клятв, принесенных в ночь их первой свадьбы.

Мысли о первой свадьбе закономерно напомнили о церемонии, которая ожидала их вечером. Роджер окинул взглядом свою одежду и понял, что Бри ни капли не преувеличивала – вид у него еще тот. Эх, и куртке Джейми тоже изрядно досталось!

Он принялся стряхивать сосновые иголки и налипшую грязь, когда его внезапно окликнули. Навстречу Роджеру по крутому склону осторожно спускался Дункан Иннес, склоняясь набок, чтобы удержать равновесие. Дункан снова надел свою роскошную алую куртку с синей оторочкой и золотыми пуговицами, а волосы его были туго заплетены и собраны под новенькую черную шляпу. Обыкновенный шотландский рыбак превратился в зажиточного землевладельца, и преобразование оказалось настолько разительным, что вместе с внешностью изменилось и поведение – Дункан стал держаться вдвое уверенней.

Рядом с Дунканом шагал высокий худощавый джентльмен преклонных лет, в очень опрятной, но изрядно поношенной одежде. Редкие седые пряди были собраны в хвост, открывая высокий лоб с глубокими залысинами. Зубов у него не хватало, рот ввалился, однако губы сохраняли насмешливый изгиб, а синие глаза смотрели зорко и пронизательно. Кожа на удлиненном лице была натянута как барабан, на лбу и вокруг рта залегли глубокие морщины; картину дополнял длинный крючковатый нос и истрепанная черная одежда. Вылитый стервятник.

– Дрозд! – радостно окликнул Дункан Роджера. – Ты-то мне и нужен! Полагаю, уже готовился к свадьбе? – добавил он, удивленно осматривая запачканную куртку и растрепанные волосы Роджера.

– Кхм-кхм! Да. – Роджер старательно откашлялся и постучал себя по груди, маскируя неловким жестом свои отчаянные попытки почистить одежду. – Только вот погода слегка мокровата.

– Добрая примета, коли похороны в дождь, – кивнул Дункан с нервным смешком. – Остается надеяться, что мы не умрем от воспаления легких прямо перед свадьбой...

Он подтянул воротник куртки повыше и снял воображаемую ворсинку с рукава.

– Отличный наряд, Дункан, – сказал Роджер, надеясь отвлечь внимание от собственного растрепанного вида. – Хороший из тебя жених вышел!

Под обвислыми усами Дункана проступил румянец, и он принялся крутить гербовую пуговицу на куртке.

– Да уж... Мисс Ио сказала, что не пойдет к алтарю с пугалом.

Дункан кашлянул и резко повернулся к своему спутнику, будто внезапно вспомнив о его присутствии.

– Мистер Баг, это зять Макдью, Роджер Мак, про которого я вам рассказывал. – Дункан снова повернулся к Роджеру и указал на своего спутника. Тот шагнул вперед, протягивая руку со сдержанным, но весьма сердечным поклоном. – А это Арч Баг. Знакомься, певец.

– Мое почтение, мистер Баг, – вежливо произнес Роджер, с удивлением отметив, что на широкой костистой ладони, которую он пожимал, не хватало двух пальцев.

– Гм, – немногословно ответил мистер Баг. Он всем своим видом выражал искреннее дружелюбие и, возможно, даже собирался развить свою мысль, однако стоило ему открыть рот, как в тишине раздался скрипучий старушечий голосок.

– Мистер Фрейзер был так великодушен, сэр! Ему не придется жалеть о своей щедрости, ни за что не придется, я прямо так и сказала. Такое счастье, словами не описать, мы-то ведь уж и не знали, как прокормиться и где голову преклонить. Надо надеяться на милость божью, говорила я Арчу, на милость нашего Иисуса Христа; если умрем с голоду, то хоть в Божьей благодати, а Арч мне отвечал...

Из-за спины Арча показалась маленькая кругленькая старушка в истертой, аккуратной заштопанной одежде. Роджер поначалу даже не заметил ее за широким плащом мистера Бага.

– Госпожа Баг, – зачем-то пояснил Дункан.

– ...и оставалось-то всего полпенни серебром, я все думала, что же с нами будет теперь, а потом Салли Макбрайд сказала, мол, Джейми Фрейзеру нужен хороший...

Мистер Баг улыбнулся, глядя на Роджера поверх ее макушки. Но тут его жена замолчала на полуслове и с ужасом воззрилась на куртку Роджера.

– Ох, да вы только посмотрите! Что с вами случилось, молодой человек? Неужто несчастье какое? Будто в навозе извалялись!

Не дожидаясь ответа, она решительным жестом выдернула из кармана чистый носовой платок, щедро поплевала на него и принялась оттирать грязные разводы с куртки.

– Право же, не стоит... ну что вы... кхм... спасибо. – Роджер быстро понял, что сопротивляться такому неумолимому напору совершенно бесполезно, и бросил на Дункана отчаянный взгляд.

– Джейми Рой предложил мистеру Багу должность управляющего во Фрейзер-Ридже. – Дункан поторопился воспользоваться минутным затишьем в бурной речи миссис Баг.

– Управляющего? – переспросил Роджер. Его словно под дых ударили.

– Да. На случай, если сам Джейми будет в отъезде или занят другими делами. Как-никак нельзя оставлять поля и арендаторов без присмотра.

Дункан говорил с легкой горечью в голосе; ответственность за огромную плантацию тяготила простого рыбака из Койгаха, и он задумчиво поглядывал на мистера Бага, словно сожалел, что не может увезти такого полезного человека с собой в «Горный ручей». Разумеется, миссис Баг поехала бы следом за мужем.

– И так нам повезло, чудо просто, я ж вчера говорила Арчу, что работа есть только где-нибудь в Эдентоне или Кросс-Крике и что ему, наверное, придется податься в рыбаки, а это доля нелегкая, ох нелегкая: постоянно мокрый до костей, от болот поднимаются ядовитые испарения, в воздухе сплошная лихорадка, дышать нечем – жуть-то какая! А мне бы пришлось устроиться прачкой где-нибудь в городе, и страшно подумать, как бы я выдерживала целыми днями без моего Арча, мы ведь ни на одну ночь не расставались, ни разу, с самой свадьбы! Да, мой хороший?

Она запрокинула голову и наградила мужа преданным взглядом, а мистер Баг ласково улыбнулся в ответ. Возможно, он страдал глухотой, решил Роджер. Или они женаты всего неделю.

Ему не пришлось задавать ни одного вопроса: миссис Баг сама поведала, что женаты они уже больше сорока лет. Арч Баг был арендатором Малкольма Гранта из Гленмористона, но после восстания жизнь складывалась несладко. Надел, которым он управлял у Гранта, конфисковали в пользу Короны, и Баг несколько лет работал на маленькой ферме, а потом невзгоды и голод вынудили супругов собрать свои нехитрые пожитки и отправиться на поиски новой жизни в Америке.

– Сначала мы собирались обосноваться в Эдинбурге... – начал пожилой джентльмен. Говорил он учтиво и медленно, с певучим горским акцентом.

Значит, все-таки не глухой, подумал Роджер. Пока что.

— ...один из моих кузенов работал там в банковской конторе, и мы подумали, что он замолвит за Арча словечко...

— Но я был слишком стар для такой работы и не располагал соответствующей квалификацией...

— ...радовались бы, что он готов у них остаться! Из-за этих глупцов нам пришлось попытаться счастья здесь...

Чета Баг продолжала наперебой рассказывать о своих приключениях. Дункан встретился с Роджером взглядом, старательно пряча улыбку под пышными усами. Роджер улыбнулся в ответ, хотя его обуревало навязчивое раздражение, которое никак не удавалось стряхнуть.

Управляющий. Тот, кто будет следить за делами в Ридже, за посевами и сбором урожая, разбираться с жалобами арендаторов в отсутствие Джейми Фрейзера. Незаменимый человек, особенно если учесть количество новых поселенцев и все грядущие перемены.

До сего момента Роджер был уверен, что правой рукой Джейми станет именно он. Ну, или левой – в крайнем случае.

Фергус частенько помогал Джейми разобраться с делами, выполнял поручения, узнавал нужные сведения. Но увечье ограничивало его возможности, поэтому он никогда не возился с бумагами и не вел учет расходов; Дженни Мюррей научила французского сиротку складывать буквы в слова, а вот с арифметикой у них ничего не вышло.

Роджер покосился на ладонь мистера Бага, лежавшую на пышном плече жены. Рука была широкой, обветренной, сильной, несмотря на два отсутствующих пальца, однако суставы сильно распухли и искривились от артрита.

Значит, Джейми считал, что даже больной старик справится с поместьем лучше, чем Роджер? От этой мысли неожиданно стало горько.

Он знал, что тесть питал глубокие сомнения по поводу его способностей, и эти сомнения не ограничивались обычной отцовской подозрительностью к мужчине, который делит постель с его дочерью. Сам Джейми был начисто лишен музыкального слуха и потому относился к таланту Роджера без особого пиетета. Сила и трудолюбие не могли заполнить нехватку знаний о скотоводстве и охоте, не говоря об умении ловко обращаться с оружием. И, по советам сказать, Роджеру ни разу не доводилось заниматься фермерством или управлять большим хозяйством – в отличие от мистера Бага. Что уж тут кривить душой.

Но он приходится Джейми зятем. Даже Дункан, черт побери, только что назвал его зятем Макдью! И пусть Роджер вырос в другом столетии – он шотландец. Любому горцу не понаслышке известно, что нет ничего важнее кровных связей и родства. Муж единственной дочери входил в новый дом на правах родного сына и уступал по положению только главе семейства. Бывали, конечно, исключения из правил. Например, если зять вдруг оказывался беспробудным пьяницей или распутником. Или совсем уж слабоумным... Господи, да неужели Джейми считает его полным болваном?

— Ну-ка, присядьте, молодой человек. Сейчас разберемся с этим безобразием! – Миссис Баг прервала его мрачные размышления и потянула Роджера за рукав. Она поцокала языком, разглядывая листья и веточки, застрявшие у него в волосах. – Вы только посмотрите, весь перепачкался! Драка была знатная, не иначе. Надеюсь, противнику досталось сильнее, что тут скажешь.

Роджер глазом не успел моргнуть, как она усадила его на валун, достала из кармана деревянный гребень и принялась расчесывать спутанные волосы с таким рьяным усердием, будто собралась основательно их проредить.

— Значит, тебя прозвали Дроздом? – Миссис Баг на мгновение перестала размахивать гребнем и с подозрительным прищуром встряхнула темную блестящую прядь. Словно вшей высматривала.

– Так и прозвали. Но черные локоны тут ни при чем, – вставил Дункан, посмеиваясь над смущением Роджера. – Это все из-за песен. Он у нас сладкоголосый, как соловей.

– Из-за песен? – воскликнула миссис Баг и наконец отпустила многострадальную прядь. – А не ты ли вчера пел «Ceann-ràra» и «Loch Ruadhainn»?¹⁰ И играл на бойране?

– Вполне может быть, – скромно пробормотал Роджер.

Пожилая леди тут же рассыпалась в искренних комплиментах. Ее восхищение польстило Роджеру, и он устыдился своей минутной зависти. «В конце концов, – думал он, глядя на глубокие морщины и покрытый заплатками передник, – старикам пришлось хлебнуть горя. Может, Джейми предложил им работу просто по доброте души».

Роджер слегка успокоился и любезно поблагодарил миссис Баг за помощь.

– Вы присоединитесь к нашему костру? – спросил он, глядя на мистера Бага. – Полагаю, вы еще незнакомы с миссис Фрейзер...

Его прервал пронзительный вопль, напоминавший вой пожарной сирены. Источник звука постепенно приближался, но Джейми сразу его опознал и потому ни капли не удивился, увидев на тропе своего тестя с Джемом на руках. Мальчишка вопил и извивался так отчаянно, будто его ошпарили.

Джейми с измученным видом вручил ребенка Роджеру. Тот подхватил малыша и, не придурав ничего лучше, сунул палец в широко распахнутый рот. Крик мгновенно утих, и все облегченно вздохнули.

– Какой славенький! – заворковала миссис Баг, встав на цыпочки, а Джейми повернулся с приветствиями к мистеру Багу и Дункану.

«Славенький» – весьма неподходящее определение, подумал Роджер. Скорее уж «буйный». Малыш яростно сосал предложенный палец: личико налилось багровым румянцем, на щеках остались разводы от слез, а глаза были плотно зажмурены в отчаянной попытке отгородиться от этого несовершенного мира. Взмокшие от пота волосенки торчали в разные стороны; Джем умудрился вывернуться из пеленок, и теперь они свисали неопрятными складками. Вдобавок ко всему прочему пахло от него как от ночного горшка – по весьма очевидным причинам.

Будучи опытным отцом, Роджер поспешил принять экстренные меры.

– Где Бри?

– Бог знает, да нам не скажет, – коротко ответил Джейми. – Я уже всю гору обошел, с тех пор как малец проснулся и решил, что ему не нравится моя компания.

– Кажется, моя компания ему тоже не по душе.

Джем жевал палец Роджера, пуская слюни прямо на запястье, и недовольно похныкивал.

– А Марсали вы не видели? – Брианна не давала посторонним кормить Джемми, но ситуация была критическая. Роджер оглянулся, надеясь, что где-то поблизости обнаружится кормящая мать, которая сжалится над голодным малышом – или над его папой.

– Дайте его сюда! Бедненький крохотулечка, – сказала миссис Баг и протянула руки к малышу. В глазах Роджера она сразу превратилась из навязчивой болтушки в ангела милосердия. – Тише, тише, мой хороший.

Джемми признал неоспоримый авторитет миссис Баг и мгновенно заткнулся, округлив восторженные глазщи. Она взялась за карапуза так же бойко и решительно, как за его отца. Пожалуй, Джейми нанял не того Бага, подумал Роджер.

Арч тем временем обстоятельно расспрашивал Джейми об урожае, поголовье скота и арендаторах, демонстрируя недюжинный ум, смекалку и опыт. «Я тоже с этим справился бы» – думал Роджер, внимательно прислушиваясь к разговору. «Правда, не со всем», – признал он, когда собеседники неожиданно перешли к обсуждению язв на коровьем вымени.

¹⁰ Старинные шотландские мелодии.

Возможно, Джейми действительно был нужен кто-нибудь поопытнее. Но ведь Роджер быстро учится...

– И кто у нас тут такой краса-авчик! – Миссис Баг встала с валуна и снова заворковала над Джемми, который теперь был спеленат по всем правилам. Она погладила малыша по пухлой щечке, затем перевела взгляд на Роджера. – Да-да-да, глазки прямо как у отца!

Роджер покраснел, тут же позабыв о коровьих язвах.

– Думаете? По-моему, он больше похож на маму.

Миссис Баг поджала губы, посмотрела на Роджера с оценивающим прищуром и покачала головой.

– Волосами, может, и не похож, а вот по фигуре – вылитый отец. Плечи широкие, один в один.

Она одобрительно кивнула Роджеру и поцеловала Джема в лоб.

– Вот подрастет немножко, и глаза тоже станут зелеными. Попомните мои слова, будет вылитый папа! Правда, малышок?

«Простая вежливость, все так говорят, – напомнил себе Роджер, пытаясь затоптать нелепую радость, вспыхнувшую в его груди. – Старушки любят обсуждать, на кого похож ребенок». Мысль была сладкой и пугающей: вдруг Джемми и вправду его сын? Роджер так об этом мечтал! Говорил себе, что кровная связь ничего не значит, что он все равно будет любить Джема и заботиться о нем. Конечно, будет, как же иначе. Но в сердце все равно поселилась тоска.

Мистер Баг обратился к Роджеру, прежде чем тот успел придумать достойный ответ его жене.

– Маккензи, верно? – спросил он, любезно вовлекая его в разговор. – А из какого клана? Маккензи из Торридона или из Килмарнока?

Во время Сбора Роджеру частенько приходилось отвечать на такие вопросы. Любая беседа среди шотландцев начиналась с выяснения корней – и за последующие двести лет в этом отношении ничего не изменится, думал Роджер. Настороженность, которую он испытывал поначалу, заметно притупилась. Но Джейми опередил его с ответом:

– Роджер Мак приходится мне родней со стороны матери. Маккензи из Леоха.

– Вот как? – удивленно поднял брови Арч Баг. – Далеко же тебя занесло, сынок.

– Не дальше, чем вас, сэр. Да и всех остальных, если уж на то пошло. – Роджер махнул в сторону горного склона, откуда доносились выкрики на гэльском и звуки волынки.

– Нет-нет, сынок! – Миссис Баг усадила Джемми повыше и присоединилась к беседе. – Арч имеет в виду, что ты далеко от своих.

– От своих? – Роджер вопросительно глянул на Джейми, но тот только пожал плечами.

– От Маккензи из Леоха, – поспешил вставить мистер Баг, пока его жена не перехватила нить разговора.

– Мы встретили их на корабле. Целая толпа народу из клана Маккензи, с тех земель, что находятся южнее старого замка. Они остались там после отъезда лэрда, а потом решили присоединиться к остальным и попытать счастья...

– Лэрда? – резко перебил Джейми. – Это, случаем, не Хэмиш мак Колум?

«Хэмиш, сын Колума», – перевел для себя Роджер. Или, скорее, Хэмиш мак Дугал – но об этом знали только пятеро. Теперь уже, наверное, четверо.

Миссис Баг быстро закивала.

– Да-да, так они его и называли. Хэмиш мак Колум Маккензи, лэрд Леоха. Третий по счету. Ровно так и сказали, и...

Судя по всему, Джейми понял, как следует общаться с миссис Баг. Беспощадно перебивая ее на полуслове, он умудрился выяснить всю историю в рекордно короткий срок. Англичане разрушили замок Леох во время чистки, последовавшей за битвой при Каллодене. Об этом Джейми узнал уже в тюрьме и с тех пор не получил ни одной весточки о судьбе его обитателей.

– И не осмелился начинать расспросы, – добавил он, печально склонив голову. Баги посмотрели друг на друга, глубоко вздохнули, и на их лицах отразилась печать тоски, хорошо знакомая Роджеру.

– Но если Хэмиш мак Колум еще жив... – Джейми стиснул плечо Роджера. – То это добрые вести!

Его улыбка светилась такой неприкрытой радостью, что Роджер невольно ухмыльнулся в ответ.

– Да, – сказал он, расправляя плечи. – И вправду добрые!

И пусть они ни разу в жизни не виделись с Хэмишем мак Колумом Маккензи – какая, в сущности, разница? Этот человек приходился ему кровной родней, и Роджер был счастлив.

– Куда они отправились? – решительно спросил Джейми, отпустив его плечо. – Хэмиш со своими домашними?

– В Акадию – в Канаду, – одновременно сообщили мистер и миссис Баг. Или в Новую Шотландию? Или в Мэн? Нет, все-таки на остров, решили они, посоветовавшись. Хотя, наверное...

Голодный вой Джема прервал бурное обсуждение. Миссис Баг вздрогнула так, будто в нее ткнули палкой.

– Надо отнести бедняжку к матушке, – с упреком провозгласила она и наделила всех четверых мужчин суровым взглядом, словно обвиняя их в коварном замысле против невинного дитяти. – Где ваш лагерь, мистер Фрейзер?

– Я провожу вас, мэм, – торопливо сказал Дункан. – Пойдемте.

Роджер хотел было отправиться следом за ними, но Джейми удержал его за руку.

– Не надо, пусть идут, – сказал он и кивнул чете Баг. – С Арчем я поговорю попозже. А пока что мне надо перемолвиться с тобой словечком, зять.

От такого формального обращения Роджер слегка напрягся. Сейчас Джейми в подробностях объяснит, из-за каких таких недостатков он не может доверить Роджеру управление Фрейзер-Риджем...

Вместо этого Джейми достал из споррана измятое письмо и вручил Роджеру с таким видом, будто бумага обжигала ему пальцы. Роджер быстро пробежался по строчкам и удивленно поднял глаза.

– Собираем ополчение? Когда?

Джейми дернул плечом.

– Никто не знает. Но все равно слишком скоро. – Он уныло улыбнулся Роджеру. – Ты же слышал разговоры у костров?

Роджер кивнул. Обрывки сердитых речей всплывали между песнями, во время состязаний и за выпивкой, в маленьких компаниях под сенью высоких деревьев. Среди метателей бревен однажды завязалась драка – бойцов тут же разняли, и никто не пострадал, однако в воздухе, как дурной запах, витал назревающий гнев.

Джейми потер рукой лицо, взъерошил волосы и глубоко вздохнул.

– Повезло, что я сегодня наткнулся на старину Арча и его женушку. Если дело дойдет до драки – а оно до нее, скорее всего, дойдет, – то Клэр отправится с нами. В одиночку Брианне будет тяжело справляться с хозяйством.

Сомнения Роджера окончательно рассеялись, когда он понял, к чему клонит Джейми.

– В одиночку. Вы хотите, чтобы я помог вам собрать ополченцев?

Джейми озадаченно покосился на него.

– Ну да. На кого еще я могу положиться? – Он натянул плед повыше, закрываясь от пронизывающего ветра. – Пойдем, капитан Маккензи, – сказал Джейми с легкой иронией. – Дел перед свадьбой невпроворот.

Глава 9

Тревожные поветрия

Я заглянула в ноздрю одного из рабов Фаркуарда Кэмпбелла. В ту минуту меня занимали две вещи: носовой полип и губернатор Трион – к первому из них я собиралась проявить благосклонность и выжечь его каленым железом, а вот второй такой милости не заслуживал.

Какая страшная несправедливость! Мрачно нахмурившись, я простерилизовала скальпель и положила инструмент для прижигания в раскаленные угли.

Неужели началось? Или это только первый вестник грядущей смуты? Стоял конец 1770 года, через пять лет революция охватит все тринадцать колоний. В каждой из них события будут развиваться по-разному. Во время жизни в Бостоне я выучила историю Массачусетса по школьным учебникам Бри: повышение налогов, Бостонская резня, гавань, Хэнкок, Адамс, Чаепитие и все, что случилось дальше. Но Северная Каролина? Как началась – как начнется – война на этой земле?

Может быть, она уже набирала силу. Раздоры между плантаторами на восточном побережье и нищими фермерами из западной части штата кипели на протяжении нескольких лет. Ряды регуляторов пополнялись в основном за счет вторых, тогда как первые всей душой поддерживали губернатора Триона – то есть оставались верны Короне.

– Готов? – Я дала рабу глотнуть виски для поддержания силы духа. Ласково улыбнулась и получила в ответ неуверенный кивок.

Раньше я слыхом не слыхивала о регуляторах, но они буйствовали здесь, у нас перед носом, – и я успела убедиться на собственном опыте, что в учебниках истории писали далеко не обо всем. Кажется, семена революции падали в землю прямо у нас на глазах.

Бормоча утешительные глупости, я обернула левую руку льняной повязкой, ухватила раба за подбородок, сунула скальпель ему в нос и одним ловким движением срезала полип. Теплая кровь хлынула прямо мне на ладонь, но раб даже не дернулся, хотя вид у него был удивленный. Значит, не больно.

Инструмент для прижигания напоминал крохотную лопатку – железная пластина на длинном стержне с деревянной ручкой. Полежав на углях, металл раскалился докрасна. Я промокнула кровь, а потом резко засунула горячее железо в ноздрю, чтобы прижечь перегородку – оставалось надеяться, что я не промахнулась и попала именно туда, где раньше был полип.

Раб издал придушенный звук; по щекам градом катились слезы, и теплые капли падали мне на пальцы. Запах спекшейся крови и паленого мяса изрядно напоминал ароматы, исходящие от коптильных ям. У меня тут же заурчало в животе; встретившись со мной взглядом, раб удивленно выпучил покрасневшие глаза. Я не смогла сдержать улыбку, и он слабо хихикнул сквозь слезы.

Подставив повязку под нос, я вытащила железную лопатку. Кровь остановилась. Отлично. В ноздре можно было разглядеть маленький аккуратный след; я знала, что после такой процедуры остаются ярко-красные ожоги, но без медицинского фонарика был замечен только темный струп, скрытый в тени за волосками.

Раб не говорил по-английски; я ободряюще улыбнулась ему и обратилась к молодой женщине, которая крепко держала его за руку.

– Вот и все. Скажите ему, чтобы не трогал корочку от ожога. Если появится отек, гной или начнется лихорадка... – Я замолчала, едва не закончив фразу нелепыми словами «нужно сразу обратиться к врачу». Здесь этот совет был бесполезен. – Сообщите своей госпоже, – неохотно продолжила я. – Или найдите знахарку.

Нынешняя миссис Кэмпбелл была совсем молоденькой и довольно бестолковой. И все же хозяйка плантации должна знать, что требуется для лечения, и располагать всеми надлежащими средствами. А если обычная инфекция перейдет в заражение... что ж, в таком случае больному уже никто не поможет.

Я похлопала раба по плечу и позвала следующего пациента.

Лихорадка – вот что творилось в колонии. Сейчас царило временное затишье – в конце концов, королевские войска возвращались в Англию, – но тревожные поветрия неумолимо двигались в разные стороны, разнося гнев и недовольство все дальше и дальше. Стички с регуляторами были только предвестниками настоящего столкновения.

Я опустила лопатку для прижигания в маленькое ведро с очищенным виски, а потом сунула ее обратно в угли. Капли алкоголя полыхнули на огне с тихим шипением.

В душе зарождалось мучительное предчувствие. Письмо губернатора, прожигавшее дыру в спорране Джейми, станет языком пламени, от которого вспыхнут тысячи мелких пожаров. Одни пожары удастся погасить, другие затихнут сами – а большинство будет пылать долго и яростно, разрушая дома и семьи. Конец этой лихорадке положит только беспощадная рука хирурга; но прежде чем раскаленный ружейный металл прижжет открытую рану, прольется кровь.

Неужели нам с Джейми так и не суждено пожить в мире?

* * *

– Есть еще Дункан Маклауд. У него огромный надел в три сотни акров рядом с рекой Ядкин. Правда, на этой земле хозяйничают всего два человека – он сам и его брат.

Джейми вытер мокрое лицо рукавом. Моргнул пару раз и по-собачьи мотнул головой, стряхивая капли с волос.

– Дункан, – он указал на столб дыма, поднимавшийся от костра Маклауда, – приходится родней Робби Кокрейну. Робби не смог приехать на Сбор – говорят, заболел водянкой, – но у него одиннадцать взрослых сыновей. Рассеялись по горам, как зернышки на пашне. Поговори с Маклаудом по душам и убедись, что он приедет по доброй воле. А потом попроси замолвить словечко перед Робби. Через две недели соберем всех во Фрейзер-Ридже.

Он замолчал на несколько мгновений, придерживая Роджера за руку. С задумчивым прищуром прикинул план действий. Вдвоем они обошли уже три лагеря и заручились согласием четырех горцев. Сколько еще добровольцев найдется на Сборе?

– После Дункана ступай к овчарне. Ангус Ог наверняка будет там... ты же его знаешь?

Роджер кивнул, перебирая знакомых Ангусов Огов. За прошлую неделю он повстречал четверых шотландцев с таким именем; один из них пах овечьей шерстью и водил за собой пастушью собаку.

– Кэмпбелл, да? Вечно согнутый, как рыболовный крючок, косит на один глаз?

– Точно. – Джейми одобрительно кивнул и отпустил Роджера. – Старый ворчун, сам в ополченцы не пойдет, зато своих племянников отправит. И заодно расскажет про ополчение всем поселенцам в округе. Значит, Дункан, Ангус и... Ах да! Джоан Финдли.

– Джоан?

Фрейзер ухмыльнулся.

– Да, старушка Джоан. Она вместе с братом, Иэном Мором, устроила лагерь неподалеку от Иокасты.

Роджер кивнул.

– Хорошо. Беседовать нужно именно с ней?

– Больше не с кем, – ответил Фрейзер. – Иэн Мор говорить не может. У Джоан есть еще два брата и взрослые сыновья. Она отправит их к нам.

Джейми посмотрел на небо; стало теплее, и дождь превратился в мелкую морось. Сквозь тонкую облачную завесу проглядывал бледный диск солнца – все еще высоко, но скоро начнет клониться к горизонту. До сумерек оставалась пара часов.

– Ну и хватит, – решил он, снова утерев нос рукавом. – Возвращайся к костру после беседы со старушкой Джоан, надо поужинать перед свадьбой.

Джейми лихо заломил бровь, улыбнулся и пошел было прочь, однако повернул обратно, прежде чем Роджер успел тронуться с места.

– И сразу представляйся как капитан Маккензи, – посоветовал он. – Будут слушать внимательно.

Джейми снова развернулся и потопал по тропе в поисках более несговорчивых кандидатов.

От костра Маклауда поднимались клубы густого дыма. Роджер направился к нему, твердя имена про себя, словно мантру. «Дункан Маклауд, Робби Кокрейн, Ангус Ог Кэмпбелл, Джоан Финдли... Дункан Маклауд, Робби Кокрейн...» Ничего особенного, повторить три раза – и они накрепко засядут в его памяти, как слова новой песни, параграфы из учебника или инструкции по психологическому подходу к набору ополченцев.

Он понимал, что тесть хочет отыскать как можно больше добровольцев прямо на Сборе, пока горцы не разъехались по своим фермам и хижинам. И Роджер искренне радовался тому, что шотландцы, с которыми Фрейзер успел переговорить, встречали призыв в ополчение мрачными взглядами и выразительным покашливанием, но не выказывали сопротивления.

Капитан Маккензи. От звания, которым походя наградил его Фрейзер, в груди поднимался прилив гордости и смущения. «Солдат быстрого приготовления, – пробормотал Роджер себе под нос, расправляя плечи под мокрой курткой. – Просто добавь воды».

Несмотря ни на что, его охватывало радостное волнение. Нынешняя суета больше напоминала игру в солдатики, но при мысли о том, что совсем скоро он будет шагать в полковом строю – ружье на плече, руки пахнут порохом...

До начала войны оставалось меньше четырех лет. Пройдет совсем немного времени, и ополченцы выстроятся на зеленых полях Лексингтона. Не суровые вояки, а те самые горцы, с которыми он беседовал под дождем, – точно такие же, как сам Роджер.

От ощущения неизбежности по коже пробежал холодок и меж ребер засела странная тяжесть.

Скоро начнется. Господи, совсем скоро.

* * *

С Маклаудом все прошло гладко, а вот Ангуса Ога Кэмпбелла найти удалось не сразу – он торчал посреди стада овец и явно не ждал гостей. Слова «капитан Маккензи» не произвели на старого пройдоху должного впечатления, зато упоминание «полковника Фрейзера» – с легким намеком на угрозу – все-таки помогло привлечь его внимание. Ангус Ог хмуро пожевал нижнюю губу, неохотно кивнул и вернулся к своим делам, бросив напоследок: «Хорошо, расскажу кому следует».

К тому времени, как Роджер выбрался на склон горы к лагерю Джоан Финдли, облака начали расходиться, а изморось почти прекратилась.

«Старушка Джоан», к его удивлению, оказалась привлекательной женщиной чуть старше тридцати лет. Из-под мокрого арисэда на Роджера с любопытством взглянули умные карие глаза.

– Дело дошло до ополченцев? – сказала она, выслушав его объяснение. – Не зря, значит, солдатик сегодня утром выступал.

Джоан задумчиво хлопала себя по губе деревянной ложкой.

– Знаете, в Хиллсборо у меня живет тетя. В небольшой комнатке в Кинг-Хаусе, прямо напротив дома Эдмунда Фаннинга – точнее, того места, где раньше стоял его дом. – Она коротко, безрадостно рассмеялась. – Тетя прислала мне письмо. Писала, что толпа хлынула на улицу, размахивая вилами, как черти из преисподней. Они срезали опорные брусья у дома Фаннинга и развалили все здание прямо у нее на глазах. А теперь мы должны отправить туда своих мужчин, чтобы Фаннинг мог разгрести жар чужими руками?

Роджер отвечал с осторожностью; он много чего слышал про Эдмунда Фаннинга и знал, что тот не пользовался особой любовью среди горцев.

– Не могу сказать точно, миссис Финдли. Но губернатор...

Джоан Финдли громко фыркнула.

– Губернатор, – процедила она и плюнула в костер. – Ха. Скорее уж губернаторские друзья. Бедняки всегда платят кровью за золото богачей, так ведь?

У Джоан за спиной появились две девчушки, бесшумные и безмолвные, как маленькие призраки в теплых шалих. Женщина повернулась к ним.

– Анни, приведи братьев. Джоани, следи за похлебкой. И помешивай хорошенько, чтобы ко дну не пригорело.

Вручив ложку младшенькой девочке, Джоан поманила Роджера за собой.

Лагерь выглядел небогато. Меж двух кустов было подвешено шерстяное одеяло – плохонькое укрытие от непогоды. Джоан Финдли присела на корточки перед навесом, и Роджер пригнулся, заглядывая ей через плечо.

– Брат, к нам пришел капитан Маккензи, – сказала она и протянула руку мужчине, лежавшему на куче сухой травы. Вид этого человека поразил Роджера, но он сумел сдержать свое удивление.

Церебральный паралич – вот как назовут такую болезнь пару веков спустя; интересно, как ее называют сейчас? Возможно, у нее пока нет названия; Фрейзер просто сказал, что Иэн не может разговаривать.

Двигаться он тоже не мог. Руки и ноги были слабыми и худыми, тело изгибалось под невообразимым углом. На больного накинута потрепанный плед; от постоянных подергиваний он сбился в кучу и плотно скрутился вокруг ног, а изношенная рубашка задралась слишком высоко, обнажая плечо и ребра. В тени навеса бледная кожа отливала холодной синевой.

Джоан Финдли помогла брату повернуть голову, придерживая его под щеку.

– Это мой брат Иэн, мистер Маккензи, – сказала она твердым голосом, словно бросая Роджеру вызов.

Лицо Иэна искажала судорожная гримаса, по растянутым губам стекала слюна, но карие глаза смотрели ясно и пронизательно. Взяв себя в руки, Роджер склонился и пожал искривленную судорогой ладонь. Под ледяной, как у трупа, кожей прощупывались хрупкие тонкие кости.

– Иэн Мор, – тихонько сказал он. – Мне о вас рассказывали. Джейми Фрейзер просил передать свои наилучшие пожелания.

Мужчина на мгновение опустил веки, выражая благодарность, и снова посмотрел на Роджера с невозмутимым спокойствием.

– Капитан собирает ополченцев, – сказала Джоан из-за спины Роджера. – Губернатор прислал приказ. Ему надоели бунты и беспорядки, будет давить их с помощью солдат. – Голос миссис Финдли сочился иронией.

Иэн Мор перевел взгляд на лицо сестры. Губы дрогнули, тощая грудь напряглась от усилий, и он выдавил из себя несколько хриплых слов пополам со слюной. Потом в измождении опустил голову, жадно хватая воздух, и посмотрел на Роджера.

– Брат хочет знать, будет ли губернатор платить ополченцам, – перевела Джоан.

Роджер заговорил не сразу. Джейми уже задавали такой вопрос, и точного ответа у них не было. Он чувствовал, как женщина и мужчина, лежащий под навесом, замерли в напряжен-

ном ожидании. Семья Финдли едва сводила концы с концами: девочки ходили босиком в изношенных до дыр платьях, рубашка на Иэне Море дышала на ладан, травяная постель не давала тепла. Но Роджер ответил по совести:

– Не знаю. Пока что никто не говорил о деньгах. Случиться может всякое.

Выплата вознаграждения зависела от того, сколько добровольцев откликнется на губернаторский призыв. Если обычного приказа будет недостаточно, чтобы собрать ополчение, губернатор попытается привлечь солдат деньгами.

На лице Иэна Мора мелькнуло разочарование – и тут же сменилось обреченной покорностью. Вознаграждение помогло бы облегчить их тяжкую долю, но никто на него не рассчитывал.

– Что ж... – В голосе Джоан тоже звучало смирение.

Роджер почувствовал, как она отвернулась в сторону, однако сам так и не пошевелился – под этим пристальным взглядом нельзя было сдвинуться с места. Карие глаза, обрамленные длинными ресницами, смотрели на него со спокойным любопытством. Роджер нерешительно замер: что ему оставалось делать? Просто уйти? Он искренне хотел помочь, но не знал как.

В конце концов он протянул руку к сбившейся рубашке и пледу. Сушая мелочь, конечно...

– Вы позволите?

Карие глаза закрылись на мгновение, обозначая согласие, и Роджер принялся расправлять постель и одежду. Иэн Мор был исхудавшим, но на удивление тяжелым. Роджер с трудом приподнял его, согнувшись в неудобной позе.

Через полминуты дело было сделано; больной лежал под пледом – так хотя бы теплее. Роджер снова посмотрел в карие глаза, улыбнулся, неловко кивнул и молча выбрался из травяного гнезда наружу.

Рядом с Джоан Финдли стояли двое ее сыновей – крепкие, коренастые юноши шестнадцати и семнадцати лет. Они рассматривали Роджера с настороженным любопытством.

– Это Хью, – сказала Джоан, положив руки на плечи сыновьям. – А это Иэн Ог.

Роджер склонил голову:

– Мое почтение, джентльмены.

Мальчишки быстро переглянулись, а потом уставились себе под ноги, пряча ухмылки.

– Так что же, капитан Маккензи, – снова заговорила Джоан, чеканя каждое слово, – если я отпущу сыновей служить под вашим началом, вы дадите слово, что они вернутся домой невредимыми?

Глаза Джоан были ясными и проницательными, как у ее брата, а взгляд – таким же прямым и уверенным. Роджер заставил себя посмотреть ей в лицо.

– Я сделаю все, что в моих силах, мэм...

Губы Джоан Финдли дрогнули. Она прекрасно понимала, что силы его не так уж и велики. Женщина кивнула и опустила руки.

– Я отправлю их к вам.

Роджер попрощался и зашагал прочь, сгибаясь под грузом ее доверия.

Глава 10

Подарки бабушки Бэйкон

Закончив осмотр последнего пациента, я встала на цыпочки и со вкусом потянулась. По телу разливалось удовлетворение от проделанной работы: несмотря на недуги, которые я не могла излечить, несмотря на все неисцелимые болезни, я делала свое дело – и делала его хорошо.

Оставалось только забрать сундучок с лекарствами и со спокойной душой отправляться в лагерь; Мюррей любезно предложил мне донести остальные инструменты и скамейки в обмен на мешочек с сушеными листьями сенны и мою запасную дощечку для приготовления пилюль. Сам Мюррей еще возился с последним пациентом, сосредоточенно ощупывая живот маленькой старушки в чепце и шали. Я помахала ему на прощание и получила рассеянный ответный кивок. Мюррей потянулся за ланцетом – что ж, по крайней мере, он обмакнул инструмент в кипящую воду и зашевелил губами, шепотом повторяя заговор, которому его научила Брианна.

Ноги заledenели от неподвижности, спина и плечи давали о себе знать, но я не чувствовала усталости. Сегодня мои пациенты будут крепко спать, позабыв о боли; кто-то пойдет на поправку и встанет на ноги; чьи-то раны затянутся под чистыми повязками. Были и те, кого я точно спасла от опасной инфекции и, быть может, смерти.

Помимо прочего я успела произнести перед собравшейся толпой очередную версию своей Нагорной проповеди о пользе здорового питания и гигиены.

– Блаженны те, кто едят овощи, ибо у них не выпадут зубы, – пробормотала я, остановившись перед можжевельником. Сорвала несколько душистых ягод и раздавила одну между пальцами, вдыхая острый запах. – Блаженны те, кто лают руки, вытерев зад, – добавила я и ткнула пальцем в сойку, присевшую на соседней ветке, – ибо они не подхватят заразу.

Впереди показался наш лагерь; наконец-то можно будет выпить горячего чаю!

– Блаженны те, кто кипятят воду, – сказала я сойке, глядя, как от чайника, висящего над костром, поднимается пар, – ибо их назовут спасителями рода человеческого.

– Миссис Фрейзер! – Тоненький голосок, раздавшийся за моей спиной, вернул меня с небес на землю. Позади стояла Эглантин Бэйкон со своей маленькой сестрой Пэнси, две круглолицые светловолосые девчушки с россыпью веснушек на щеках.

– Здравствуйте, мои хорошие! Как поживаете? – спросила я, расплываясь в улыбке. Судя по виду, обе были вполне здоровы; детские болезни сразу бросаются в глаза.

– Чудесно, мэм! – Эглантин отвесила мне небольшой реверанс, а потом ткнула сестренку в макушку, чтобы та последовала ее примеру. Покончив с любезностями – Бэйконы жили в городе, и девочкам прививали хорошие манеры, – Эглантин вытащила из кармана большой сверток ткани. – Вот, бабушка Бэйкон передает! – гордо пояснила она.

Я развернула ткань и обнаружила огромный чепец, щедро украшенный кружевами и отороченный лавандовыми ленточками.

– Она не смогла приехать на Сбор в этом году, но велела отдать вам подарок в благодарность за лекарство от рю-ма-тиз-ма!

Эглантин старательно выговорила каждый слог и радостно улыбнулась, одолев такое сложное слово.

– Спасибо большое! Какая прелесть! – Я расправила чепец, мысленно костеря бабулю Бэйкон на все лады.

Эту грозную даму я повстречала несколько месяцев назад на плантации Фаркуарда Кэмпбелла, где она навещала его старую сварливую матушку. Миссис Бэйкон не уступала своей подруге по возрасту и умению раздражать окружающих, зато обладала дивным чувством юмора.

Она неоднократно высказывала громкое неодобрение из-за того, что я не носила головной убор, и не стеснялась говорить об этом мне в лицо. По ее мнению, женщине моих лет не пристало бегать повсюду без чепца или керча, и такое поведение недостойно жены столь влиятельного человека. Более того, она считала, что с распущенными волосами ходят «только нищие потаскухи и прочие жалкие личности». Я пыталась отшучиваться, не обращать на нее внимания и даже передала ей бутылку виски из Джейминых запасов, велев принимать по глоточку за завтраком и перед сном.

Старушка решила не оставаться в долгу и отплатила мне той же монетой.

– А вы его примерите? – Эглантин и Пэнси смотрели на меня доверчивыми глазами. – Бабушка велела убедиться, что чепчик вам подойдет.

– Да неужели?

Делать нечего, придется надевать. Я встряхнула несчастный головной убор, скрутила волосы в пучок и натянула чепец на себя. Он тут же сполз чуть не до самой переносицы. Ленты повисли вдоль щек, и я почувствовала себя бурундуком, выглянувшим из норки.

Эглантин и Пэнси дружно захлопали в ладоши от восторга. Где-то позади раздалось приглушенное фырканье.

– Передайте бабушке спасибо за такой замечательный подарок! – Я погладила девочек по белокурым макушкам, угостила конфетами из черной патоки и велела возвращаться к матушке. Мне хотелось поскорее стащить с головы чудовищное произведение шляпного искусства, и я уже подняла руку, как вдруг увидела, что мать девочек стоит за соседним деревом – и, вполне возможно, стояла там с самого начала.

– Ой, это вы! – Я подтянула треклятую шляпку повыше и прижала обвисшие поля пальцем, чтобы не закрывали обзор. – Миссис Бэйкон! Я вас и не заметила.

– Здравствуйте, миссис Фрейзер! – Щеки Полли Бэйкон заливал нежный румянец. От осенней прохлады, не иначе. Она поджала губы, но глаза под таким же благообразным чепцом искрились неудержимым весельем. – Девочки хотели вручить вам подарок, – сказала она, тактично отведя взгляд. – Моя свекровь прислала еще кое-что.

Перспектива очередного подношения от бабушки Бэйкон не вызвала во мне бурной радости, однако я вежливо приняла протянутый сверток – небольшой мешочек из промасленного шелка, плотно набитый чем-то сладко пахнущим. На ткани красовался грубоватый чернильный рисунок, изображавший зонтичное растение на длинном прямом стебле. Что-то смутно знакомое... Так и не вспомнив название, я развязала веревку и высыпала себе на ладонь несколько мелких темно-коричневых семян.

– Что это? – спросила я, озадаченно глядя на Полли.

– Я не знаю английского названия. Индейцы называют это растение «дауко». Бабуля Бэйкон говорила, что ее собственная бабушка была знахаркой из племени катоба. От нее она и узнала об этих семенах.

– Вот как? – Я заинтересовалась. Неудивительно, что рисунок выглядел таким знакомым, – это то самое растение, которое мне показывала Найавенна. Женская трава. На всякий случай я все-таки уточнила: – И для чего их используют?

Румянец на щеках Полли вспыхнул еще ярче, и она быстро глянула по сторонам. Убедившись, что рядом никого нет, Полли склонилась ко мне и зашептала:

– Эта трава не дает зачать ребенка. Принимать надо каждый день, по чайной ложке на стакан воды. Каждый день! И тогда мужское семя не сможет осесть у женщины в утробе.

За прежним шутливым весельем в ее глазах скрывалось что-то куда более серьезное.

– Бабушка сразу распознала, что вы колдунья. И что вам наверняка часто приходится помогать женщинам. И с выкидышами, и с мертворожденными, и с родильной горячкой, или если здоровенькие детки вдруг умирают... Она велела сказать вам: лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

– Передайте свекрови мою благодарность, – искренне ответила я. Как правило, ровесницы Полли успевали родить по пять-шесть детей, а у миссис Бэйкон было всего две дочки, и роды не подорвали ее здоровье. Значит, семена и вправду помогли.

Полли кивнула и широко улыбнулась.

– Хорошо, передам. А еще она велела сказать, что про женское колдовство нельзя рассказывать мужчинам. Так ей бабушка наказывала.

Я задумчиво обернулась в сторону лагеря, где Джейми вел беседу с Арчи Хэйзом. Сонный Джем сидел у деда на руках. Да, пожалуй, некоторым мужчинам снадобье бабушки Бэйкон придется не по нраву. Интересно, Роджер из их числа?

Распрощавшись с Полли, я отнесла сундук с лекарствами к нашему навесу и спрятала мешочек с семенами. Отличное дополнение к моей коллекции, если верить Найавенне и бабушке Бэйкон. К тому же подарок пришелся как нельзя вовремя, аккуратно после нашего утреннего разговора с Бри. Даже стопка кроличьих шкурок не шла с ним ни в какое сравнение, хотя шкуркам я тоже была очень рада.

Кстати, куда они делись?.. Я принялась перебирать вещи, вполуха прислушиваясь к разговору между Джейми и лейтенантом. Ага, вот они, под парусиной. Надо сложить в короб из-под припасов, чтобы не потерялись по дороге домой.

– ...Стивен Боннет.

Имя обожгло, как укус пчелы, и я уронила крышку корзины. Быстро оглядела лагерь, убедившись, что Брианны и Роджера не было поблизости. Джейми стоял ко мне спиной, но имя Боннета произнес именно он.

Я стащила с головы чепец, повесила его на ветку и решительно подошла к мужу.

* * *

Мужчины сразу прекратили разговор. Лейтенант Хэйз с невозмутимым выражением лица еще раз поблагодарил меня за хирургическую помощь и поспешил откланяться.

– Что там со Стивеном Боннетом? – спросила я, едва Хэйз отошел на приличное расстояние.

– Именно об этом я и спрашивал, саксоночка. Чай уже заварился? – Джейми шагнул к костру, но я ухватила его за руку.

– Зачем? – уточнила я, не разжимая хватки.

– Хочу разузнать, где он. – Джейми отвечал спокойно и даже не пытался увиливать; мое сердце сжалось от страха.

– Хэйз что-то про него рассказал?

Джейми только покачал головой. Он не лгал, и мои пальцы разжались от накатившего облегчения. Джейми высвободил руку – без злости, но с отчужденностью.

– Нет, это мое дело! – объявила я, отвечая на невысказанные слова. Я старалась говорить тихо и постоянно поглядывала по сторонам. Роджера в лагере не было, а вот Бри стояла у костра, беседуя с Багами, – пожилой четой, которую Джейми нанял для присмотра за хозяйством. – Зачем ты его ищешь?

– Хочу знать, откуда может нагрянуть беда.

Он посмотрел на кого-то через мое плечо, улыбнулся и кивнул. Я оглянулась: Фергус как раз подошел к костру, пряча покрасневшую от холода руку под мышкой, и радостно помахал нам своим крюком. Джейми махнул в ответ, потом развернулся ко мне, давая понять, что мы заняты беседой.

У меня похолодело внутри, будто в сердце вонзилась острая льдина.

– Разумеется, – сказала я, стараясь сохранять хладнокровие. – Ты хочешь выяснить, где находится Боннет, потому что тогда тебе будет проще его избегать.

По лицу Джейми мелькнула едва уловимая улыбка.

– Именно так, – ответил он.

Учитывая плотность населения Северной Каролины и уединенное расположение Фрейзер-Риджа, шанс на случайную встречу с Боннетом был ничтожно мал – с таким же успехом можно искать медузу на горной вершине. И Джейми прекрасно все понимал.

Я сердито прищурилась, заметив, как дрогнули уголки его губ, однако вскоре взгляд Джейми вновь стал серьезным. Причина, по которой он искал Стивена Боннета, была отлично мне известна.

– Джейми, – начала я, взяв его за руку, – не надо. Пожалуйста.

Он стиснул мои пальцы в ответ, но этот жест не принес никакого утешения.

– Не тревожься, саксоночка. Я всю неделю расспрашивал народ на Сборе – сюда съехались все, от Галифакса до Чарльстона. Про Боннета никто не слышал.

– Вот и хорошо. – Господи, все это время Джейми усердно разыскивал Боннета, а мне не сказал ни словечка. И даже не пообещал прекратить поиски.

– Милый, не надо, – повторила я, глядя ему в глаза. – У нас и так слишком много забот, зачем ты еще одну беду накликаешь?

Он придвинулся вплотную, всем своим видом показывая остальным, что мы заняты исключительно друг другом. Я чувствовала исходящую от него силу: крепкое плечо шевельнулось под моей ладонью, бедро коснулось ноги. Благодаря этой силе, острому уму и целеустремленности стального снаряда Джейми было невозможно сбить с намеченного курса.

– Говоришь, твое дело? – В вечернем свете его глаза казались бледно-голубыми. – Вот и помоги мне с ним разобраться.

Кровь застыла у меня в жилах, к горлу подступила паника. Черт подери, он и вправду собирался отыскать Боннета! И повод для этого мог быть только один.

Я потянула Джейми за собой и развернулась к костру; прижалась крепче, переплела наши руки. Брианна, Марсали и Баги увлеченно слушали Фергуса, который что-то рассказывал, раскрасневшись от холода и смеха. Джем с любопытством выглядывал из-за маминого плеча.

– Думать надо не о Боннете, а о них. – Я говорила тихо, но мой голос подрагивал от напряжения. – Этот мерзавец и так причинил нам слишком много боли.

– Да, горя мы хлебнули.

Джейми обнял меня еще крепче; жар его тела чувствовался даже сквозь одежду, однако голос был холодным, словно осенний дождь. Фергус украдкой посмотрел на нас, улыбнулся и продолжил свою историю. В его глазах мы, несомненно, выглядели как влюбленная пара, застывшая в порыве сиюминутной нежности.

– Однажды я позволил ему уйти, – пробормотал Джейми. – И это обошлось мне слишком дорого. По-твоему, я должен оставить его на свободе, зная, сколько зла он способен причинить людям? Все равно что выпустить бешеного пса на волю.

Твердые прохладные ладони сжали мою руку.

– Да, ты его отпустил, но потом Боннета снова арестовали. Не твоя вина, что он опять выскользнул из петли!

– Может, и не моя, – согласился Джейми, – а только я не позволю ему дальше творить разбой. Мой долг – остановить негодяя.

– Твой долг – заботиться о семье!

Он взял меня за подбородок и посмотрел в глаза долгим тяжелым взглядом.

– Думаешь, я допущу, чтобы с вами случилась беда?

Несколько мгновений я сопротивлялась его напору, а потом опустила плечи и закрыла глаза.

– Ты затеял опасную охоту, Джейми, – мягко сказала я. – Сам знаешь.

Он ослабил хватку, но не убрал руки; большой палец нежно скользнул по коже, обводя губы.

– Знаю, – прошептал он, и его дыхание коснулось моей щеки. – Я хороший охотник, Клэр. И ни за что не стану рисковать вами.

– Только самим собой? И что, по-твоему, случится, если...

Уголкем глаза я заметила, как Брианна повернулась в нашу сторону и радостно улыбнулась – видимо, решила, что крепкие объятия были проявлением родительской страсти.

– Ничего со мной не случится, – заявил он, стиснул меня изо всех сил и прервал все возможные возражения решительным поцелуем. Со стороны костра донеслись нестройные аплодисменты.

– Encore!¹¹ – крикнул Фергус.

– Ну уж нет, – яростно прошептала я в адрес Джейми. – Не желаю больше слышать имя Стивена Боннета!

– Все будет хорошо, – прошептал он в ответ и крепко сжал мои пальцы. – Поверь мне, саксоночка.

Глава 11

Гордость

Роджер ушел, не оглядываясь, но мысли о семействе Финдли не покидали его, пока он пробирался сквозь кусты и примятую траву.

Старшие мальчики были светловолосыми, низкорослыми – хоть и выше матери – и широкоплечими. А девочки – темненькими, высокими, худощавыми; выразительные карие глаза они явно унаследовали от матери. Разница в возрасте между сыновьями и дочерьми миссис Финдли явно указывала на то, что Джоан овдовела и вышла замуж во второй раз. И, судя по всему, снова осталась вдовой.

Может быть, стоило рассказать о ней Брианне. Еще одно подтверждение того, что супружество и вынашивание детей не означало смертной угрозы для всякой женщины. Нет, решил Роджер, лучше пока не трогать эту тему.

Помимо Джоан и ее отпрысков, Роджер продолжал вспоминать спокойные ясные глаза Иэна Мора. «Сколько же ему лет?» – думал Роджер, цепляясь за сосновую ветку, чтобы не скатиться кубарем вниз по склону. Так сразу и не определишь; бледное изможденное лицо покрывали морщины – не от возраста, а от боли и мук. По телосложению он напоминал двенадцатилетнего ребенка, но при этом Иэн Мор был явно старше своего тезки, Иэна Ога, которому уже исполнилось шестнадцать.

Возможно, он был моложе Джоан, хотя тут точно не угадаешь. Она обращалась с братом уважительно и с большим почтением; привела к нему Роджера, представляя гостя главе семьи. Значит, не сильно моложе – примерно тридцать или около того.

Господи, как же Иэн Мор смог дожить до тридцати в такие суровые времена?.. С другой стороны, Роджер успел заметить, как одна из девочек пробралась под импровизированный навес с миской молочного пудинга и присела около изголовья дяди, зажав в кулаке ложку. Иэна Мор не мог пошевелить даже пальцем – семья заменяла ему руки и ноги.

Сердце Роджера сжалось от горькой радости и сострадания, а потом ухнуло вниз, стоило ему вспомнить слова Джоан.

Он сделает все, чтобы ее сыновья вернулись домой. Но если случится непоправимое, то миссис Финдли останется с двумя маленькими дочерьми и беспомощным братом. Есть ли у них кров над головой?

После утреннего чтения губернаторской прокламации горцы без устали обсуждали регуляраторов. В учебниках по истории об этом движении не было сказано ни слова, значит, вся затея с ополчением вряд ли закончится вооруженными стычками. А если им все-таки придется вступить в бой, то Роджер постарается уберечь Иэна Ога и Хью Финдли от смерти. И проследит за тем, чтобы им досталось вознаграждение от губернаторских щедрот.

¹¹ Еще, опять – просьба повторить на бис (*фр.*).

Роджер подошел к лагерю Иокасты, который больше походил на маленькую деревню с десятками повозок, шатров и навесов. Для подготовки к двойной свадьбе Иокаста прихватила с собой почти всех рабов из поместья и несколько трудяг с плантации. Помимо скота, табака и товаров на продажу всюду стояли сундуки с одеждой и постельным бельем, блюда, складные столы, бочки с элем и горы еды для свадебного пиршества. Утром Роджер позавтракал у Иокасты вместе с Бри; угощение подавали на фарфоровых тарелках, расписанных розочками: ломтики сочной ветчины, утыканные головками гвоздики, сладкая овсяная каша со сливками, консервированные фрукты, свежие кукурузные лепешки с медом, ямайский кофе... От воспоминаний желудок Роджера свело сладостной болью.

Контраст между кричащей роскошью Иокасты и нищетой семьи Финдли оказался слишком разительным. Неожиданно для самого себя Роджер повернул обратно и направился к миссис Кэмерон.

Ему удалось застать ее на месте – перепачканные грязью ботинки стояли перед входом в шатер. Несмотря на слепоту, Иокаста наносила дружеские визиты в сопровождении Дункана или своего чернокожего дворецкого Улисса. Чаще, конечно, она приглашала горцев к себе, и в ее шатре целыми днями толклись гости – шотландцы с Кейп-Фира и из остальной части колонии.

Кажется, Роджеру повезло застать ее в одиночестве. Она сидела, откинув голову на спинку плетеного кресла; на ногах красовались домашние тапочки – минутка отдыха в середине бурного дня. Ее служанка, Федра, устроилась у входа, склонившись над охапкой синей ткани с иглой в руках.

Иокаста заметила Роджера первой, резко выпрямилась и повернула голову, едва он коснулся полога шатра. Федра запоздало оторвалась от шитья – ее отвлекло не столько появление Роджера, сколько движение госпожи.

– Мистер Маккензи. Это же вы, Дрозд, верно? – спросила миссис Кэмерон с улыбкой.

Он рассмеялся и, пригнувшись, шагнул внутрь.

– Верно. Как вы меня узнали, миссис Кэмерон? Я ведь еще ни словечка не сказал, да и петь пока не начал. Неужели у меня даже дыхание музыкальное?

Брианна говорила ему, что из-за слепоты у тетушки необычайно хорошо развиты другие органы чувств, но Роджер все равно удивился остроте ее восприятия.

– Услышала шаги, потом почуяла запах крови, – невозмутимо пояснила она. – Рана опять начала кровоточить? Сядьте-ка, голубчик. Чаю или, может, глоточек виски? Федра, будь так добра, принеси мне кусок чистой ткани.

Роджер невольно потянулся к горлу. В дневной суете он успел напрочь забыть о порезе. Иокаста оказалась права: рана снова вскрылась, и теперь шею и воротник рубашки покрывали потеки спекшейся крови.

Федра вскочила со своей скамьи и принялась складывать на поднос пирожные и печенье. Если бы не трава под ногами, можно было решить, что они собираются пить чай в гостиной у миссис Кэмерон, прямо в поместье. Сама хозяйка куталась в простой шерстяной арисэд, зато брошь, служившая ей застёжкой, была украшена дымчатым топазом.

– Ничего страшного, – попытался отмахнуться Роджер, но Иокаста забрала у служанки тряпку и настояла на том, что промоет порез своими руками. Пальцы у нее были прохладными и на удивление ловкими.

От Иокасты пахло дымом, как и от остальных горцев на Сборе, и крепким чаем, хотя Роджер всегда думал, что пожилые леди пахнут камфарой и затхлостью.

– Ай-яй-яй, и на рубашку попало! – сообщила она, неодобрительно ощупав жесткую ткань. – Постирать ее? Правда, до вечера высохнуть не успеет, придется надевать мокрую.

– Нет, мэм, спасибо, у меня есть другая. Для свадьбы.

– Тогда ладно.

Федра принесла маленький флакончик лечебной мази; Клэр постаралась – Роджер узнал запах лаванды и желтокорня. Иокаста почерпнула мазь и аккуратно нанесла на рану, придерживая Роджера за подбородок.

Несмотря на возраст, лицо Иокасты оставалось ухоженным и нежным, хотя было заметно, что она любит прогулки на свежем воздухе. Щеки горели румянцем; вблизи Роджер различал паутинку тоненьких алых веночек, придававшую миссис Кэмерон бодрый и цветущий вид. На руках Иокасты не было ни одного старческого пятна – да и неудивительно, она всю жизнь носила перчатки, – но суставы припухли, а на ладонях остались едва заметные мозоли от поводов. Истинная дочь Леоха, не какой-нибудь оранжерейный цветок.

Разобравшись с порезом, Иокаста провела рукой по голове Роджера, вытащила сухой листик, застрявший в волосах, потом быстро отерла лицо влажной тканью, умудрившись заставить его врасплох. Наконец отбросила тряпку и взяла Роджера за руку.

– Так-то лучше. Теперь вы выглядите подобающим образом, мистер Маккензи. Рассказывайте, что вас привело? Дела или просто заглянули на огонек?

Федра поставила рядом с Роджером поднос с чаем и пирожными, но Иокаста не выпустила его руки. Он подивился такой странности; что ж, ладно, в доверительной обстановке будет легче начать непростой разговор.

Роджер рассказал все как есть. Ему доводилось слышать, как преподобный отец призывал состоятельных людей к благотворительности: нужно просто изложить факты и оставить окончательное решение на совести слушателя.

Меж бровей Иокасты залегла морщинка. Роджер ожидал, что она примется раздумывать над его просьбой, однако пожилая леди ответила сразу:

– Да, я знаю Джоани Финдли и ее брата. Она похоронила мужа два года назад – беднягу унесла чахотка. Джейми Рой как раз вчера мне про нее рассказывал.

– Ясно... – Роджер почувствовал, что совершил глупость.

Иокаста кивнула и откинулась на спинку кресла, поджав губы.

– Помощь я, конечно, могу предложить, – пояснила она, – да ведь дело не только в этом. Джоан Финдли – женщина гордая. Не потерпит снисхождения и благотворительности.

В голосе Иокасты прозвучал легкий упрек. Роджеру следовало подумать об этом самому, а он поддался секундному порыву, пораженный видом чужой нищеты. Единственное, что осталось у Джоан Финдли, – гордость. Разумеется, она дорожит ею больше всего на свете.

– Понимаю, – медленно произнес он. – Но неужели нельзя помочь, никого не обидев?

Иокаста склонила голову в одну сторону, потом в другую – и эта манера показалась Роджеру странно знакомой... Ну конечно! Погрузившись в раздумья, Бри делала точно так же.

– Вполне возможно, – наконец сказала миссис Кэмерон. – Сегодня вечером, после свадьбы, будет праздник. Семья Финдли тоже придет туда и наестся досыта. И если Улисс даст им с собой в дорогу остатки еды, то никто не станет возражать. Ведь иначе припасы испортятся... – Она улыбнулась, потом снова крепко задумалась. – Священник! – неожиданно объявила миссис Кэмерон.

– Священник? Отец Донахью?

Иокаста вздернула темную блестящую бровь.

– А у нас здесь есть другие?

Она подняла руку в призывном жесте, и Федра тут же поспешила к хозяйке.

– Мисс Ио?

– Перебери-ка одежду в сундуках, милая. – Иокаста положила ладонь на руку служанки. – Отложи несколько одеял, чепцов, пару фартуков, штаны и рубашки попроще... конюхам они не понадобятся.

– И чулки, – быстро добавил Роджер, вспомнив грязные босые ноги младшей Финдли.

– И чулки, – кивнула Иокаста. – Что-нибудь незамысловатое, но из хорошей шерсти и без прорех. Мой кошель у Улисса; возьми у него десять шиллингов – нет, стерлинг – и заверни деньги в фартук. Упакуй все вместе, передай сверток отцу Донахью и скажи, что это для Джоан Финдли, только пусть не рассказывает, от кого. Он разберется.

Она удовлетворенно кивнула и отпустила служанку, взмахнув рукой:

– Ступай.

Федра без возражений поспешила выполнять указания миссис Кэмерон. Остановилась всего на мгновение, чтобы встряхнуть и аккуратно сложить синюю вещь, над которой она трудилась, когда Роджер зашел в шатер. Это был корсаж свадебного платья Брианны, расшитый кружевом и лентами. Перед глазами Роджера встал образ Бри: пышная белая грудь над низким декольте темно-синего платья – и он с огромным трудом заставил себя вернуться к разговору.

– Прошу прощения, мэм...

– Я спросила: этого достаточно? – Иокаста хитро улыбнулась, словно прочитав мысли Роджера. Глаза у нее были синими, как у Джейми и Брианны. Они глядели ему в лицо, и у Роджера складывалось жутковатое впечатление, что, несмотря на слепоту, Иокаста видит его насквозь.

– Да, миссис Кэмерон. Вы очень добры.

Роджер хотел встать и попрощаться с хозяйкой, но вместо того, чтобы отпустить его руку, Иокаста стиснула пальцы крепче, удерживая гостя на месте.

– Не торопитесь. Мне надо кое о чем поговорить с вами, молодой человек.

Роджер откинулся на спинку и приготовился слушать.

– Конечно, миссис Кэмерон.

– Я не знала, стоит ли заводить этот разговор сейчас или лучше подождать, пока все закончится... но раз уж вы оказались со мной наедине...

Она решительно склонилась к нему.

– Моя племянница сказала вам, что я хочу оставить поместье ей?

– Да.

Он снова насторожился. Брианна не стеснялась в выражениях, когда рассказывала ему о предложении Иокасты, – и ее мнение об этой затее было весьма однозначным. Роджер приготовился повторить все возражения в более тактичной форме.

– Я уверен, что моя жена глубоко польщена той честью, которую вы ей оказали, миссис Кэмерон, – осторожно начал он, – но...

– Неужели? – сухо перебила Иокаста. – А так и не скажешь. Впрочем, вы ее муж, вам лучше знать. В любом случае я изменила свое решение и хотела бы сообщить ей об этом.

– Думаю, она будет...

– Я поручила Джеральду Форбсу составить завещание, согласно которому «Горная река» достанется Джеремае.

– Дже... – Роджер не сразу осознал, о ком идет речь. – Подождите, вы про малыша Джейми?

Во время разговора Иокаста склонялась вперед, словно хотела заглянуть в глаза, но теперь наконец отодвинулась и кивнула, по-прежнему не выпуская его руку. Она не видела его лица, понял Роджер, и пыталась понять реакцию с помощью прикосновения.

Бог с ней, пусть прислушивается к своим пальцам. Новость была такой ошеломляющей, что Роджер не нашелся с ответом. Ох, что скажет Бри?

– Да. – Иокаста любезно улыбнулась. – Когда женщина выходит замуж, вся ее собственность достается мужу. Можно, конечно, устроить так, чтобы она могла сама распоряжаться богатством, но это слишком сложно, и я не хотела бы лишний раз привлекать законников. Зачем обращаться в суд, если можно решить дело миром, правда, мистер Маккензи?

С глубоким удивлением Роджер понял, что его пытаются оскорбить. И не просто оскорбить – ему выносят предупреждение. Иокаста думала... она решила, что Роджер охотится за предполагаемым наследством Брианны, и предупреждала, чтобы он не пытался прибегнуть к юридическим хитростям. От шока и ярости язык прилип к небу, однако через некоторое время Роджер все-таки заговорил.

– Господи, да это же... Значит, вы переживаете за оскорбленную гордость Джоан Финдли, а мою не ставите ни в грош? Миссис Кэмерон, как вы смеее предположить...

– Дрозд, вы хороши собой, – сказала она, стискивая его руку. – Я дотрагивалась до вашего лица, я знаю. И вы носите доброе имя Маккензи. Но в Шотландии много людей с таким именем. Среди них найдутся те, кто честен, и те, кто пойдет на любое преступление. Джейми Рой называет вас родичем – возможно, потому, что вы обручены с его дочерью. А вот я не знаю, из какой вы семьи.

На смену шоку пришло желание громко расхохотаться. Не знает, из какой он семьи? Ха, конечно. И как теперь объяснить, что в шестом поколении он приходится внуком ее собственному брату Дугалу? Что он не просто племянник Джейми, но и племянник самой Иокасты – только находится на очень далекой ветке семейного древа?

– На всем Сборе никто не знает про вашу родню, – добавила она, склонив голову набок. Как ястреб, следящий за жертвой.

Вот в чем дело. Она расспрашивала о Роджере своих знакомых, и никто не смог рассказать о его корнях. Разумеется, это вызвало волну подозрений.

Интересно, Иокаста думала, что он втерся в доверие к Джейми? Или что тесть замешан в этом темном деле вместе с ним? Нет, вряд ли. Бри упоминала, что миссис Кэмерон сначала собиралась оставить наследство Джейми, однако тот категорически отказался, не желая добровольно засовывать ногу в капкан. Роджер всегда считал его здравомыслящим человеком.

Прежде чем Роджер смог придумать достойный ответ, Иокаста с улыбкой похлопала его по руке.

– Вот я и решила оставить все малышу. Очень удобно. Брианна сможет распоряжаться деньгами, пока Джеремайя не достигнет совершеннолетия... при условии, что с мальчиком ничего не случится.

В голосе снова мелькнула угроза, хотя Иокаста продолжала улыбаться, не отводя от Роджера невидящих глаз.

– Что?! Да о чем вы вообще говорите? – Он вскочил со стула, но миссис Кэмерон продолжала удерживать его руку с поразительной для такой хрупкой старушки силой.

– За соблюдением моей воли будет следить Джеральд Форбс, для управления помещением назначено трое попечителей, – объяснила она. – Если с Джеремаей случится беда, то поместье отойдет моему племяннику Хэмишу. – Лицо Иокасты было совершенно серьезным. – Вы не получите ни пенни.

Роджер стиснул ее пальцы так сильно, что послышался хруст костяшек. Пусть теперь читает его реакцию! Она охнула, но не разжала руки.

– Вы намекаете, что я могу причинить зло ребенку? – Он внезапно охрип.

Иокаста побледнела, стиснула зубы и подняла подбородок.

– Разве я так сказала?

– Вы уже много всего наговорили. И еще больше осталось несказанным. Как вы смеее обвинять меня в такой низости? – Он со злостью оттолкнул ее ладонь.

Иокаста медленно потеряла покрасневшие пальцы и задумчиво поджала губы. Парусиновые стены шатра подрагивали на ветру.

– Если я ненароком вас обидела, то я должна извиниться, мистер Маккензи. Просто мне показалось, что так будет лучше.

– Лучше? Лучше для кого? – Роджер развернулся к выходу. Его обуревало желание расколотить напоследок все фарфоровые блюда с пирожными и печеньем, но он подавил это порыв огромным усилием воли.

– Для Джеремай, – ровно сказала Иокаста у Роджера за спиной. – И для Брианны. И, может быть, даже для вас.

Он обернулся и пораженно уставился на миссис Кэмерон.

– Для меня? О чем вы?

Она дернула плечом.

– Если вы не сумеете полюбить чужого ребенка, то, быть может, хотя бы мысли о наследстве смягчат ваше сердце.

Слова застряли у Роджера в горле. Лицо пылало, кровь глухо стучала в висках.

– Не волнуйтесь, я все понимаю, – продолжала Иокаста. – Не всякий мужчина может питать нежные чувства к малышу, рожденному от другого...

Роджер резко шагнул вперед и схватил ее за плечи. Иокаста дернулась, заморгала, и в топазе на брошке отразился огонек свечи.

– Мадам, – очень тихо сказал он Иокасте в лицо, – мне не нужны ваши деньги. Моей жене тоже. А мой сын к ним даже не притронется. Так что засуньте свое наследство себе в зад!

Он развернулся и вылетел из шатра, задев плечом Улисса. Тот проводил его озадаченным взглядом.

Глава 12

Источник силы

В сгущающихся сумерках горцы бродили от костра к костру, как и в предыдущие дни Сбора, хотя в этот вечер на склоне горы царил совершенно иная атмосфера.

С одной стороны, перед отъездом всех охватила сладкая грусть; старых друзей и новообретенных возлюбленных ждало неизбежное расставание, а кому-то и вовсе не суждено было свидеться. С другой стороны, нарастало радостное предвкушение, желание поскорее вернуться домой, погрузиться в манящие прелести и опасности обратной дороги. Ко всему этому примешивалась усталость: дети капризничали, мужчины сгибались под грузом тяжких хлопот, женщины были вымотаны бесконечной суетой у костра и стиркой – здоровый аппетит большого семейства приходилось удовлетворять, полагаясь на привезенные с собой припасы.

Я тоже поддавалась общим настроениям. За время Сбора я не только обзавелась новыми знакомствами и узнала множество сплетен – мне довелось испытать ни с чем не сравнимое счастье от встреч с пациентами, от изучения новых хворей, борьбы с недугами, которые были мне подвластны, и упрямых попыток спасти тех, кому нельзя было помочь. Это счастье ничто не могло отравить.

Тоска по дому росла с каждым днем – по просторному очагу с вертелом и глубоким котлом; по моему тихому и светлому кабинету с душистыми пучками крапивы и сушеной лаванды, развешанными под потолком. По мягкой чистой пуховой перине и льняным простыням, пахнущим розмарином и тысячелистником.

На мгновение я закрыла глаза, вспоминая свою уютную гавань, затем вновь вернулась на грешную землю к грязной сковороде с пригоревшими остатками овсяных лепешек; мокрой одежде, вымазанной в песке; опустевшим корзинам, в которых осталась краюха хлеба, заметно изгрызенная мышами, десять яблок и кусок сыра. В лагерь, где меня окружали три вопящих ребенка, одна измученная молодая мать с растрескавшимися сосками, одна взволнованная невеста, готовая впасть в панику перед свадьбой, одна бледненькая служанка, страдающая от менструальных болей, четыре нетрезвых шотландца и один нетрезвый француз, которые бродили туда-сюда, словно бессонные медведи зимой, и не собирались помогать мне

упаковывать пожитки в дорогу... Тут низ живота скрутило резким спазмом, и я поняла, что вдобавок ко всему прочему у меня начались месячные – видать, за компанию с Лиззи. Слава богу, в последнее время эта беда случалась гораздо реже, чем раньше.

Я стиснула зубы, сняла холодные волглые тряпки с куста и поковыляла по тропе в сторону канавки, служившей отхожим местом для женщин нашего лагеря.

По возвращении меня встретила острая вонь пригоревшего металла. Я громко выругалась по-французски – среди врачей в «Обители ангелов» ходило много выразительных оборотов, поскольку под рукой зачастую не было других лечебных средств, кроме крепкого словца.

Марсали удивленно открыла рот. Жермен восторженно посмотрел на меня и повторил ругательство с утонченным парижским акцентом, без единой ошибки.

– Извини, – сказала я, с сожалением глядя на Марсали. – Кто-то забыл чайник на костре.

– Ничего страшного, матушка Клэр, – сказала она с глубоким вздохом и покачала на руках ревущую Джоани. – Отец учил его словечкам и похуже. У нас есть сухие тряпки?

Я уже оглядывалась по сторонам в поисках прихватки или щипцов, чтобы подцепить железную ручку, но на глаза попадались только мокрые подгузники и чулки. Чайники продавали далеко не на каждом углу, и я не собиралась выбрасывать хорошую кухонную утварь. Обернув ладонь подолом юбки, я подхватила чайник за ручку и сдернула с огня. Горячий металл мгновенно обжег пальцы сквозь влажную ткань, и я швырнула свою добычу прямо на землю.

– Merde!¹² – радостно повторил за мной Жермен.

– Полностью с тобой согласна.

Я засунула обожженный палец в рот. Чайник шипел и дымился на мокрой траве, и я пнула его, чтобы он откатился подальше в грязь.

– Merde, merde, merde, merde! – пропел Жермен на мотив песенки «Роза, роза», демонстрируя раннее пробуждение музыкального таланта, который, к сожалению, остался неоцененным.

– Ребенок, помолчи, – сурово сказала я.

Жермен не послушался. Джемми начал вопить в унисон с Джоан; Лиззи, вновь впадшая в тоску после ухода рядового Огилви, тихонько застонала в своем укрытии, а с неба посыпался град – крошечные белые льдинки ударялись о землю и били меня прямо по макушке. Я сняла мокрый чепец с ветки и нахлобучила его на голову, чувствуя себя сердитой жабой, нашедшей пристанище под необычайно уродливым грибом. Для полноты картины не хватало только бородавок.

Град закончился очень быстро. Как только стук льдинок слегка поутих, с тропы донеслись глухие шаги, и в лагерь вернулся Джейми в компании с отцом Кеннетом Донахью – ботинки заляпаны грязью, в волосах застряли редкие градины.

– Я привел отца поужинать вместе с нами, – сказал он и осмотрел поляну с широкой улыбкой.

– А вот и нет, – мрачно объявила я. Если Джейми решил, что я уже забыла про Стивена Боннета, то его ждало сильное разочарование.

Обернувшись на мой голос, Джейми увидел чепец и отшатнулся в притворном испуге.

– Саксоночка, ты ли это? – шутливо спросил он, склоняясь вперед и выразительно заглядывая под кружевные складки. Если бы рядом не было священника, я бы непременно заехала мужу коленом по какому-нибудь чувствительному месту, но в присутствии отца Донахью пришлось ограничиться испепеляющим взглядом а-ля горгона Медуза.

¹² Дерьмо (фр.).

Джейми не заметил моих усилий, отвлекшись на Жермена, который пританцовывал вокруг нас и напевал французские ругательства на мотив песенки «Греби, греби на лодочке». Отец Донахью отчаянно краснел, делая вид, что не понимает ни слова.

– *Tais toi, petit sot*¹³. – Джейми запустил руку в спорран.

Невзирая на дружелюбные интонации, говорил он голосом человека, который не потерпит никаких возражений. Жермен резко замолчал, разинув рот, и Джейми ловко кинул туда конфету. Малыш причмокнул и сосредоточился на угощении, сразу позабыв о песнях.

Я снова потянулась к чайнику, используя подол платья вместо прихватки. Джейми подобрал с земли крепкую ветку и ловко подцепил чайник за ручку.

– *Voilà!* – сказал он.

– *Merci*, – ответила я без особой благодарности в голосе. Взяла палку и отправилась к ближайшему ручью; дымящийся чайник воинственно покачивался впереди, как копье.

Отыскав среди валунов небольшое озерцо, я швырнула палку в воду, сорвала с головы чепец и принялась яростно втаптывать его в осоку. На ткани оставались отпечатки грязных ног.

– Ну что ты, саксоночка, чепчик был не такой уж и страшный, – раздалось у меня за спиной.

Я сурово подняла бровь.

– Хочешь сказать, мне идет?

– Нет, ты в нем похожа на ядовитую поганку. Так гораздо лучше, – успокоил меня Джейми.

И потянулся за поцелуем.

– Мне очень приятно твое внимание, – начала я ледяным голосом, и Джейми застыл в дюйме от моего рта. – Но если придвинешься поближе, то я точно тебя укушу.

Он выпрямился с превеликой осторожностью, будто отодвигаясь от осинового гнезда, а потом медленно и аккуратно убрал руки с моей талии.

– Ясно, – сказал он. Склонил голову набок, разглядывая меня. – Вид у тебя слегка задерганный, саксоночка.

Против правды ничего не попишешь, но стоило ему произнести эту фразу, как мне тут же захотелось разрыдаться. По всей видимости, это желание четко отразилось на моем лице: Джейми очень бережно взял меня за руку и отвел к большому валуну.

– Присядь-ка. Закрой глаза на минутку, а *nighean donn*¹⁴. Отдохни.

Я послушно села, опустив веки. Рядом со мной раздался плеск и приглушенный звон: Джейми отмывал пригоревшее железо.

Потом он с тихим стуком поставил наполненный чайник у моих ног и опустился рядом на сухие листья. Тишину нарушало только его дыхание, шмыганье и шорох одежды, когда Джейми потянулся утереть нос рукавом.

– Прости, – сказала я наконец и открыла глаза.

Он с улыбкой повернулся ко мне.

– За что, саксоночка? Ты же не отказываешься делить со мной постель... во всяком случае, я надеюсь, до этого не дойдет.

Мысли о супружеском долге не вызывали у меня никакого интереса, но я нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

– Мы уже две недели спим на голой земле. Сейчас я готова делить постель с кем угодно, лишь бы на нормальной кровати.

Брови Джейми поползли вверх, и я рассмеялась.

– Прости, – снова сказала я. – Издергалась что-то.

¹³ Замолчи, дурачок (*фр.*).

¹⁴ Темноволосая (*гэльск.*).

Низ живота вновь скрутило от боли, и я поморщилась, прижимая руки к паху.

– Вот оно что! – Джейми внезапно осенило. – В этом смысле...

– Ага, в этом, – согласилась я. Ткнула чайник ногой. – Надо отнести его в лагерь. Хочу вскипятить воду да заварить немного ивовой коры. Она долго настаивается.

На приготовление настоя уйдет не меньше часа; к тому времени боль заметно усилится.

– Да плюнь ты на ивовую кору, – объявил Джейми и достал из-за пазухи серебряную фляжку. – Попробуй. Это, по крайней мере, кипятить не надо.

Я открутила пробку и принялась – виски, причем очень хороший.

– Я тебя люблю, – искренне сообщила я, и он рассмеялся.

– Я тебя тоже люблю, саксоночка. – Джейми ласково коснулся моей ноги.

Отпив глоточек, я позволила янтарной жидкости медленно прокатиться по горлу. Терпкий аромат поднялся вверх, пощекотал слизистую, потом опустился в желудок и растаял ласковым облачком, согревая и прогоняя боль.

– О-о-о, – выдохнула я и сделала еще один глоток. Даже зажмурилась, чтобы лучше оценить вкус. Один знакомый ирландец когда-то сказал мне, что по-настоящему хороший виски может поднимать мертвых. Склонна с ним согласиться.

– Чудесно, – сообщила я, открыв глаза. – Где достал?

Скотч двадцатилетней выдержки – куда лучше того алкоголя, который Джейми перегонял позади нашего дома.

– У Иокасты. Хотел сделать свадебный подарок Брианне и ее жениху, но тебе он пригодится больше.

– Это уж точно.

Мы сидели в уютном молчании, я прихлебывала виски, и желание убивать всех, кто попадался мне на глаза, постепенно шло на убыль – пропорционально жидкости, плескавшейся внутри фляжки.

Дождь затих, с деревьев то и дело срывались редкие капли. Неподалеку от ручья росло несколько елей, и до нас доносился острый горьковатый запах смолы вперемешку с запахом палой листвы, коптящих костров и влажной одежды.

– С твоей последней менструации прошло три месяца, – задумчиво сказал Джейми. – Я думал, больше уже не будет.

Меня всегда поражало то, как внимательно он замечал такие вещи, но, наверное, от фермера не стоило ожидать ничего иного. Джейми знал гинекологические особенности и циклы течки всех своих коров, овец и свиней – вряд ли я составляла исключение из списка просто потому, что меня не надо было водить на случку.

– Это тебе не краник, который можно закрыть, знаешь ли, – раздраженно заметила я. – Сначала месячные теряют регулярность, потом постепенно сходят на нет. Точное время никто не скажет.

– Понятно.

Он наклонился и сложил локти на коленях, провожая взглядом веточки и листву на поверхности ручья.

– Я думал, без них легче будет. Меньше мороки. Разве не так?

Пришлось прикусить язык, чтобы не провести обидное сравнение на тему секса и различных телесных жидкостей.

– Может, и будет, – сказала я. – Обязательно поделюсь с тобой впечатлениями.

Джейми улыбнулся, однако заметил мое раздражение и мудро воздержался от дальнейших рассуждений на эту тему.

Я снова глотнула виски. По лесу эхом разнесся резкий крик дятла, потом наступила тишина. В такую погоду все птицы старались забиться в укрытие, хотя чуть ниже по руслу ручья раздавалось деловитое покрякивание перелетных уток. Они дождя не боялись.

Джейми неожиданно потянулся.

– Послушай, саксоночка...

– Что?

– Не знаю, правильно ли я поступил. Если неправильно, то должен просить у тебя прощения.

– Хорошо, – неуверенно ответила я. За что он собрался извиняться? Супружеская измена, скорее всего, тут была ни при чем, но вот остальные преступления исключать не стоило. Нападение, поджог, грабеж или богохульство? Господи, надеюсь, что это не связано с Бонннетом.

– Что ты наделал?

– Ничего, – смущенно ответил он. – Но я пообещал, что ты окажешь одну услугу.

– И какую же? – В моей душе зашевелились подозрения. – Если ты сказал Фаркуарду Кэмпбеллу, что я приеду с визитом к его сварливой матушке...

– Нет-нет, – поспешно перебил меня Джейми. – Ничего такого. Я пообещал Джосайе Бердсли, что сегодня ты удалишь ему гланды.

– Что-о-о? – Я вытаращила глаза. С Джосайей Бердсли я познакомилась день назад. У этого юноши был самый ужасный случай нагноения миндалин за всю мою практику; нарывы на аденоидах произвели на меня столь глубокое впечатление, что во время ужина я принялась рассказывать о них всем подряд – немного послушав, Лиззи позеленела и отдала свою вторую картофелину Жермену. Я упоминала, что от такой запущенной болезни поможет только хирургическое вмешательство, но не ожидала активной поддержки со стороны Джейми.

– Зачем? – спросила я.

Джейми откинулся назад и взглянул на меня.

– Он мне нужен, саксоночка.

– Для чего?

Джосайе было не больше пятнадцати лет. Сам он считал, что ему исполнилось четырнадцать, но точного года рождения не помнил – родители давно умерли и спрашивать было не у кого. Даже для четырнадцатилетнего парнишки он выглядел слишком мелким и тощим; ноги неестественно изгибались из-за рахита. Налицо были разнообразные паразитарные инфекции и какая-то болезнь легких – то ли туберкулез, то ли просто сильный бронхит.

– Будет у нас еще один арендатор.

– Я-то думала, что у тебя и так слишком много желающих.

Не просто думала, а точно знала. У нас не осталось ни пенни, хотя на Сборе Джейми удалось выручить достаточно, чтобы раздать почти все долги торговцам из Кросс-Крика: за скотские товары, рис, инструменты, соль и прочие хозяйственные мелочи. Да, нам принадлежал обширный надел земли, большую часть которого покрывали леса, но мы не могли помогать новым поселенцам – а ведь нужно было строить дома и возделывать поля. Не знаю, как мы справимся с Чишолмами и Макгилливреями – какие уж тут еще арендаторы?

Джейми только кивнул, отменяя все возражения.

– Ничего, Джосайя нам подходит.

– Хм, – неуверенно фыркнула я. Сомневаться не приходилось, парнишка был крепкий – иначе просто не дожил бы до своих лет.

– Предположим. Но другие подходят не меньше. Что в нем такого особенного?

– Ему четырнадцать.

Я удивленно изогнула бровь, и Джейми слабо улыбнулся.

– Все мужчины от шестнадцати до шестидесяти должны служить в ополчении, саксоночка.

У меня слегка похолодело в животе. Губернаторский приказ был еще свеж в памяти, однако я не успела как следует обдумать его последствия.

Джейми вздохнул и потянулся, хрустнув костяшками.

– Значит, ты выполняешь его распоряжение? Собираешь полк?

– Выбора нет, – просто ответил он. – Трион крепко держит меня за яйца. Не хочется ждать, пока он решит надавить.

– Этого я и боялась.

К несчастью, такое красочное описание ситуации было донельзя точным. Губернатору Триону понадобился верный и умный сторонник, чтобы обустроить поселения на дальних территориях в глубине материка, и он предложил Джейми королевское пожалование земли к востоку от границы колонии, без уплаты налога в течение десяти лет. Соблазнительное предложение, хотя и не настолько щедрое, как могло показаться на первый взгляд, – осваивать горные территории совсем нелегко.

Подвох заключался в том, что получить пожалование мог только белый мужчина старше тридцати лет, с незапятнанной репутацией и исповедующий протестантство. Джейми соответствовал всем требованиям, кроме одного – он был католиком. И Трион об этом знал.

Губернатор, как и всякий успешный политик, был готов промолчать о такой досадной мелочи ровно до тех пор, пока Джейми следовал полученным распоряжениям. В противном случае Триону довольно было отправить в Нью-Берн одно-единственное письмо, и всем Фрейзерам пришлось бы расстаться с Фрейзер-Риджем.

– Хм-м. То есть ты собираешься забрать из Риджа всех мужчин? Неужели никого нельзя оставить?

– У нас и так слишком мало людей, саксоночка. У Фергуса нет руки, и я могу оставить его присматривать за домом. Еще могу оставить мистера Уэмисса – все думают, что он находится в долговом рабстве, а в ополчении могут служить только свободные граждане.

– Свободные и здоровые. Значит, муж Джоанны Грант тоже останется. У него деревянная нога.

Джейми кивнул.

– Да, и Арч Баг. Старику уже не меньше семидесяти. Получается четверо мужчин – и примерно восемь мальчишек, которым не исполнилось шестнадцати лет. На тридцать домов и сто пятьдесят поселенцев.

– Женщины сумеют справиться с хозяйством сами, – сказала я. – Зимой не придется тревожиться о посевах и урожае. Да и с индейцами в последнее время все гладко.

Стягивая чепец, я случайно развязала ленту на косе. Теперь волосы выбивались в разные стороны и липли мне на шею мокрыми кудрявыми прядями. Я сняла ленту и попыталась собрать непослушную шевелюру в пучок.

– Но чем тебе так понравился Джосайя Бердсли? Один четырнадцатилетний мальчишка делу не поможет.

– Бердсли хороший охотник, – ответил Джейми. – Привез на сборище волчьи, оленьи и бобровые шкуры. Почти двести фунтов весом. Я и сам бы столько не смог добыть.

Похвала прозвучала искренне, и я закусила губу. Зимой шкуры были главным – да что там, единственным – источником дохода в горных поселениях. У нас не было денег – даже бумажных, тех, что стоили гораздо дешевле стерлинга. Если к весне мы не добудем достаточно шкур на продажу, то останемся без посевной кукурузы и пшеницы. Мужчинам предстояло провести большую часть зимы вдали от дома, гоняясь за регуляторами...

Большинство женщин в Ридже умели стрелять из ружья, однако почти никто из них не смог бы отправиться в лес, потому что дома оставались маленькие дети. Даже Бри, ловкая охотница, не могла покинуть Джема больше чем на полдня – слишком короткий срок для охоты на волка или бобра.

Я запустила руку во влажные волосы, прочесывая выбившиеся прядки.

– Ладно, я поняла, зачем он тебе понадобился. Но при чем тут удаление гланд?

Джейми взглянул на меня с улыбкой. Молча встал, зашел мне за спину и принялся твердой рукой собирать непослушные локоны. Вскоре мне на плечи легла толстая тугая коса. Он забрал у меня ленту и завязал аккуратный бантик.

– Готово. – Джейми снова устроился у моих ног. – Теперь можно и про гланды. Ты сказала, что парню надо делать операцию, иначе станет хуже.

– Это точно.

Джосайя Бердсли поверил мне на слово. Прошлой зимой нарыв, разросшийся в горле, почти задушил его, и мальчишка чуть не простился с жизнью. Повторения ему не хотелось.

– Ты единственный врач к северу от Кросс-Крика, – сказал Джейми. – Кто еще возьмется за такую работу?

– Да, но... – неуверенно начала я.

– Вот я и предложил парню сделку, – перебил он. – С меня кусок земли – мы с малышом Роджером поможем ему построить там хижину, – а с него половина всех шкур, которые будут добыты за следующие три зимы. Но мальчишка поставил еще одно условие: хочет, чтобы ты вырезала ему гланды.

– Почему сегодня? Не могу же я проводить операцию прямо тут! – Я махнула рукой в сторону мокрой лесной чащи.

– А почему нет? – Роджер приподнял бровь. – Ты сама говорила, что в ней нет ничего сложного. Несколько надрезов мелким ножичком.

Я раздраженно шмыгнула и потеряла костяшками нос.

– Не спорю, удалять гланды – не ноги ампутировать, но все равно... это не так-то просто!

Операция действительно была несложной, а вот риск развития инфекции был слишком велик, и больному требовался тщательный уход – хоть какая-то замена антибиотикам.

– Не могу же я вырвать ему миндалины и отпустить на волю! Вот когда вернемся в Ридж...

– Он не собирается ехать туда вместе с нами, – перебил Джейми.

– Почему?

– Сказал, что надо дела уладить. Приедет к первой неделе декабря. Можно будет устроить его на чердаке в травяном сарайчике.

– То есть вы с ним рассчитываете, что я отрежу парню гланды, наложу пару швов и отпущу восвояси? – ехидно уточнила я.

– С собакой вышло неплохо, – ухмыльнулся Джейми.

– А, тебе уже рассказали.

– Еще как. И про мальчишку, который ударил себя топором по ноге, и про детей с молочной сыпью, и про больной зуб миссис Бьюкенен, и про то, как вы с Мюрреем Маклаудом поспорили о желчных протоках одного джентльмена...

– Да, утро выдалось непростое. – Я передернула плечами и глотнула виски.

– Саксоночка, о тебе говорит весь Сбор. Я как увидел, какая толпа собралась перед тобой на поляне, сразу вспомнил Библию.

– Библию? – Я не узнала отсылку, и Джейми ухмыльнулся еще шире.

– «Каждый старался дотронуться до него, – процитировал мой муж, – потому что от него исходила сила и исцеляла всех».

Я рассмеялась и тихонько икнула.

– Извините, сила временно закончилась.

– Не беспокойся, саксоночка, во фляжке еще осталось.

Вспомнив про фляжку, я протянула ее Джейми, но он покачал головой и глубоко задумался. Градины, застрявшие у него в волосах, успели растаять, и намокшие пряди легли на плечи тяжелыми бронзовыми лентами – сейчас Джейми походил на памятник какому-то воину, стоящий под дождем на парковой аллее.

– Ты согласна удалить парнишке гланды, когда он приедет в Ридж?

Я подумала пару мгновений и кивнула, сглотив неуверенность. Обычно я не бралась за такие операции, стараясь избегать лишнего риска, однако болезнь Джосайи была слишком запущенной, и если не вмешаться сейчас, то он в скором времени погибнет от постоянных воспалений.

Джейми удовлетворенно кивнул в ответ.

– Хорошо, я ему передам.

Несмотря на сырость, мои ноги наконец согрелись, и по телу растеклось тепло. Низ живота по-прежнему тянуло так, будто там образовался огромный валун, но я перестала обращать внимание на боль.

– Мне тут подумалось, саксоночка...

– О чем?

– Про Библию, к слову сказать.

– Ты сегодня целый день размышляешь о Священном Писании?

Джейми улыбнулся уголком губ.

– Да, вспомнилось. Когда ангел Господень принес Сарре весть о том, что через год у нее будет сын, Сарра не поверила и рассмеялась, потому что для нее миновало время, когда женщины могут иметь детей.

– Поверь мне, большинство женщин не стали бы смеяться в такой ситуации, – сказала я. – Иногда мне кажется, что у Господа весьма своеобразное чувство юмора.

Джейми сжимал в руке большой кленовый лист, отрывая от него по кусочку. Он опустил глаза, и я заметила, как дрогнули его губы.

– Мне тоже иногда так кажется, саксоночка. Так или иначе, ребенок у Сарры родился.

– Вряд ли стоит спорить с Книгой Бытия.

Я подумала, не отпить ли еще глоточек, потом решила оставить виски на черный день и закупорила фляжку. В лагере началась какая-то суеда, ветер доносил до меня отдельные фразы.

– Кто-то разыскивает Джейми Роя, – сказала я. – Опять.

Джейми обернулся, поморщился и остался сидеть на месте. По бледной шее расплзался румянец.

– Я к чему клоню, саксоночка, – продолжал он, старательно отводя глаза, – ты у меня не Мария, со Святым Духом не общалась, так что ребенка зачать можно только одним способом. Правильно?

– Насколько мне известно, да. – Я прикрыла рот ладонью, чтобы не икнуть снова.

– Значит... получается, что даже в старости Сарра по-прежнему делила постель с Авраамом?

Уши Джейми полыхали огнем, и я с запозданием поняла, зачем велась вся эта религиозная дискуссия. Вытянула ногу и потыкала его в бок.

– Ты решил, что я больше тебя не хочу?

– Сейчас же не захотела, – логично отметил он, не отводя глаз от истерзанного кленового листа.

– У меня болит живот – так, будто туда напихали битого стекла; я перемазана в грязи до колен, а через эти кусты скоро начнет ломиться стая ищеек, идущих по твоим следам, – сурово отрезала я. – Или ты предлагаешь предаться разврату прямо в куче мокрых листьев?

– Нет-нет, – торопливо ответил он. – Не сейчас, конечно. Я просто подумал... если вдруг...

Кончики ушей стали малиновыми. Джейми резко встал и принялся усердно отряхивать с килта сухие листья.

– Джейми Фрейзер, – начала я ровным тоном, – если бы я сейчас внезапно зачала ребенка, то твои яички давно бы жарились на шампуре над костром. – Я взглянула ему в лицо. – А что касается постели...

Он перестал отряхиваться и посмотрел на меня. Я выразительно улыбнулась, не скрывая своих намерений.

– Ты получишь то, что хочешь, как только мы окажемся рядом с нормальной кроватью.

– Хорошо. – Джейми глубоко вздохнул, будто все его тревоги развеялись. – Тогда ладно. Просто немного забеспокоился, знаешь ли.

Кусты вдруг громко зашуршали, ветви раздвинулись, и оттуда выглянуло худощавое и крайне взволнованное лицо мистера Уэмисса.

– Вот вы где, сэр! – Он вздохнул с облегчением.

– Да, вот я здесь, – обреченно ответил Джейми. – Что случилось, мистер Уэмисс?

Уэмисс не смог ответить сразу, поскольку крепко зацепился за калиновый куст, и я поспешила к нему на помощь. Бывший счетовод, вынужденный продать себя в долговое рабство, был совершенно неприспособлен к жизни в лесной глуши.

– Я прошу прощения за беспокойство, сэр, – начал он, краснея. Нервно вытряхнул колючую веточку, застрявшую в легкой светлой шевелюре. – Понимаете, она обещала вспороть ему брюхо топором, если он не оставит ее в покое, а он сказал, что не позволит женщине разговаривать с ним таким тоном... И у нее вправду есть топор!

Джейми глубоко вздохнул, слушая бессвязное бормотание Уэмисса, взял фляжку и хорошенько к ней приложился.

– Кто?

– Э-э, а я не сказал? Розамунда Линдси и Ронни Синклер.

– Кхм.

Плохие новости. У Розамунды Линдси действительно был топор; она жарила свиные туши в коптильной яме на берегу ручья. А еще она весила почти две сотни фунтов и, несмотря на общее добродушие, бывала очень страшна в гневе. Ронни Синклер, в свою очередь, мог вывести из себя даже архангела Гавриила, не говоря уж о простой смертной женщине, которая пыталась заниматься стряпней под дождем.

Джейми вздохнул и отдал мне фляжку. Расправил плечи, стряхивая капли с пледа.

– Хорошо, мистер Уэмисс. Скажите, что я скоро буду.

При мысли о том, что ему снова придется иметь дело с Розамундой Линдси и ее топором, на узком лице мистера Уэмисса отразился ужас, но, по всей видимости, Джейми внушал ему еще больший трепет. Он быстро поклонился, развернулся на пятках и снова застрял в калиновом кусте.

Протяжный вой, походивший на сирену «Скорой помощи», ознаменовал приближение Марсали с крошкой Джоани на руках. Марсали аккуратно сняла веточку с плеча мистера Уэмисса, приветливо кивнула и обошла его стороной.

– Папа, – сказала она без лишних расшаркиваний, – возвращайся в лагерь. Отца Кеннета арестовали.

Брови Джейми взлетели вверх.

– Арестовали? Когда? Кто?

– Вот только что! Один гадкий толстяк, который назвался шерифом нашего округа. Пришел в лагерь с двумя подручными и спросил, где здесь священник. А потом они схватили отца Кеннета под руки и увели, ни словечка не сказав напоследок!

Кровь прилила к щекам Джейми, пальцы постукивали по бедру.

– Они схватили его прямо у моего очага? А Dhia!

Вопрос был риторический, но прежде чем Марсали успела открыть рот, с противоположной стороны донеслись шаги, и из-за сосны вынырнула Брианна.

– Ну, что еще? – рявкнул Джейми.

Она удивленно моргнула.

– Кхм... Джорди Чишолм говорит, что один из солдат стащил ветчину от его костра. Просит, чтобы ты сходил к лейтенанту Хэйзу и разобрался.

– Хорошо, – быстро ответил он. – Позже. Иди с Марсали и выясни, куда забрали отца Кеннета. А вы, мистер Уэмисс... – Но мистер Уэмисс все-таки вырвался из тесных объятий калинового куста. Громкий шорох и звуки падения сопровождали его дальнейшее продвижение по лесной чаще.

Быстро взглянув Джейми в лицо, обе девушки предпочли побыстрее скрыться из виду, и через пару мгновений мы вновь остались одни. Он глубоко вдохнул и медленно выдохнул сквозь зубы.

Хотя меня разбирал смех, я героически сдержалась и просто встала рядом с мужем. От кожи Джейми шел жар.

– До меня желают дотронуться только хворые, – сказала я, протягивая ему фляжку. – А вот ты у нас нарасхват. Что будешь делать, когда силы иссякнут?

На губах Джейми медленно расцвела улыбка. Не обращая внимания на фляжку, он склонился поближе, обхватил мое лицо руками и поцеловал. Бережно-бережно.

– Вот что, – ответил он.

А потом повернулся и зашагал вниз по склону – предположительно, с новым запасом сил.

Глава 13

Бобы и мясо

Я вернулась с чайником в лагерь и обнаружила, что все куда-то разошлись. Вдалеке раздавались голоса и смех – значит, Лиззи, Марсали и миссис Баг вместе с детьми отправились к отхожему месту, выгребной канаве, выкопанной за густыми зарослями можжевельника в стороне от лагеря. Повесив полный чайник над огнем, я задумалась, чем следует заняться в первую очередь.

Арест отца Кеннета грозил нам всем серьезными последствиями, но мое присутствие ничего бы не изменило. Зато в истории с Розамундой Линдси мог потребоваться врач – топор у нее был самый что ни на есть настоящий. Я быстро привела в порядок мокрые волосы, одернула платье и пошла в сторону ручья, бросив чепец на произвол судьбы.

Джейми, по всей видимости, оценил наши бедствия и пришел к таким же выводам. Пробравшись сквозь прибрежные заросли ивняка, я обнаружила мужа возле коптильной ямы: он беседовал с Ронни Синклером, непринужденно опираясь на ручку топора – и как Джейми удалось им завладеть?

При виде этого мирного зрелища я слегка успокоилась и сбавила шаг. Если Розамунда не попытается придушить Ронни голыми руками или забить его до смерти куском ветчины – а я не исключала такую возможность, – то врачебная помощь никому не понадобится.

Яма была широкой. После наводнения на глинистом берегу ручья осталась заметная вымоина, и сметливые горцы углубили ее лопатами. Судя по почерневшим камням и кучам древесного угля, яму использовали уже не первый год. Да и сейчас у нее собрались сразу несколько человек; запахи жареной птицы, свинины, баранины и мяса опоссума смешивались с ароматом дыма от яблоневого и пеканового дерева. Слюнки потекли после первого же вдоха.

Однако вид у коптильни была куда менее заманчивой. Облака белого дыма поднимались от влажных дров, скрывая туши, лежавшие на тлеющих углях, – и со стороны могло показаться, что сквозь дымку проглядывают искаженные очертания человеческих тел. Перед моими глазами сразу встали погребальные костры Ямайки, на которых сжигали трупы рабов, не вынес-

ших изнурительного плавания от берегов Африки. Я сглотнула комок в горле, отгоняя воспоминания о чудовищной вони.

Розамунда стояла в яме, подоткнув повыше юбку и закатав рукава, и поливала красноватым соусом ребра огромной свиной туши. Рядом с могучими ногами стряпухи лежало еще пять таких же туш, накрытых рогожей. Пахучий дым клубился вокруг них и уходил в небо.

– Да это же настоящая отравка! – горячо доказывал Ронни Синклер. – Она все испортит... Такое даже свиньям не скормишь!

– Ронни, это и есть свиньи, – терпеливо ответил Джейми. Заметив меня, он выразительно закатил глаза, а потом посмотрел в яму. Жир с шипением капал на пекановые угли. – Лично я думаю, что поросенка готовкой не испортишь, даже если расстараться.

– Верно-верно, – вставила я, улыбаясь. – Бекон, жареные отбивные, запеченное филе, ветчина, зельц, сосиски, ливер, кровяные колбаски... Говорят, свинью пускают в ход целиком.

– Да, но она мясо жарит! – упрямо возразил Ронни. – Всем известно, что свинину на углях надо сбрызгивать уксусом! Вы же не кидаете в колбасу гальку? А в бекон – мусор из курятника? Тьфу! – Он кивнул в сторону белой глиняной миски, давая понять, что ее содержимое относится к таким же несъедобным добавкам.

Ветер переменялся, и от мяса потянуло аппетитным дымком. Я принялась: кажется, Розамунда добавила в свой соус помидоры, лук, красный перец и щедрую порцию сахара, так что на свиной туше появлялась толстая коричневая корочка, а в воздухе витал сладкий аромат карамели.

– Полагаю, мясо получится весьма сочное, – сказала я, чувствуя, как под кружевным корсажем начинает урчать живот.

– И свинки у вас знатные, – льстиво добавил Джейми, встретившись с Розамундой взглядом. Она перепачкалась сажей до самых колен, по лицу с тяжелой квадратной челюстью стекали капли дождя и пота. – Дикие кабанчики, мэм? Или вы их сами выращивали?

– Дикие, – ответила она с гордостью. Выпрямилась и откинула со лба прядь мокрых седых волос. – Наедали жирок на каштанах. Мясо у них душистое.

Ронни Синклер фыркнул, выражая глубочайшее презрение.

– Да уж, душистое. Если вымажешь соусом, авось никто запаха и не заметит. От этой пакости кажется, что мясо вообще сырое!

Розамунда емко и красочно высказалась о мужском достоинстве горцев, чью трепетную натуру пугает вид крови, и Синклер принял ее слова на свой счет. Джейми ловко вклинился между ними, отодвигая топор подальше.

– Я уверен, мясо очень хорошо прожарилось, – примирительно сказал он. – Госпожа Линдси трудится здесь с самого рассвета.

– Нет, мистер Фрейзер, гораздо дольше, – с мрачным удовольствием ответила женщина. – Если хотите приготовить все как положено, то начинать надо заранее. Я здесь со вчерашнего дня, всю ночь за мясом присматривала.

Она жадно принялась к дыму и блаженно улыбнулась.

– Ох, пахнет-то как! Не понять вам, треклятым шотландцам, какая это вкуснятина! – Розамунда бережно накрыла тушу рогожей. – Промариновались до мозга костей, всю свою еду уксусом поливаете. Мой Кенни даже в овсянку готов его добавлять. Если бы не я, он бы и кукурузные лепешки в уксус обмакивал.

Джейми повысил голос, заглушая горячие возражения Ронни.

– Значит, Кенни добыл этих свиней на охоте, госпожа? У кабанов опасный нрав, ловить такого зверя – дело нелегкое. Они как те дикие вепри, что водятся в Шотландии.

– Ха. – Розамунда бросила исполненный добродушного презрения взгляд в сторону прибрежного склона, где находился ее муж. Кенни был в два раза тоньше миссис Линдси и, вероятно, предпочитал заниматься более приятными делами, не требующими столь рьяных уси-

лий. – Нет, мистер Фрейзер, я сама их убила. Вот этим вот топором! – добавила она, указав на свое грозное орудие, потом зловеще прищурилась и взглянула на Ронни. – Проломила черепушку одним махом.

Ронни не отличался особой чуткостью, и потому намек Розамунды остался незамеченным.

– Макдью, она добавляет туда помидоры, – прошипел он, притягивая Джейми за рукав, и указал на красную жижу в миске. – Дьяволы яблоки! Она нас всех отравит!

– Это вряд ли, Ронни. – Джейми крепко взял его под руку и улыбнулся Розамунде. – Вы ведь готовите мясо на продажу, миссис Линдси? Зачем же вам убивать своих покупателей?

– На продажу, и еще никто не жаловался, мистер Фрейзер, – подтвердила Розамунда, откидывая кусок рогожи со следующей туши. Она зачерпнула соус деревянной ложкой и щедро полила филейную часть. – Едят и нахваливают. Но я родом из Бостона, мы свинину всегда так готовим.

«Как и все нормальные люди» – читалось в ее голосе.

– Я встречал одного бостонца, когда ездил в Шарлотсвилл, – сказал Ронни, неодобрительно нахмурив лисьи брови. Попробовал выдернуть руку из хватки Джейми, но безрезультатно. – Он рассказывал, что у них дома на завтрак едят бобы, а на ужин – устриц. Каждый день с малых лет набивал себе брюхо такой гадостью. Странно, что его не разорвало в клочья, как свиной пузырь!

– Съешь бобов и пукни звонко, сразу станет легче жить, – радостно пропела я, воспользовавшись секундной заминкой в разговоре. – Боб полезен для печени, жуй бобы и не тужи!

Ронни и миссис Линдси разинули рты от удивления. Джейми бурно расхохотался, и спустя мгновение Розамунда тоже разразилась громким смехом. Затем к общему веселью присоединился и Ронни.

– Мне довелось пожить в Бостоне, – мягко добавила я, когда хохот немного утих. – Поверьте, миссис Линдси, пахнет ваша стряпня замечательно.

Розамунда с достоинством кивнула в ответ.

– Так и есть, мэм.

Она склонилась ко мне и продолжила приглушенным – по сравнению с обычными громкоподобными интонациями – голосом:

– Все дело в моем личном рецепте. – Розамунда похлопала ладонью по глиняной миске. – Отлично подчеркивает вкус.

Синклер открыл было рот, однако Джейми крепко стиснул его руку, и вместо пылкой речи с губ Ронни сорвалось только тихое оханье. Розамунда не обратила на него никакого внимания, погрузившись в любезную беседу с моим мужем, и в конце даже согласилась приберечь одну тушу для нашего свадебного застолья.

Я взглянула на Джейми. В эту минуту отец Кеннет, скорее всего, находился либо по дороге обратно в Балтимор, либо на пути в Эдентонскую тюрьму, и меня начинали терзать смутные сомнения насчет свадьбы.

С другой стороны, я твердо знала: Джейми нельзя недооценивать. Отвесив миссис Линдси прощальный комплимент, он потащил Ронни прочь от копильной ямы и остановился, только чтобы вручить мне топор.

– Присмотри-ка за этой штукой, саксоночка, – сказал он, потом быстро поцеловал меня и ухмыльнулся. – Откуда у тебя такие глубокие познания о бобах?

– От Брианны. Ей было лет шесть, когда она услышала эту песенку в школе, – ответила я с улыбкой.

– Пусть споет своему мужу, – посоветовал Джейми. Ухмылка стала еще шире. – Чтобы записал себе в книжечку.

Он отвернулся, дружески положив руку на плечи Ронни Синклеру, который то и дело порывался снова отправиться к яме.

– Пойдем, Ронни. Надо перемолвиться парой словечек с лейтенантом. Думается, он захочет купить ветчины у миссис Линдси. – Джейми посмотрел на меня и моргнул по-совиному: в его исполнении это означало подмигивание. Потом он снова обратился к Ронни: – Лейтенант будет рад, если ты расскажешь ему об отце. Ведь вы с Гэвином Хэйзом были друзьями?

– Да, – сказал Ронни, посветлев лицом. – Да, Гэвин был хорошим человеком. Жаль его. – Он покачал головой, вспомнив, как умер Гэвин несколько лет назад. Потом посмотрел на Джейми. – Парень знает, что с ним случилось?

Деликатный вопрос. Гэвина повесили в Чарльстоне за воровство – позорная смерть, как ни крути.

– Да, – тихо ответил Джейми. – Пришлось рассказать. Но ты можешь поговорить с ним про былые времена... про те годы, что мы вместе провели в Ардсмуре.

Джейми взглянул на Синклера, и лицо его внезапно смягчилось. Ронни ответил такой же горькой полуулыбкой. Стиснув напоследок плечо друга, Джейми опустил руку, и они зашагали вниз по склону, бок о бок. Все разногласия по поводу жарки мяса были забыты.

«Те годы, что мы провели вместе...» – одна простая фраза, словно тайное заклинание. Слова напоминали о крепкой дружбе, выкованной в горниле тяжких испытаний, о близости, доступной только тем, кто долгие дни и месяцы делил друг с другом отчаяние и боль. Джейми редко говорил об Ардсмуре вслух – как и остальные узники этой тюрьмы, сумевшие выжить, вырваться на свободу и увидеть Новый Свет.

От лощин и оврагов поднимался туман, и совсем скоро Синклер с Джейми скрылись из виду. Из-за подернутых дымкой деревьев донеслось слаженное пение бравых шотландцев:

«Съешь бобов и пукни звонко, сразу станет легче жить...»

* * *

Вернувшись в лагерь, я обнаружила, что Роджер уже покончил со своими делами и теперь беседовал с Бри у костра. Вид у него был встревоженный.

– Не беспокойся, – сказала я, потянувшись к кипящему чайнику. – Джейми все уладит. Как раз пошел разбираться.

– Уладит? – Он слегка удивился. – Джейми знает, что произошло?

– Да-да. Все будет хорошо, надо только найти шерифа.

Одной рукой я подхватила свой щербатый походный заварник, вытряхнула старые чайные листья на землю и поставила его на стол, чтобы ошпарить кипятком. День был долгим, а вечер обещал быть еще дольше. Не помешает подкрепиться хорошенько заваренным чаем и кексом с цукатами, который принесла мне одна из утренних пациенток.

– Шерифа? – Роджер взглянул на Брианну с глубоким изумлением. – Она натравила на меня шерифа?

– Кто натравил на тебя шерифа? – Теперь пришла моя очередь удивляться. Я отставила чайник в сторону и взяла жестяную банку с заваркой. – Признавайся, что ты наделал?

На высоких скулах Роджера проступил румянец, но Брианна не дала ему открыть рта.

– Поставил тетушку Йокасту на место! – Она злорадно прищурилась, воображая себе эту сцену. – Ох, жалко, меня там не было!

– Что ты ей сказал? – заинтересовалась я.

Роджер покраснел еще сильнее и отвернулся.

– Не хотелось бы повторять, – коротко ответил он. – Нельзя так разговаривать с женщиной, тем более пожилой. Особенно если она скоро станет твоей родственницей. Я как раз спрашивал у Бри, не надо ли мне сходить к миссис Кэмерон и извиниться перед свадьбой.

– Нет, – быстро ответила Брианна. – Да как у нее наглости хватило! Ты имеешь полное право ответить тем же.

– Я не жалею о сказанном, – произнес Роджер со слабой улыбкой. – Хотя формулировку стоило выбрать другую... Видите ли, – он повернулся в мою сторону, – я не хочу испортить Бри свадьбу. Надо принести извинения, иначе точно возникнет неловкость.

– Испортить Бри свадьбу? Я что, буду стоять перед алтарем в одиночестве? – сердито спросила она, сведя густые брови.

– Нет, конечно, – он погладил ее по щеке, – вместе со мной. Но мне просто хочется на тебе жениться. А ты наверняка мечтаешь, чтобы церемония прошла без сучка без задоринки. Нехорошо выйдет, если твоя тетушка приложит меня бревном по голове, прежде чем я успею сказать «да».

Я сгорала от любопытства – господи, да что он наговорил Июкасте? – однако сначала следовало обсудить более срочный вопрос. В конце концов, если свадьба сорвется, то и портить будет нечего.

– ...и Джейми пошел искать отца Кеннета, – закончила я. – Марсали не узнала этого шерифа, так что придется попотеть.

Темные брови Роджера приподнялись, потом снова сосредоточенно нахмурились.

– Знаете... Кажется, я его видел. Вот только что.

– Отца Кеннета? – уточнила я, занеся нож над кексом.

– Нет, шерифа.

– Как? Где? – Бри обернулась и окинула поляну гневным взглядом, сжимая кулаки. Хорошо, что шерифа не было рядом, подумала я. Если Брианну арестуют за нападение, со свадьбой точно придется повременить.

– Он пошел вон туда. – Роджер махнул в сторону ручья... и шатра лейтенанта Хэйза.

Стоило ему произнести эти слова, как от тропы донеслись чавкающие шаги и вскоре перед нами появился Джейми – усталый, встревоженный и донельзя раздраженный. Священника он так и не нашел.

– Папа! – воскликнула Бри. – Роджер говорит, что видел шерифа, который арестовал отца Кеннета.

– Вот как? – оживился Джейми. – Где?

Он крепко стиснул левую руку в кулак, и я не смогла сдержать улыбку.

– Что тут смешного? – сердито спросил он.

– Ничего-ничего. Вот, съешь кусочек кекса.

Я протянула угощение, и Джейми шустро запихнул его в рот, снова поворачиваясь к Роджеру.

– Где? – невнятно сказал он.

– Я не уверен, что это тот самый человек, – начал Роджер. – Такой маленький, неприметный. Но он уже успел арестовать кого-то из Дранкард-Крика. По-моему, Макленнана.

Джейми закашлялся, куски наполовину разжеванного кекса полетели в разные стороны.

– Он арестовал Макленнана? И ты не вмешался? – Бри смотрела на Роджера в оцепенении. Их обоих не было на завтраке, когда Авель Макленнан рассказывал о своем горе, но Бри с Роджером знали этого горца.

– Я же не мог его остановить, – мягко возразил Роджер. – Окликнул и спросил, не нужна ли Макленнану помощь. Думал позвать твоего отца или Фаркуарда Кэмпбелла. Но Макленнан только посмотрел куда-то сквозь меня, а потом странно улыбнулся и покачал головой. Нельзя же просто взять и ввязаться в драку с шерифом. Если...

– Не с шерифом, – хрипло произнес Джейми. Глаза заслезились, и он опять разразился громким кашлем.

– Это охотник за головами, – пояснила я Роджеру. Чай еще не заварился, но у нас оставался эль, и я вручила мужу глиняную бутылку. – Куда он поведет Абеля? – спросила я. – Ты же говорил, что Хэйзу не нужны заключенные.

Джейми помотал головой, сглотнул и опустил бутылку с облегченным вздохом.

– Не нужны. Мистер Бобл – а это наверняка он – поведет Абеля к ближайшему магистрату. И если малыш Роджер видел его всего пару минут назад, значит, скорее всего, они пойдут к Фаркуарду. На Сбор приехали четыре мировых судьи и три магистрата. На этой стороне стоянка разбита только у Кэмпбелла.

– Слава богу, – вздохнула я. Фаркуард Кэмпбелл судил справедливо; строго следовал закону, но всегда проявлял сострадание – и, что самое главное, он был старинным другом Иокасты.

– Да, надо попросить тетю, чтобы замолвила за него словечко... Пожалуй, лучше сделать это до свадьбы. – Джейми повернулся к Роджеру: – Сходи к ней, Маккензи. А я пойду искать отца Кеннета, а то сегодня вообще никто ни на ком не женится.

Роджер совсем растерялся.

– Кхм... – неловко начал он. – Лучше бы мне пока не разговаривать с миссис Кэмерон.

Во взгляде, которым одарил его Джейми, смешались любопытство и легкое раздражение.

– Это почему же?

Покраснев до кончиков ушей, Роджер пересказал нам свою беседу с Иокастой. Под конец истории его голос сошел на едва различимый шепот.

Тем не менее мы все прекрасно расслышали. Плечи Джейми затряслись, губы дрогнули. Из моей груди тоже вырвался смешок, но он не шел ни в какое сравнение с бурным весельем Джейми. Он смеялся почти беззвучно, однако так сильно, что на глазах выступали слезы.

– Ох, бог ты мой, – всхлипнул он, схватившись за бока. – Кажется, я себе ребро вывихнул.

Потом снял с куста непросохшую пеленку и ничтоже сумняшеся утер ею лицо.

– Ладно, – сказал он, успокоившись. – Тогда иди к Фаркуарду. Если Абель там, скажи Кэмпбеллу, что я готов за него поручиться. И приведи его обратно в лагерь. – Он махнул рукой, и Роджер – лиловый от стыда, но исполненный чувства собственного достоинства – отправился выполнять поручение. Бри последовала за ним, бросив на отца укоризненный взгляд, который, впрочем, не возымел особого действия. Джейми снова рассмеялся.

Я спрятала улыбку за кружкой душистого чая. Предложила чашечку мужу, но он отмахнулся, решив прикончить оставшийся эль.

– Моя тетушка, – заметил Джейми, опуская бутылку, – хорошо понимает, что можно купить за деньги... а чего не купишь ни за какое богатство.

– Получается, она купила бедняге Роджеру добрую славу – и в своих глазах, и в глазах всего Сбора, – сухо ответила я.

Иокаста Кэмерон принадлежала роду Маккензи из Леоха; Джейми как-то сказал, что члены этого семейства «сладкоголосы словно жаворонки летним утром и хитры как лисицы». Быть может, Иокаста действительно сомневалась в чистоте намерений Роджера – или просто хотела погасить вздорные сплетни, которые неизбежно расползлись бы по Кейп-Фиру после его свадьбы с Бри. Так или иначе, замысел оказался весьма успешным, и в эту минуту старушка наверняка сидела у себя в шатре, упиваясь собственной хитростью и предвкушая, как она будет рассказывать друзьям о своем щедром предложении – и об ответе Роджера.

– Бедный Роджер, – согласился Джейми. Губы у него все еще подрагивали. – Бедный, но добропорядочный.

Он осушил бутылку до дна и поставил на стол, удовлетворенно вздохнув.

– Хотя если подумать, – он взглянул на меня украдкой, – из этой затеи и для Роджера вышел толк.

– «Мой сын», – процитировала я, кивая. – Думаешь, он успел осознать свои слова? Успел понять, что действительно любит Джемми как сына?

Муж только неопределенно дернул плечом в ответ.

– Не знаю. Надо бы ему привыкнуть с этой мыслью, прежде чем появится следующий малыш. Тот, в чьем родстве у него не будет сомнений.

Мне на ум пришел утренний разговор с Бри, но я промолчала. В конце концов, это касается только Роджера и Брианны. Я снова кивнула Джейми и принялась убирать припасы со стола.

В животе потеплело, и причина тому заключалась не только в горячем чае. Роджер пообещал, что примет Джемми как родного, кто бы ни был его отцом. Намерение, бесспорно, благородное и искреннее, однако голос сердца порой сильнее любых обещаний.

Когда я, отягченная бременем, прошла через каменный круг, Фрэнк поклялся, что я останусь его женой, что он воспитает моего нерожденного ребенка как собственное дитя – и будет любить меня как прежде. Глас разума приказывал Фрэнку сдерживать все три клятвы, но сердце выбрало только одну. Брианна стала его дочерью в то мгновение, когда он впервые взял ее на руки.

Как бы сложилась жизнь, если бы у нас появился еще один ребенок? Тогда я и помыслить не могла о подобном, однако если допустить хоть на минуту, что... Я медленно вытерла чайник и завернула его в полотенце, пытаюсь представить малыша, который мог бы родиться у нас с Фрэнком... но не родился – и не родится уже никогда. Бережно, словно спящего младенца, я прижала спеленатый чайник к груди.

Джейми стоял позади и смотрел на меня со странным выражением лица – нежным и полным горького сожаления.

– Я тебя когда-нибудь благодарил, саксоночка? – спросил он с хрипотцой в голосе.

– За что? – изумленно переспросила я.

Джейми взял меня за руку и притянул к себе, окружая запахом эля, мокрой шерсти и сладких, вымоченных в бренди цукатов.

– За детей, – тихо ответил он. – За детей, которых ты мне принесла.

Я медленно уткнулась лбом в надежную теплую грудь. Обхватила Джейми за талию и вздохнула.

– Эта доля была мне в радость.

* * *

– Мистер Фрейзер, мистер Фрейзер!

Я подняла голову и увидела летящего вниз по склону мальчонку. Он лихо размахивал руками, чтобы не упасть, и весь раскраснелся от холода и бега.

– Ух! – Последние несколько футов мальчишка пронесся на полных парах, и Джейми едва успел подхватить его на руки. С широкой улыбкой он поднял ребенка перед собой, и я опознала младшего сына Фаркуарда Кэмпбелла.

– Здравствуй, Робби! Что такое? Твой папа хочет, чтобы я забрал мистера Макленнана?

Робби помотал головой, и его непослушные лохмы разлетелись в стороны, как полы пастушьего плаща.

– Нет, сэр! – Он страшно запыхался и говорил, хватая воздух ртом. Горлышко раздувалось от усилий, словно у квакающей лягушки. – Нет! Папа узнал, где священник, и велел отвести вас туда. Пойдемте?

Брови Джейми поползли вверх. Он переглянулся со мной, кивнул и поставил малыша на землю.

– Хорошо, постреленок. Веди!

– Весьма хитрый ход со стороны Фаркуарда, – пробормотала я, и Робби помчался вперед, периодически оглядываясь на нас через плечо – не отстаем ли? Ребенок не мог привлечь излишнего внимания среди других детишек, постоянно сновавших от костра к костру. А вот если бы Фаркуард Кэмпбелл прислал к нам кого-то из своих взрослых сыновей, то его бы заметили сразу.

– Фаркуард отправил ко мне мальчишку – значит, разведал, кто тут замешан, однако хочет остаться в стороне. – Джейми посмотрел на небо и вздохнул с сожалением. – Я, конечно, обещал отыскать священника к заходу солнца... Ох, сдастся мне, что свадьбы сегодня не будет, саксоночка.

Робби вел нас все дальше и дальше, лихо петляя по извилистым дорожкам и притоптанной сухой траве. К вечеру солнце выглянуло из облаков; оно уже почти скрылось за горным кряжем, но теплые закатные лучи еще омывали вершины деревьев, прогоняя дневную прохладу. Семьи собирались у костров, предвкушая сытный ужин, и никто не удостоил нас даже взглядом.

Наконец Робби остановился перед широкой тропой, ведущей вверх по склону и сворачивающей вправо. Исходив за прошлую неделю гору вдоль и поперек, я никогда не забиралась так высоко. Кто же арестовал отца Кеннета – и что Джейми будет делать?

– Вон там. – Робби указал на верхушку шатра, виднеющуюся за сосновыми зарослями.

При виде этого шатра Джейми издал странный сдавленный звук.

– Ага, – тихонько пробормотал он. – Вот оно как...

– Ты о чем? Чей это лагерь? – Я с сомнением осмотрела внушительное сооружение из коричневой вощенной парусины, слабо поблескивающей в вечерних сумерках. Шатер явно принадлежал какому-то состоятельному владельцу.

– Мистера Лиллиуайта из Хиллсборо, – сказал Джейми, нахмурившись в глубоком раздумье. Он погладил Робби Кэмпбелла по голове и достал из споррана пенни. – Спасибо, малыш. Беги к маме. Тебя уже, наверное, заждались к ужину.

Робби, довольный тем, что успешно выполнил важное дело, взял монетку и бесшумно скрылся из виду.

– Ясно. – Я настороженно посмотрела в сторону шатра.

Пожалуй, это многое объясняло. Мистер Лиллиуайт был магистратом из Хиллсборо. Во время Сбора он пару раз попадался мне на глаза – высокий сутуловатый мужчина, выделявшийся в толпе благодаря своей бутылочно-зеленой куртке с серебряными пуговицами. Хотя я знала, как он выглядит, мы не были представлены друг другу официально.

Магистрат отвечал за назначение шерифа, что объясняло связь Лиллиуайта с «гадким толстяком», про которого говорила Марсали, а также то, почему отца Кеннета держали под стражей именно здесь. Однако другой вопрос по-прежнему оставался без ответа: по какой причине шериф взял священника под арест – исходя из собственных соображений или по приказу Лиллиуайта?

Джейми взял меня под руку и отвел с тропы к небольшой сосенке.

– Ты знаешь Лиллиуайта, саксоночка?

– Только в лицо. А что?

Он улыбнулся, и, несмотря на беспокойство за священника, в глазах его мелькнуло мальчишеское озорство.

– Что, уже готова к бою?

– Вполне. Только если ты не предлагаешь мне оглушить мистера Лиллиуайта камнем по голове, чтобы выпустить отца Кеннета. Это скорее по твоей части.

Он рассмеялся и посмотрел на шатер со смутным сожалением.

– Эх, будь моя воля... – вздохнул Джейми, подтвердив мои опасения, и смерил шатер оценивающим взглядом, наблюдая, как парусиновые стенки прогибаются на ветру. – Внутри

наверняка тесновато. Кроме священника туда поместится не больше двух или трех человек. Можно было бы подождать до ночи, позвать на помощь пару ребят, и...

– А от меня-то что требуется? – перебила я Джейми, решив положить конец преступным рассуждениям.

– Хм. – Он отвлекся от плетения коварных интриг – хотя бы на время – и осмотрел меня с ног до головы. Передник, заляпанный кровью после приема больных, остался в лагере, непослушные кудри я подобрала шпильками и в общем и целом вид имела довольно приличный, хотя подол платья был слегка заляпан грязью.

– Случайно, нет с собой лекарственных инструментов? – с сомнением поинтересовался Джейми. – Какого-нибудь флакончика с полосканием или небольшого ножичка?

– Флакончик с полосканием, как же... А, нет, подожди. Вот, есть такой инструмент. Подойдет? – Порывшись в сумке, привязанной к поясу, я отыскала маленькую коробочку из слоновой кости, в которой хранились акупунктурные иглы с позолоченными наконечниками.

Джейми одобительно кивнул и достал из споррана фляжку с виски.

– Да, подойдет. – Он протянул мне фляжку. – Вот, и ее возьми, хотя бы для виду. Иди к шатру, саксоночка, и скажи тому, кто сторожит священника, что он болен.

– Кто, стражник?

– Нет, священник, – ответил Джейми и одарил меня нетерпеливым взглядом. – Всему Сбору известно, что ты знахарка, и каждый знает тебя в лицо. Скажи, что отец Кеннет тяжело болен и ты должна дать ему лекарство, иначе он быстро зачахнет и умрет под арестом. Возражать они вряд ли станут... да и твой вид не вызовет ни у кого опасений.

– Им и не нужно меня опасаться, – ехидно подтвердила я. – Ты же не просишь, чтобы я воткнула свои иголки в сердце шерифа?

Джейми ухмыльнулся.

– Нет, просто хочу выяснить, зачем они схватили священника и что собираются с ним делать. Если я сам заявлюсь к Лиллиуайту с расспросами, он сразу насторожится.

Понятно. И если добытые мной ответы не понравятся Джейми, то диверсионный налет на крепость противника все-таки состоится. Я покосилась на шатер, глубоко вздохнула и поправила шаль на плечах.

– Хорошо. А чем займешься ты?

– А я приведу детей, – сказал Джейми и, сжав напоследок мою ладонь, зашагал по тропе.

* * *

Размышляя над загадочными словами Джейми – каких детей он приведет, зачем? – я приблизилась к откинутому пологу шатра. Все посторонние мысли развеялись, стоило мне увидеть джентльмена, который до того точно попадал под описание Марсали, что у меня даже не возникло никаких сомнений по поводу его персоны. «Гадкий толстяк» – низкорослый, похожий на жабу, с залысинами на лбу и с пузом, распирающим заляпанный жиром льняной жилет, с маленькими выпуклыми глазками, которые следили за мной с пристальным вниманием, будто оценивая на съедобность.

– Доброго дня вам, мэм, – сказал толстяк. Он взирал на меня без особой радости – видимо, счел не слишком аппетитной, – но все-таки отвесил вежливый кивок.

– Доброго дня! – бодро откликнулась я и склонилась в коротком реверансе. Вежливость не повредит, по крайней мере в начале беседы. – Я имею честь говорить с шерифом? Боюсь, нас еще не представили друг другу. Меня зовут миссис Фрейзер. Я жена Джейми Фрейзера из Фрейзер-Риджа.

– Дэвид Анструтер, шериф округа Ориндж. Мое почтение, мэм. – Он снова склонил голову, хотя и без особого пыла. Имя Джейми не произвело на него впечатления. Либо шериф ничего о нем не слышал, что маловероятно, либо ожидал появления посетителей.

Ладно, тогда не имеет смысла ходить вокруг да около.

– До меня дошли вести, что отец Донахью находится у вас, – любезно продолжала я. – Я врач и пришла навестить своего пациента.

Мистер Анструтер не ожидал такого поворота; его челюсть слегка отвисла, демонстрируя сильное нарушение прикуса, запущенное воспаление десен и выбитый зуб. Но прежде чем шериф успел закрыть рот, из шатра вышел высокий джентльмен в бутылочно-зеленой куртке.

– Миссис Фрейзер? – спросил он, приподняв бровь, и церемонно поклонился. – Вы желаете побеседовать со священнослужителем, который находится под арестом?

– Священник, под арестом? – Я изобразила глубокое удивление. – По какой же причине?

Шериф с магистратом переглянулись, и магистрат откашлялся.

– Возможно, вам об этом неизвестно, мэм, но на территории Северной Каролины службу могут проводить только представители государственной церкви – то есть англиканской. Богослужения любой иной церкви запрещены законом.

Такой закон был хорошо мне известен; более того, я знала, что соблюдали его крайне редко, поскольку всех священнослужителей в колонии можно было пересчитать по пальцам, и никто не пытался вести учет странствующим проповедникам, которые путешествовали от поселения к поселению.

– Боже милостивый! – Я пустила в ход весь свой актерский талант. – Нет, я об этом не знала. Надо же, как странно!

Судя по тому, как мистер Лиллиуайт захлопал глазами, мое изумление выглядело вполне натурально. Я откашлялась и достала серебряную фляжку и коробочку с иглами.

– Надеюсь, что это недоразумение прояснится в скорейшем времени. Однако мне бы очень хотелось проведать отца Донахью. Как я говорила, я его врач. Ему в последнее время нездоровится... – Я словно бы невзначай откинула крышку коробочки и показала иглы, позволяя своим зрителям самостоятельно придумать какую-нибудь страшную хворь. – Требуется постоянный уход. С вашего разрешения я бы хотела дать больному лекарство. Пациент не должен страдать из-за неосмотрительности врача.

Я обворожительно улыбнулась.

Шериф втянул шею в воротник куртки, и сходство со злобной жабой стало полным, зато на мистера Лиллиуайта улыбка подействовала должным образом. Поколебавшись, он посмотрел на меня.

– Я не уверен... – начал он, как вдруг со стороны тропы донеслись шаги. Сначала я подумала, что это Джейми решил вернуться, но вместо него из-за поворота вынырнул мой утренний пациент, мистер Гудвин, – рука надежно перевязана, на щеке легкая припухлость.

При виде меня мистер Гудвин тут же рассыпался в сердечных приветствиях, обдавая всех присутствующих облаком алкогольных паров. Кажется, он неукоснительно выполнил все советы о дезинфекции рта.

– Миссис Фрейзер! Что вы здесь делаете? Неужто пришли лечить моего друга Лиллиуайта? Хотя мистеру Анструтеру не помешала бы хорошая чистка организма, чтобы устранить избыток желчи, так сказать. Правда, Дэвид? Ха-ха-ха!

Он дружески хлопнул шерифа по спине; тот перенес такую вольность молча, с едва заметной гримасой, из чего я сделала соответствующий вывод об общественном положении мистера Гудвина в округе Ориндж.

– Джордж, дружище! – душевно поприветствовал его мистер Лиллиуайт. – Вы знакомы с этой милой леди?

– Еще как знаком, сэр! – Мистер Гудвин повернулся ко мне с широченной улыбкой. – Сегодня утром миссис Фрейзер оказала мне огромную услугу! Вот, смотрите!

Он помахал перевязанной рукой, и я с удовлетворением отметила, что движения явно не причиняли ему никакой боли, хотя причина тому крылась, скорее всего, в глубокой алкогольной анестезии, а не в моем врачебном мастерстве.

– Миссис Фрейзер вылечила мне руку всего лишь парой прикосновений и так удачно вырвала сломанный зуб, что я вообще ничего не почувствовал! Гляньте!

Он сунул палец в рот и оттянул щеку, демонстрируя пропитавшуюся кровью вату, торчащую из зубной лунки, и аккуратные черные стежки на десне.

– Поразительно, миссис Фрейзер, просто поразительно! – Лиллиуайт с интересом заглянул мистеру Гудвину в рот, приносясь к запаху гвоздики и виски, и по его надувшейся щеке я заметила, как он трогает языком больной зуб.

– Что вас сюда привело, миссис Фрейзер? – Мистер Гудвин обратил свое дружелюбие на мою скромную персону. – Дело уже к вечеру. Не желаете ли отужинать у моего костра?

– К сожалению, я занята, – ответила я, растягивая губы в слащавой улыбке. – Мне нужно навестить пациента...

– Она хочет повидаться со священником, – перебил Анструтер.

Гудвин удивленно моргнул.

– Со священником? Вы привели сюда священника?

– Паписта, – подчеркнул мистер Лиллиуайт с легким отвращением. – До моего сведения дошли слухи, что на Сборе присутствует католический священник, который намерен свершить мессу во время вечерних празднеств. И я незамедлительно поручил мистеру Анструтеру произвести арест.

– Отец Донахью – мой хороший друг, – решительно сказала я. – Он приехал сюда по приглашению миссис Кэмерон, ни от кого не скрываясь. И ему требуется врачебная помощь. Позвольте мне ее оказать.

– Ваш друг, миссис Фрейзер?.. Вы католичка? – пораженно спросил мистер Гудвин. Он в недоумении потрогал свою щеку: мысль о том, что зуб ему вырвала папистка, не укладывалась у него в голове.

– Совершенно верно, – сказала я, надеясь, что, по мнению мистера Лиллиуайта, это не преступление.

Мистер Гудвин подтолкнул мистера Лиллиуайта локтем.

– Да бросьте, Рэндалл. Позвольте миссис Фрейзер взглянуть на святошу, вреда не будет. И если его вправду пригласила Июкаста Кэмерон...

На мгновение мистер Лиллиуайт задумчиво поджал губы, а потом шагнул в сторону, открывая передо мной полог шатра.

– Полагаю, вреда действительно не будет. Проходите, мадам, навестите своего... друга.

Солнце почти скрылось из виду, и внутри шатра было темно, хотя последние вечерние лучи еще освещали одну из парусиновых стенок. Я на секунду прикрыла глаза, чтобы немного привыкнуть полумраку, а потом моргнула и огляделась по сторонам.

Несмотря на тесноту, походная кровать и прочая полезная утварь намекали на определенную роскошь. В воздухе пахло не только влажной парусиной и шерстью, но и цейлонским чаем, дорогим вином и миндальным печеньем.

На фоне освещенной солнцем стенки виднелся силуэт отца Донахью; он сидел на скамье перед маленьким складным столом, на котором были разложены несколько листов бумаги, чернильница и перо. Напряженно-прямая спина и мученическое выражение лица священника красноречиво говорили о том, что с таким же успехом там могли лежать тиски, клешни и раскаленная кочерга.

У меня за спиной раздалось пощелкивание огнива, и по шатру разлился слабый свет. Чернокожий мальчишка – видимо, слуга Лиллиуайта – молча поставил на стол маленькую масляную лампу.

При свете лампы образ великомученика стал еще красочней. Священник выглядел как святой Стефан после избиения камнями: на подбородке красовался синяк, от надбровной дуги до скулы расплывался огромный лиловый кровоподтек. Веки припухли так сильно, что глаз превратился в узкую щелочку.

Заметив меня, Донахью широко распахнул уцелевший глаз и подскочил на ноги.

– Отец Кеннет! – Я крепко стиснула его руку, залихватски улыбнулась и начала представление для зрителей, стоявших перед входом в шатер. – Я принесла вам лекарство. Как вы себя чувствуете?

Я выразительно пошевелила бровями: подыграйте мне, святой отец! Священник пару секунд зачарованно смотрел на мои гримасы, потом все-таки сообразил, чего я от него хочу. Он громко кашлянул и, воодушевленный моим кивком, зашелся в кашле с удвоенным пылом.

– Ох... вы так добры... миссис Фрейзер, – прохрипел он.

Я открыла фляжку и налила ему щедрую порцию виски.

– Что случилось, святой отец? – шепотом спросила я, протягивая ему «лекарство». – Что у вас с лицом?

– Ничего страшного, миссис Фрейзер, уверяю вас. Сущие пустяки. – От волнения в его голосе проявился легкий ирландский акцент. – Не следовало сопротивляться шерифу во время ареста. Во всей этой суматохе я едва не заехал ему промеж ног, а ведь бедняга просто выполнял приказ. Да простит меня Господь!

Отец Кеннет благочестиво возвел здоровый глаз к небу, но в ухмылке, изгибавшей его губы, не было ни капли раскаяния.

Невысокий и жилистый, священник выглядел старше своих лет из-за долгих изнурительных дней, проведенных в седле. И все же ему было не больше тридцати пяти, а под черным плащом и поношенной сорочкой скрывалось сильное и гибкое, словно хлыст, тело. Я начала понимать, почему шериф держался настолько воинственно.

– Кроме того, – добавил он, осторожно притронувшись к подбитому глазу, – мистер Лиллиуайт принес мне свои искренние извинения.

Священник кивнул в сторону столика, и я заметила, что рядом с письменными принадлежностями стояла откупоренная бутылка вина и оловянный кубок. Бутылка была едва почата, а вино в кубке оставалось нетронутым.

Отец Кеннет взял предложенный мной виски и выпил залпом, мечтательно зажмурившись.

– Лучшее лекарство из всех, что мне доводилось принимать, – сказал он. – Благодарю, госпожа Фрейзер, вы вернули мне силы. Теперь и по воде пройти сумею.

Спохватившись, священник покашлял в кулак – на этот раз совсем тихонько.

– С вином что-то не так? – спросила я, покосившись на вход в шатер.

– Нет-нет. Просто я счел, что в текущих обстоятельствах мне не стоит принимать угощение магистрата. Считайте, совесть не позволила.

Он снова улыбнулся мне, не пряча иронии.

– За что вас арестовали? – прошептала я. Снаружи доносились голоса. Видимо, Джейми оказался прав: я не вызывала ни у кого подозрений.

– За проведение священной мессы. – Отец Кеннет тоже понизил голос. – Но это злейшая ложь. Я не проводил мессы с прошлого воскресенья, да и та была в Вирджинии.

Он окинул фляжку печальным взглядом, и я снова плеснула ему виски.

Пока священник неторопливо смаковал лекарство, я крепко задумалась. Что замышлял мистер Лиллиуайт со своими соратниками? Не могли же они и вправду судить священнослуж-

жителя за проведение мессы! Разумеется, найти лжесвидетелей не составит труда, но какой с этого прок?

И хотя в Северной Каролине католиков недолюбливали, я все равно не могла понять, зачем было арестовывать священника, который собирался покинуть колонию следующим же утром. Отец Кеннет приехал на Сбор из Балтимора – и только потому, что Иокаста Кэмерон попросила его об одолжении.

– Хм! – фыркнула я.

Отец Кеннет вопросительно посмотрел на меня поверх кружки с виски.

– Нет, не обращайтесь внимания. – Я махнула, предлагая ему продолжить свой рассказ. – Вы, случайно, не знаете, знаком ли мистер Лиллиуайт с миссис Кэмерон?

Иокаста Кэмерон была известной состоятельной женщиной с упрямым характером и не без врагов. Неясно, почему мистер Лиллиуайт решил досадить ей таким необычным образом, но...

– Я знаком с миссис Кэмерон, – сказал мистер Лиллиуайт из-за моей спины. – Хотя и не являюсь ее близким другом.

Я развернулась и обнаружила, что магистрат стоит на пороге, а следом за ним толпятся шериф Анструтер, мистер Гудвин и Джейми. Последний посмотрел на меня и приподнял бровь, сохраняя выражение сосредоточенного интереса.

Мистер Лиллиуайт поклонился мне.

– Я только что объяснил вашему мужу, мадам, что я действую исходя из лучших интересов миссис Кэмерон и пытаюсь узаконить положение мистера Донахью, чтобы он мог остаться в колонии. – Мистер Лиллиуайт холодно кивнул священнику. – Однако мое предложение было решительно отвергнуто.

Отец Кеннет поставил кружку на стол и расправил плечи, сверкая неподбитым глазом.

– Мне предложили подписать клятву, сэр, – обратился он к Джейми, указывая на бумагу и перо, лежащие на столе. – Согласно этой клятве, я должен отвергнуть учение о пресуществлении.

– Вот как? – переспросил Джейми с вежливым любопытством, а я наконец поняла, что священник имел в виду, когда говорил о совести.

– Он ведь не может ее подписать, разве нет? – спросила я, окинув взглядом собравшихся здесь мужчин. – Католики... то есть мы, – подчеркнула я, поглядывая на мистера Гудвина, – верим в пресуществление. Так ведь?

Я обернулась к священнику; тот улыбнулся и кивнул в ответ.

Мистер Гудвин бросил на меня грустный взгляд; вызванное алкоголем веселье заметно поубавилось из-за неловкости.

– К сожалению, миссис Фрейзер, таковы правила. Чтобы остаться в колонии на законных основаниях, священник, не принадлежащий англиканской церкви, должен подписать подобную клятву. Иначе нельзя. Многие так и делают. Вы знаете преподобного Урмстона, священника-методиста? Он ее подписал, как и мистер Калверт из баптистской церкви, который живет рядом с Уэйдсборо.

Шериф самодовольно ухмыльнулся. Я подавила желание хорошенько наступить ему на ногу и повернулась к Лиллиуайту:

– Отец Донахью не может подписать эту клятву. Что вы намерены делать? Бросить его за решетку? Но это бесчеловечно... он болен!

Отец Кеннет послушно закашлялся.

Мистер Лиллиуайт покосился на меня с подозрением и предпочел вести разговор с Джейми.

– Я имею полное право заключить этого человека в тюрьму, но не стану так поступать из уважения к вам, мистер Фрейзер, и к вашей тете. Однако завтра утром ему придется поки-

нута колонию. Мистера Донахью доставят в Вирджинию и освободят из-под стражи. Вы можете не волноваться о его судьбе – мы сделаем все возможное, чтобы дорожные тяготы не сказались на здоровье вашего друга.

Он устремил на шерифа холодные серые глаза; тот резко выпрямился, всем своим видом излучая благонадежность, однако выглядело это не очень убедительно.

– Что ж, ясно, – учтиво ответил Джейми. Он перевел взгляд с одного собеседника на другого, потом посмотрел на шерифа в упор. – Надеюсь, вы сдержите свое обещание, сэр. Если святой отец попадет в беду, я буду склонен принять это... весьма близко к сердцу.

Шериф выдержал его взгляд с невозмутимым выражением лица и не отводил глаз, пока мистер Лиллиуайт не откашлялся.

– Даю вам слово, мистер Фрейзер.

Джейми повернулся к нему с легким поклоном.

– Большого я и не прошу, сэр. Однако же не будете ли вы столь любезны отпустить святого отца, чтобы он мог провести вечер в кругу друзей и сердечно с ними попрощаться? Моя жена осмотрит и вылечит его раны, а утром мы снова доставим его к вам. Я за это ручаюсь.

Мистер Лиллиуайт поджал губы и притворился, будто обдумывает слова Джейми, но актер из магистрата был никудышный. Я с удивлением поняла, что он ожидал услышать подобное предложение и заранее собирался ответить отказом.

– Увы, сэр, – начал он, изображая глубокое сожаление. – Боюсь, я не могу удовлетворить вашу просьбу. Если святой отец пожелает отправить кому-нибудь весточку, – он указал на стопку бумаги, – то я непременно прослежу за тем, чтобы письма были доставлены адресатам.

Джейми откашлялся и расправил плечи.

– Что ж, смею ли я попросить... – И смущенно умолк.

– О чем же, сэр? – Лиллиуайт с любопытством посмотрел на Джейми.

– Не позволите ли вы мне исповедаться перед святым отцом?

Джейми разглядывал опору шатра, не желая встречаться со мной глазами.

– Исповедаться? – пораженно переспросил Лиллиуайт, а шериф злорадно прихрюкнул.

– Совесть покоя не дает? – грубо поинтересовался Анструтер. – Или скорую смерть почужили?

Шериф ухмыльнулся, а мистер Гудвин разразился возмущенными протестами в его адрес. Джейми не обратил на них обоих внимания.

– Да, сэр. Понимаете ли, я давненько не был на исповеди и не знаю, когда такая возможность появится снова... – Он наконец посмотрел мне в глаза и быстро кивнул в сторону выхода. – Простите, господа, нам с женой нужно на минуточку отлучиться...

Не дожидаясь ответа, он подхватил меня под локоть и вывел наружу.

– Брианна и Марсали спрятались с детьми у тропы, – прошипел Джейми, когда мы выбрались из шатра. – Проследи, чтобы Лиллиуайт с этим уродцем шерифом отошли подальше, и заводи всех внутрь.

Глубоко пораженная, я осталась стоять на месте, а он нырнул обратно.

– Прошу прощения, джентльмены, – донеслось оттуда. – Не обо всех грехах можно рассказывать в присутствии жены...

Раздалось согласное бормотание; слово «исповедь» прозвучало несколько раз – кажется, это был исполненный сомнения голос Лиллиуайта. Джейми ответил ему раскатистым шепотом. Шериф громко переспросил «Вы... что?», но мистер Гудвин яростно на него шикнул.

После долгих невнятных переговоров послышались шаги; едва я успела спрятаться за сосновыми зарослями, как из шатра вышли три протестанта. День совсем угас, на небе мерцали закатные углы облаков, подсвеченных последними лучами солнца, но мужчины стояли совсем рядом, и я видела, что их обуревают смущение.

Сгрудившись поближе друг к другу, джентльмены погрузились в горячее обсуждение, то и дело бросая взгляды в сторону шатра, откуда доносился голос отца Кеннета, который произносил благословение на латыни. Лампа, бросавшая тени на парусиновые стенки, погасла; силуэты Джейми и священника растворились в исповедальном сумраке.

Анструтер придвинулся к мистеру Гудвину.

– Пресуществление? Что за чертовщина такая? – пробормотал он.

Мистер Гудвин выпрямился и пожал плечами.

– По чести сказать, сэр, я не очень хорошо понимаю значение этого слова, – чопорно объявил он. – Какая-то вредоносная доктрина папистской церкви. Возможно, мистер Лиллиуайт даст более точное определение... Рэндалл?

– Конечно. Это понятие означает, что, когда во время мессы священник произносит молитву, хлеб и вино превращаются в сущность тела и крови Христовых.

– Что? – Анструтер ничего не понял. – Как такое может быть?

– Превратить хлеб и вино в плоть и кровь? – ошарашенно переспросил мистер Гудвин. – Это же самое настоящее колдовство!

– Не беспокойтесь, это все выдумки. – В голосе мистера Лиллиуайта появились обычные человеческие интонации. – Наша церковь утверждает, что подобное превращение категорически невозможно.

– А вы уверены? – подозрительно спросил Анструтер. – Вы видели, как они это делают?

– Доводилось ли мне посещать католическую мессу? Разумеется, нет! – Лиллиуайт выпрямился во весь рост, грозно нависая над шерифом в сгущающейся темноте. – За кого вы меня принимаете, сэр!

– Тише, Рэндалл, шериф не хотел вас обидеть. – Мистер Гудвин положил руку на плечо друга. – По долгу службы ему приходится проявлять практичность.

– Что вы, сэр, не обижайтесь, – торопливо добавил Анструтер. – Я не это имел в виду. Просто... вдруг найдутся добропорядочные свидетели, которые смогут рассказать о подобных злодеяниях перед судом?

Мистер Лиллиуайт держался весьма прохладно.

– Этой ереси не требуются свидетели, шериф. Священники признаются в ней добровольно.

– Нет-нет, конечно же! – Анструтер согнулся в подобострастном поклоне. – Но получается, сэр, что паписты... э-э... участвуют в этом, как его, пресуде...

– Да, все верно.

– Тогда... это же людоедство, чтоб мне провалиться! – Шериф снова выпрямился и воодушевленно продолжил: – А людоедство запрещено законом! Давайте отпустим святошу, пусть идет разводить свои папистские шуры-муры с католиками – тут-то мы их всех и накроем! Упечем за решетку целую толпу, одним махом!

Мистер Гудвин испустил тихий стон, потирая щеку, – видимо, вырванный зуб давал о себе знать.

Мистер Лиллиуайт шумно выдохнул через нос.

– Нет, – сказал он ровным голосом. – Боюсь, ничего не выйдет, шериф. Мне было велено проследить за священником. Он не должен проводить никаких обрядов, и к нему нельзя пускать посетителей.

– А зачем же вы впустили туда Фрейзера? – возмущенно спросил Анструтер, махнув рукой в сторону шатра, откуда доносился неуверенный, едва слышный голос Джейми. Я решила, что он говорит на латыни.

– Это совсем другое дело! – запальчиво ответил Лиллиуайт. – Мистер Фрейзер настоящий джентльмен. Посетители не допускаются, чтобы священник не провел с ними тайный обряд венчания. Согласитесь, сейчас нет никаких поводов для беспокойства.

– Благословите меня, святой отец, ибо я согрешил! – громко сказал Джейми по-английски, и мистер Лиллиуайт вздрогнул от неожиданности. В ответ раздалось вопросительное бормотание отца Кеннета.

– Грехи мои – похоть и нечестивость. И в делах, и в мыслях, – пылко объявил Джейми. Я удивилась: он хочет, чтобы его слышала вся округа?

– Понимаю, сын мой. – Голос отца Кеннета тоже вдруг зазвучал гораздо громче. Говорил он крайне заинтересованно. – В чем же заключался грех нечестивости? И сколько раз ты согрешил?

– Во-первых, я смотрел на женщин с вожделением. А вот сколько раз, я вам сразу и не скажу. С последней исповеди прошло немало времени... пусть будет сто. Надо ли мне перечислить всех женщин и рассказать, что я о них думал, святой отец?

Плечи мистера Лиллиуайта застыли.

– Пожалуй, у нас не хватит на это времени, Джейми, – ответил священник. – Не мог бы ты привести какой-нибудь пример, чтобы я понял... э-э... насколько тяжек твой грех?

– Хорошо, постараюсь, святой отец. Самый тяжкий грех был с маслбойкой.

– С маслбойкой? О, понимаю. Такая высокая и ручка торчком? – Слова отца Кеннета были преисполнены глубочайшего сострадания ввиду чудовищных перспектив для разврата.

– Нет, отец. Маслбойка была в форме бочки – та, которую набок кладут. С маленькой ручкой. Да только эта женщина слишком усердно взбивала масло, и шнуровка у нее на корсаже распустилась. Грудь подпрыгивала туда-сюда, платье прилипло к телу от пота. Маслбойка доставала ей примерно до пояса... такая изогнутая, знаете? Я сразу представил, как нагну красотку через бочку, задеру юбки и...

У меня невольно отвисла челюсть. Это мой корсаж он описывал, мою грудь и мою маслбойку! Не говоря уже о юбках. Я прекрасно помнила тот день; и тогда дело не обошлось одними нечестивыми мыслями.

Бормотание и шорохи снова заставили меня переключить внимание на мужчин, стоявших на тропе. Мистер Лиллиуайт ухватил за руку шерифа, который жадно прислушивался к исповеди Джейми – кажется, даже уши оттопырились, – и с шипением потянул его прочь от шатра. Мистер Гудвин неохотно последовал за ними.

Как ни прискорбно, этот шум заглушил конец истории о прегрешениях моего мужа, а заодно и хруст веток позади меня, оповестивший о прибытии Брианны и Марсали с малышами: Джемми и Джоан спали у матерей на руках, а Жермен цеплялся за спину Марсали, словно мартышка.

– Я уж думала, что они вообще отсюда не уйдут, – прошептала Брианна, выглядывая у меня из-за плеча. – Путь свободен?

– Да, пойдете.

Я протянула руки Жермену, и он послушно склонился ко мне.

– *Où qu'on va, Grand-mère?*¹⁵ – сонно спросил малыш, укладывая белокурую макушку на мое плечо.

– Тш-ш! К бабушке и отцу Кеннету, – прошептала я. – Только совсем тихонечко!

– Вот так вот? – спросил он громким шепотом и начал вполголоса распевать какую-то похабную французскую песенку.

– Тш-ш! – Я зажала ему рот ладонью. Губы у Жермена были мокрыми и липкими. – Не надо петь, милый, а то малыши проснутся.

Марсали сдавленно фыркнула, Бри с трудом подавила смешок, и я наконец обратила внимание на то, что Джейми все еще продолжал свою исповедь. Он явно вошел во вкус и дал волю воображению – во всяком случае, со мной он этим грехам не предавался.

¹⁵ Куда мы идем, бабушка? (фр.)

Я выглянула из зарослей и осмотрелась по сторонам. Поблизости никого не было. Махнув рукой девочкам, я поспешила к темному шатру.

При виде нас Джейми быстро завершил свои красноречивые признания:

– Грех гнева, гордыни и зависти... ах да, еще я порой привирал, святой отец. Аминь.

Он упал на колени, торопливо протараторил молитву о прощении на французском и подскочил на ноги, чтобы забрать у меня Жермена, еще до того, как отец Кеннет произнес «Ego te absolvo»¹⁶.

Глаза постепенно привыкли к темноте, и я начала различать силуэты Марсали и Брианны и рослую фигуру Джейми. Он поставил Жермена на стол перед священником, пробормотав:

– Поторопитесь, святой отец, у нас совсем нет времени.

– Воды у нас тоже нет, – заметил отец Кеннет. – Если только дамы не принесли ее с собой.

Он отыскал огниво и теперь пытался разжечь лампу. Испуганно переглянувшись, Бри с Марсали единодушно помотали головами.

– Не тревожьтесь, святой отец, – мягко сказал Джейми. Я заметила, как он что-то взял со стола; послышался скрип пробки, и через секунду воздух наполнился сладким запахом хорошего виски. Фитиль разгорелся, огонек дрогнул и выпрямился, освещая шатер.

– В сложившихся обстоятельствах... – Джейми протянул фляжку священнику.

Отец Кеннет поджал губы, но я видела, что вся эта ситуация его скорее забавляет.

– Да, в сложившихся обстоятельствах, – повторил он. – Живительный напиток как нельзя лучше подойдет для наших целей.

Священник расстегнул воротник и вытащил из-под рубашки кожаный шнур, на котором болтался деревянный крест и маленькая стеклянная бутылочка, закупоренная пробкой.

– Елей, – пояснил он, открыв бутылочку и поставив ее на стол. – Слава Пресвятой Деве, что он остался при мне. Шериф забрал короб со всеми принадлежностями для мессы.

Он быстро пересчитал все, что было разложено на столе, загибая пальцы.

– Огонь, елей, вода – своего рода – и дитя. Хорошо, тогда приступим. Вы с мужем будете крестными родителями, мэм?

Последний вопрос священник адресовал мне, поскольку Джейми уже занял оборонительную позицию перед входом в шатер.

– Да, для всех детишек, отец, – ответила я, покрепче ухватив Жермена, который собрался прыгнуть со стола. – Постой смирно, милый. Это недолго.

Позади нас раздался свистящий звук – так поет металл, когда его достают из промасленных ножен. Я обернулась и увидела, что Джейми, полускрытый тенью, стоит у порога с кинжалом в руке. Желудок тревожно сжался, а у моего плеча судорожно вздохнула Бри.

– Джейми, сын мой, – с упреком произнес отец Кеннет.

– Начинайте, святой отец, – ответил Джейми с невозмутимым спокойствием. – Сегодня вечером я окрещу своих внуков, и никто не посмеет этому помешать.

Священник втянул воздух и покачал головой.

– Хорошо. Но если ты кого-нибудь убьешь, то мне придется еще раз тебя исповедовать. Прежде чем нас обоих повесят, – пробормотал он, склонившись за елеем. – И если будет выбор, то постарайся первым прикончить шерифа, сын мой.

Отец Кеннет резко перешел на латынь. Он отодвинул густую белокурую челку Жермена, быстро мазнул пальцем по лбу и губам, а потом сунул руку под рубашку мальчика – тот дернулся и захихикал – и коснулся груди, творя крестное знамение.

– От имени этого ребенка отрекаетесь ли вы от сатаны и от всех дел его?

Священник говорил слишком быстро. Я не сразу поняла, что он снова перешел на английский, и едва успела повторить вместе с Джейми надлежащий ответ:

¹⁶ Я прощаю тебя (лат.).

– Отрекаюсь.

Я напряженно прислушивалась к каждому шороху, который мог предвещать возвращение мистера Лиллиуайта и шерифа; в голове проносились картины ужасающей потасовки. Лиллиуайт вряд ли обрадуется, обнаружив, что отец Кеннет проводит «незаконный обряд» в его отсутствие.

Я встретила с Джейми взглядом, и он улыбнулся мне – наверное, хотел успокоить. Но я слишком хорошо знала своего мужа. Он твердо решил окрестить внуков и верить их невинные души Господу, даже если ради этого ему придется расстаться с жизнью – а мы все, включая Брианну, Марсали и детей, отправимся за это в тюрьму. Вот так и появляются на свет великомученики. Их семьям остается только смириться и терпеть.

– Веруете ли вы в Бога Отца, Бога Сына и Бога Святого Духа?

– Упрямец, – беззвучно сказала я Джейми одними губами. Он улыбнулся еще шире, и я повернулась обратно, подхватывая ответ вместе с ним: – Верую.

Там снаружи – шаги или просто вечерний ветер скрипит ветвями?

Вопросы закончились; священник ухмыльнулся и подмигнул мне здоровым глазом. В мерцающем свете масляной лампы он напоминал горгулью.

– Что ж, мэм, полагаю, ваши ответы останутся неизменными и для остальных детишек. Какое же имя мы дадим этому славному малышу?

Не сбиваясь с привычного ритма, отец Кеннет подхватил фляжку и аккуратно полил виски на макушку мальчика:

– Я крещу тебя, Жермен Александр Клодель Маккензи Фрейзер, во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь.

Жермен следил за действиями священника с глубочайшим интересом. Круглые голубые глаза сошлись в кучку, когда янтарная жидкость пробежала по его переносице. С носа сорвалось несколько капель; Жермен поймал их языком и тут же скорчил недовольную рожицу.

– Фу! – четко сказал он. – Конская моча.

Марсали сердито цыкнула, но священник только рассмеялся. Снял Жермена со стола и поманил к себе Бри.

Она подняла Джемми на вытянутых руках, словно собиралась принести жертву. И хотя все ее внимание было сосредоточено на ребенке, Брианна едва заметно повернула голову к выходу. Со стороны тропы доносился шум. Я различала голоса: несколько мужчин переговаривались друг с другом – весело, но без пьяной удалы.

Я замерла на месте, стараясь не смотреть на Джейми. Если они войдут сюда, надо сразу хватать Жермена, выбираться наружу с другой стороны шатра и бежать что есть мочи. На всякий случай я покрепче взяла малыша за шиворот, но потом почувствовала, как рядом пошевелилась Бри.

– Все в порядке, мам, – прошептала она. – Это Роджер с Фергусом.

Она кивнула в сторону темной тропы и снова повернулась к Джемми.

И вправду они. От облегчения у меня закололо в висках. Теперь я узнавала повелительный, чуть гнусавый голос Фергуса, увлеченно разглагольствовавший о чем-то; его собеседник отвечал с раскатистым шотландским акцентом – наверное, Роджер. Вслед за этим раздался высокий, тоненький смешок мистера Гудвина и протяжная, аристократичная речь Лиллиуайта.

Я посмотрела на Джейми. Он все еще сжимал кинжал в кулаке, но рука была опущена, а плечи наконец-то расслабились. Мы улыбнулись друг другу.

Джем осоловело жмурился и не обратил никакого внимания на помазание елеем, зато, когда холодные капли виски коснулись его лба, глаза малыша испуганно распахнулись и он замахал руками с возмущенным писком. Крошечное личико угрожающе суксилось – Джем решал, разревется ему или нет, – и Бри торопливо прижала ребенка поближе к себе.

Она похлопывала Джема по спинке со скоростью ошалевшего барабанщика, тихонько гукая ему в ухо. В конце концов Джемми передумал реветь, засунул в рот палец и наградил всю нашу компанию подозрительным взглядом. К тому времени отец Кеннет уже лил виски на Джоан, спящую у Марсали на руках.

– Я крещу тебя, Джоан Лири Клэр Фрейзер, – сказал он, повторяя имя за Марсали.

Я изумленно вскинула голову. Мне было известно, что она назвала Джоан в честь своей младшей сестры, но я не знала про другие имена. Я смотрела, как Марсали склоняется над ребенком, и в горле поднимался комок. Ее сестренка и мать, Лири, остались в Шотландии. Им вряд ли когда-нибудь доведется встретиться со своей крошечной тезкой.

Ни с того ни с сего глаза Джоан распахнулись, и она пронзительно завопила. Все подскочили так, будто рядом взорвалась бомба.

– Идите с миром и служите Господу! И поторапливайтесь, – напутствовал нас отец Кеннет. Он ловко заткнул пробками бутылочку с елеем и фляжку, замечая следы. С тропы донеслись озадаченные голоса.

Марсали вылетела из-под полога шатра, прижимая Джоан к груди и таща за руку сопротивляющегося Жермена. Брианна задержалась на мгновение, чтобы поцеловать священника в лоб.

– Спасибо, святой отец, – прошептала она и убежала, взмахнув юбками.

Джейми потянул меня за собой к выходу, но напоследок обернулся и шепнул:

– *Rax vobiscum*, святой отец!¹⁷

Отец Кеннет уже сидел за столом, сложив руки перед собой, а на столе снова покоились листы чистой нетронутой бумаги. Он посмотрел на нас и улыбнулся. На лице, несмотря на синяки и кровоподтеки, отражалось глубокое умиротворение.

– *Et cum spiritu tuo*¹⁸, – ответил он и поднял три пальца в жесте прощального благословения.

* * *

– Ну и зачем ты это сделала? – услышала я сердитый шепот Брианны. Они с Марсали шагали чуть впереди нас – быстро идти не получалось из-за детей, – но я с трудом различала укутанные в шали силуэты от кустов, окружавших тропинку.

– Что сделала?.. Жермен, брось сейчас же. Пойдем к папе, хорошо? Нет, не надо тянуть это в рот!

– Ты ущипнула Джоани. Я видела! Из-за тебя нас всех чуть не поймали!

– Мне пришлось ее ущипнуть. Как же иначе-то? – Марсали удивилась таким обвинениям. – И они бы все равно ничего не смогли поделать, крещение ведь уже закончилось. Отец Кеннет не смог бы взять свои слова обратно. – Она хихикнула, а потом переключилась на Жермена: – Жермен, я кому сказала, брось!

– Что значит «тебе пришлось»?.. Ай, Джем, отпусти! Это мои волосы!

Судя по звонким невнятным восклицаниям, Джемми окончательно проснулся и начал проявлять активный интерес к происходящему.

– Она спала! – возмутилась Марсали. – И не проснулась, когда отец Кеннет окропил ее водой... то есть виски. Жермен, сейчас же иди сюда! *Thig air ais a seo!*¹⁹ Плохо, если ребенок во время крещения не завопит. Как иначе узнаешь, что первородный грех вышел наружу? Не могла же я оставить дьявола внутри моей крошки. Да, *mo mhaorine?*

¹⁷ Мир с вами (*лат.*).

¹⁸ И с духом твоим (*лат.*).

¹⁹ Вернись (*гэльск.*).

Донеслись звуки поцелуев и нежное агуканье Джоани; потом Жермен, снова начавший распевать песни, сразу все заглушил.

От удивления Бри громко фыркнула, позабыв о своем раздражении.

– Понятно. Что ж, причина весомая. Хотя я не уверена, что примета сработала с Джемми и Жерменом. Только посмотри на них – вертятся, будто одержимые. Ай! Не надо кусать меня, ты, исчадие ада, я сейчас тебя покормлю!

– Ну, это же мальчишки, – философски заметила Марсали, повышая голос, чтобы перекрыть стоящий гвалт. – Всем известно, что мальчишки – сущие чертенята. Тут одной святой воды мало, даже если она сорокаградусная... Жермен, от кого ты научился такой гадкой песне?!

Я улыбнулась. Рядом со мной тихонько рассмеялся Джейми. Мы уже отошли от места преступления, и можно было не тревожиться о том, что нас услышат. Среди деревьев разносились обрывки песен, звуки скрипки и смех. В сгустившейся тьме ярко горели костры.

Дневные дела закончились, и горцы усаживались поужинать, перед тем как в последний раз навестить друзей. Дразнящие запахи дыма и еды расплзались в холодном воздухе, и мой желудок тихо заурчал в ответ на призывы. Хорошо бы Лиззи уже оправилась от боли и взялась за стряпню.

– Что значит «mo mhaorine»? – спросила я Джейми. – Незнакомое словечко.

– Кажется, «моя милая картошечка», – ответил он. – На ирландском. Марсали услышала это от священника.

Джейми глубоко и удовлетворенно вздохнул.

– Да благословит Святая Дева отца Кеннета. Вот уж ловкий парень. В какой-то момент я подумал, что ничего не выйдет... Глянь-ка, это Роджер и малыш Фергус?

Из лесу вынырнули две тени и присоединились к нашим девочкам. При виде своих отцов оба мальчишки пронзительно завопили, потом раздался приглушенный смех и тихие голоса двух молодых семей.

– Они самые. К слову сказать, мой милый картофель, – начала я, придерживая Джейми под локоть, – зачем ты рассказал отцу Кеннету про маслобойку?

– А разве ты против, саксоночка? – удивленно спросил он.

– Конечно, против!

К щекам прилила кровь – то ли от воспоминаний о Джейминой исповеди, то ли о том самом случае с маслобойкой. По телу разлилось тепло, менструальные спазмы наконец-то утихли; утроба дрогнула в последний раз и расслабилась от сладостного внутреннего жара. Не вовремя и не к месту, но вот вечером, если получится остаться одним... Я торопливо задвинула эту мысль подальше.

– Во-первых, это личное. Во-вторых, какой же это грех? – чопорно отрезала я. – Мы с тобой женаты!

– Я и во лжи на исповеди признался, саксоночка.

В темноте улыбка была не видна, но в голосе Джейми слышались нотки смеха. Как и в моем.

– Пришлось придумать грех, который точно отпугнул бы Лиллиуайта от шатра... Нельзя было признаваться в воровстве или содомии. Вдруг мне еще придется вести дела с этим джентльменом?

– Ты думаешь, что содомия его отпугнула бы, а вот слабость к женщинам в мокрых сорочках выглядит вполне простительно?

Рука у Джейми была теплая. Я дотронулась до внутренней стороны запястья – там, где нежная кожа выглядывала из-под рукава, – и погладила пульсирующую вену, которая тянулась от ладони к сердцу.

– Говори потише, саксоночка, – пробормотал он, тронув мою руку. – Вдруг дети услышат. Да и, кроме того, – Джейми склонился и зашептал мне в ухо, – я питаю слабость не ко всем женщинам. А только к дамам с очаровательной круглой задницей.

Он отпустил мою ладонь и привычно похлопал меня пониже спины. Несмотря на крошечную темноту, Джейми попал по нужному месту с удивительной точностью.

– К тощей женщине я бы не подошел и на пушечный выстрел, даже если бы она разгуливала голышом. А что касается Лилиуайта, – продолжал он серьезным голосом, задумчиво оглаживая мою ягодицу сквозь ткань юбки, – он, конечно, протестант, саксоночка, но при этом все-таки мужчина.

– Я не знал, что это взаимоисключающие условия, – сухо сказал Роджер, появляясь из темноты.

Джейми отдернул руку с моего зада, словно обжегшись. Жаль, что спать мы ляжем еще не скоро.

Легонько стиснув Джейми за укромное местечко и заслужив резкий удивленный вздох, я повернулась к Роджеру, который держал перед собой какой-то большой извивающийся сверток. На поросенка не похоже, решила я, хотя и похрюкивает. Приглядевшись, я различила личико Джемми. Малыш яростно слюнявил папины костяшки; в случайном отблеске света мелькнул розовый кулачок, нацеленный Роджеру прямо в ребра.

Джейми удивленно хмыкнул, ничуть не смущаясь того, что его мнение о протестантах услышал кто-то посторонний.

– Все невесты хороши, отколь берутся злые жены? – процитировал он с резким шотландским акцентом.

– А? – озадаченно откликнулся Роджер.

– Протестанты рождаются со стручком на нужном месте, – пояснил Джейми. – Во всяком случае, мужчины. Да только у некоторых он отсыхает за ненадобностью. Человек, который постоянно сует свой... нос в чужие грехи, сам нагрешить не успеет.

Я тактично закашлялась, чтобы скрыть смех.

– Зато у других стручок растет на зависть. – Роджер говорил еще суше, чем раньше. – Ладно. Я пришел поблагодарить вас... за крещение.

Я заметила короткую заминку. Он все еще не определился, как лучше называть Джейми в лицо. Сам Джейми обычно звал зятя «малыш Роджер», «Роджер Мак» или «Маккензи» – и чуть реже гэльским прозвищем, которое ему дал Ронни Синклер из-за приятного голоса, «а Smedraich». Певчий дрозд.

– Это я должен благодарить тебя, дружище. Если бы не вы с Фергусом, мы бы не справились, – сказал он, тепло рассмеявшись.

Высокий худощавый силуэт Роджера был четко виден в отсветах костра. Он пожал плечами, пересадил Джемми на другую руку и вытер обслюнявленные пальцы о бриджи.

– Да что там, пустяки. Как думаете, что будет со священником? Брианна сказала, что ему крепко досталось. Надеюсь, с ним обойдутся по совести.

Джейми сразу посерьезнел.

– Надеюсь, с ним все будет в порядке... Я перемолвился парой словечек с шерифом.

Конец фразы прозвучал весьма сурово, не оставляя сомнений в том, что Джейми имел в виду. Взятка была бы надежнее, но у нас было ровно два шиллинга, три пенса и девять фартинов. Лучше приберечь деньги и обойтись словесными угрозами, подумала я. И Джейми был со мной согласен.

– Я поговорю с тетей, – сказал он, – и попрошу ее отправить Лиллиуайту записку. Пусть выскажет все, что думает по этому поводу. Такое письмо поможет делу лучше, чем любые мои слова.

– Вряд ли она обрадуется, узнав об отмене свадьбы, – заметила я. Иокаста Кэмерон, дочь шотландского лэрда и вдова зажиточного плантатора, привыкла всегда добиваться желаемого.

– Это точно, – с усмешкой согласился Джейми, – зато Дункан вздохнет с облегчением.

Роджер рассмеялся и зашагал рядом с нами по тропе, засунув сердито фырчащего Джема подмышку, как футбольный мяч.

– Да, бедный Дункан. Значит, свадьбам сегодня не бывать?

Я не видела лица Джейми, но уловила, что он покачал головой.

– Не бывать. Они не отпустили священника, хотя я поручился, что утром приведу его обратно. Можно было бы освободить отца Кеннета силой...

– Ничего не выйдет, – перебила я и рассказала о том, что успела подслушать на тропе у шатра. – Они бы не позволили отцу Кеннету провести венчание, – закончила я. – Всю гору бы прочесали, разыскивая беглеца. Тут бы такой мятеж поднялся...

У шерифа Анструтера нашлись бы сторонники. Джейми с тетей пользовались заслуженным уважением в шотландском обществе, но здесь никто не любил католиков – и католических священников в частности.

– Значит, ему «было велено»? – повторил Джейми. – Ты уверена, саксоночка? Лиллиуайт именно так сказал?

– Да, – откликнулась я и в первый раз за вечер подумала, что это и вправду весьма странно. Шериф получал приказы от магистрата. Но от кого мог получать приказы сам Лиллиуайт?

– На Сбор приехал еще один магистрат. Есть еще парочка мировых судей, но... – медленно проговорил Роджер, качая головой. Его размышления прервало недовольное хныканье. Он склонился к своему отпрыску, и отблеск соседнего костра выхватил из темноты резкий профиль и улыбку. – Что такое? Проголодался? Не плачь, мама скоро придет.

– А где, собственно, его мама? – спросила я, вглядываясь в идущие впереди тени. Поднялся ветер, голые ветви деревьев бряцали у нас над головами, как сабли в бою. И все же Джем вопил достаточно громко, Бри не могла не заметить. Я уловила голос Марсали, увлеченно беседующей с Жерменом и Фергусом на тему ужина, однако низких, хрипловатых интонаций Брианны не было слышно.

– Почему? – спросил Джейми Роджера, стараясь перекричать ветер.

– Что «почему»? Джем, смотри-ка сюда! Хочешь эту штуковину? На, погрызи немножко. – В свободной руке Роджера блеснуло что-то металлическое. Плач Джемми разом прекратился, и за ним последовало громкое чавканье и причмокивание.

– Что ты ему дал? Не проглотит? – встревоженно спросила я.

– Нет, это цепочка для часов. Не беспокойтесь, – заверил меня Роджер. – Я ее крепко держу. Если проглотит, вытащу обратно.

– Почему кто-то пытается помешать твоей свадьбе? – терпеливо произнес Джейми, не обращая внимания на опасность, которой подвергалась пищеварительная система его внука.

– Помешать моей свадьбе? – удивился Роджер. – Да кому это нужно? Женат я или не женат – только моя забота. Ну, может, еще и ваша, – добавил он с усмешкой. – У ребенка должен быть отец, который даст ему имя. К слову об имени... – Роджер обернулся ко мне. Ветер тут же растрепал ему волосы, отчего темный силуэт стал казаться взъерошенным и зловещим. – Какое имя получил Джемми во время крещения?

– Джеремая Александр Иэн Фрейзер Маккензи, – сказала я, надеясь, что ничего не перепутала. – Ты так и хотел его назвать?

– Я ни на чем не настаивал, – ответил Роджер, аккуратно пробираясь вокруг большой лужи, перекрывшей тропу. Снова начал накрапывать дождь; я чувствовала, как мне на лицо падают прохладные капли, и видела пузырьки на поверхности воды. – Я хотел, чтобы его

назвали Джеремаей, остальные имена выбирала Бри. Она не могла решить, что лучше: Джон в честь Джона Грея или Иэн в честь ее кузена. Хотя Иэн – это тот же Джон, только на гэльском.

И снова я заметила короткую заминку в голосе Роджера и почувствовала, как напряглась рука Джейми под моей ладонью. Воспоминания о его племяннике, Иэне, были слишком болезненны и свежи в памяти из-за недавно полученного письма. Должно быть, именно оно и определило решение Брианны.

– Если дело не в тебе и Бри, – упрямо продолжал Джейми, – то в ком? В Иокасте и Дункане? Или в той паре из Бремертона?

– Думаете, кто-то специально решил сорвать сегодняшние венчания? – Роджер торопливо переключился с Иэна на тему свадьбы. – А может, здесь просто не любят папистов?

– Вряд ли. Слишком долго они тянули с арестом священника. Подожди, саксоночка, я тебя перенесу.

Джейми обошел лужу, протянул ко мне руки, подхватил за талию и перенес на другую сторону – только юбки взметнулись. Под ногами чавкнули скользкие листья, но я уцепилась за мужа, удерживая равновесие.

– Нет, – продолжал Джейми. – Лиллиуайт и Анструтер с католиками не дружат, но зачем устраивать суматоху под самый вечер? Священник все равно собирался уезжать. Решили, что за ночь он совершит всех богобоязненных горцев на Сборе?

Роджер рассмеялся.

– Согласен, не похоже на правду. Чем еще хотел заниматься отец Кеннет? Помимо венчания и крещения.

– Пара-другая исповедей, – предположила я, ущипнув Джейми за руку. – Больше, пожалуй, ничем.

Внезапно я почувствовала, как пеленка, уложенная у меня между ног, поползла в сторону. Кажется, одна из булавок расстегнулась, когда Джейми перетаскивал меня через лужу. Неужели я ее потеряла?

– Может, они не хотели, чтобы святой отец услышал чью-нибудь исповедь? – неуверенно спросил Роджер.

Джейми внимательно обдумал его слова.

– Мне-то никто не мешал. Да и не станет Лиллиуайт переживать за грехи католиков – на его взгляд, мы все обречены на муки вечные. Хотя если они знали, что кому-нибудь на Сборе срочно понадобится исповедь, и решили извлечь из этого выгоду...

– Думаешь, они собирались взимать плату со страждущих грешников? – фыркнула я. – Джейми, мы про шотландцев говорим. Если за исповедь придется платить звонкой монетой, то твой католический убийца или прелюбодей обойдется одной молитвой да понадеется на милость божью.

Джейми тихо фыркнул, и дыхание белым облачком зависло у него над головой, как дым от погасшей свечи. Холодало.

– Да уж, – сухо сказал он. – И если Лиллиуайт хотел на этом подзаработать, то он слишком поздно взял священника под стражу. Но что, если они хотели не помешать исповеди, а подслушать ее?

Такая идея вызвала у Роджера явное одобрение.

– Шантаж? Да, вполне возможно.

Кровь всегда берет свое, подумала я. Несмотря на оксфордское образование, Роджер был шотландцем до мозга костей.

Тут у него под локтем началась отчаянная возня, а через секунду раздался громкий вопль Джема. Роджер посмотрел вниз:

– Что, уронил свою игрушку? И куда же?

Он вскинул Джема на плечо, как связку грязного белья, и присел, обшаривая тропу в поисках цепочки.

– А мне кажется, это слегка притянута за уши, – возразила я, шмыгая носом от холода. – Вот, например, заподозрили они, что Фаркуард Кэмпбелл совершил ужасное преступление. Тогда почему не арестовать его сразу? Слишком уж коварный план получается. Роджер, поищи там заодно и булавку – я только что потеряла.

– Лиллиуайт и Анструтер англичане, – ехидно ответил Джейми, и Роджер рассмеялся. – Коварство и обман – их вторая натура. Разве не так, саксоночка?

– Ерунда, – миролюбиво откликнулась я. – На себя бы посмотрели. Кроме того, твою исповедь они не подслушивали.

– А меня не за что шантажировать, – возразил Джейми, но было видно, что спорит он исключительно ради азарта.

– Даже если так... – начала я, но не успела закончить фразу. Джем заметался у Роджера на руках, то и дело издавая пронзительные вопли. Роджер охнул, подхватил что-то с земли и выпрямился.

– Вот ваша булавка. Только цепочки нигде нет...

– Ничего, утром кто-нибудь найдет. – Пришлось поднапрячь голос, чтобы перекрыть поднявшийся гвалт. – Давай-ка его сюда.

Я протянула руки, и Роджер с явным облегчением передал мне свою ношу. И понятно почему – от подгузника снова нехорошо пахло.

– Что, опять? – воскликнула я. Джем, по всей видимости, счел эти слова личным оскорблением и завыл, как сирена воздушной тревоги.

– Где Бри? – спросила я. Успокоить малыша, удерживая его на приличном расстоянии, – задача нелегкая. – Ай!

Складывалось ощущение, что в темноте Джемми успел отрастить себе пару новых конечностей и теперь отчаянно хватался ими за все подряд.

– Да так, пошла уладить одно дельце, – неопределенно ответил Роджер, отчего Джейми сразу насторожился. Свет озарил его лицо, блики пламени скользнули по длинному носу, и я заметила, как нахмурились густые рыжие брови. Все ясно, Джейми почуял подвох. Он повернулся ко мне с вопросительным взглядом: знаю ли я, что затевают дети?

– Понятия не имею. Надо сходить к Макаллистерам за чистым подгузником. Мы с Джемми вас догоним.

Не дожидаясь ответа, я покрепче ухватила малыша и свернула в заросли. До лагеря Макаллистеров было рукой подать. Четыре дня назад у Джорджианы родились близнецы, которым я помогла появиться на свет. Она с радостью одолжила мне чистые пеленки и указала на укромные кустики, где можно было спокойно оправить юбки. Покончив со своими делами, я подошла полюбоваться новорожденными и завела разговор с хозяйкой. Мысли о сегодняшних откровениях не давали мне покоя: лейтенант Хэйз со своей прокламацией, интриги Лиллиуайта, тайные дела Брианны и Роджера – куда ни ступи, сплошные заговоры.

Хорошо, что мы успели окрестить детей! Удовлетворение, охватившее меня, было неожиданным и глубоким, хотя отмена свадьбы изрядно подпортила радостный настрой. Бри не жаловалась, но я знала, с каким нетерпением они ждали благословения церкви. На моем пальце немым укором сверкнуло золотое кольцо, и я мысленно развела руками в сторону Фрэнка.

«И что я, по-твоему, должна сделать?» – спросила я про себя, а вслух горячо согласилась с Джорджианой по поводу лечения глистов.

– Мэм? – Одна из старших дочек Макаллистера взялась менять Джемми пеленки и теперь обращалась ко мне, держа перед собой что-то скользкое и длинное. – Эта вещица была у него в подгузнике. Наверное, она принадлежит вашему мужу?

– Господи! – На мгновение я перепугалась, что Джемми все-таки проглотил цепочку для часов, но потом одернула себя. Из детского пищеварительного тракта – даже из самого активного – твердый объект выходит только через несколько часов, так что, скорее всего, Джем просто уронил игрушку в пеленку.

– Дай-ка сюда, милая.

Мистер Макаллистер забрал цепочку, слегка сморщив нос; вытащил из-за пояса носовой платок, тщательно ее вытер, и в свете костра блеснули серебряные звенья с маленькой подвеской, на которой виднелся какой-то герб.

Окинув подвеску мрачным взглядом, я решила устроить Роджеру хорошую взбучку: кто же дает такое ребенку? Слава богу, что она не отвалилась.

– Да это же цепочка мистера Колдуэлла! – Джорджиана, кормившая близнецов, с любопытством склонилась к мужу.

– Точно? – спросил он, прищурившись, и потянулся за очками.

– Точно-точно! Схватки у меня начались прямо на воскресной проповеди. Пришлось уйти пораньше, а священник заметил, что я встала, и тут же полез в карман за часиками. Наверное, решил, что затянул свою речь... Вот тут-то я и увидела этот блестящий кругляш.

– Это не кругляш, а печать, дорогая моя, – сообщил ей муж, водрузив на нос очки-полумесяцы. – Но ты права, цепочка действительно принадлежит мистеру Колдуэлла. Видишь?

Мозолистый палец коснулся герба на печати: жезл, открытая книга, колокол и дерево, стоящие на спине у рыбы, которая сжимала во рту кольцо.

– Герб Университета Глазго. Мистер Колдуэлл – человек ученый, – сказал Макаллистер, почтительно округлив голубые глаза. – Ездил туда, чтобы стать проповедником. И хорошо же у него получается!.. Эх, Джорджи, ты самое интересное пропустила! – добавил он, повернувшись к жене. – Мистер Колдуэлл так раздухарился, пока говорил о мерзости запустения и гнев Господнем, что его чуть удар не хватил. Я уж не знал, к какому лекарю бежать: Мюррей Маклауд для него все равно что еретик, потому как ходит в баптистскую церковь, – пояснил Макаллистер, – а миссис Фрейзер католичка. Да и занята она была тогда, с тобой и детишками.

Он погладил одного из близнецов по макушке; младенец не обратил на ласку никакого внимания, продолжая сосредоточенно причмокивать.

– Ха! Мне не до того было. Лопни мистер Колдуэлл, я бы и глазом не моргнула, – искренне ответила его жена, устраивая малышей поудобнее. – Лично я считаю, что повитуха должна уметь детей принимать и кровь останавливать, а уж индианка она или англичанка – дело десятое... Ой, прошу прощения, миссис Фрейзер.

Я пробормотала что-то приличествующее случаю и отмахнулась от извинений Джорджианы.

– Значит, мистер Колдуэлл – проповедник? – спросила я. Картина складывалась весьма подозрительная.

– Да. Лучший из всех, кого я слышал, – уверил меня мистер Макаллистер. – А слышал я немало. Вот мистер Урмстон, к примеру, хорошо про грехи рассказывает, с чувством. Но ему уже много лет, голос охрип от натуги, потому на проповеди приходится садиться поближе. А это, знаете ли, опасно: начинает-то он с тех грехов, в которых повинны сидящие в первом ряду. Есть еще священник-баптист, но он совсем плох, голосок слабый.

Мистер Макаллистер отверг несчастного проповедника с видом искушенного знатока.

– Мистер Вудмейсон тоже ничего, только держится слишком чопорно – англичанин, что с него взять. Уж какой дряхлый старик, а еще ни одной проповеди не пропустил. Что касается молодого мистера Кэмпбелла из Барбекю...

– Малыш совсем изголодался, мэм, – вмешалась девушка, баюкавшая Джемми. И правда, он уже раскраснелся от плача. – Может, покормить его овсянкой?

Я покосилась на котелок, висевший над очагом; каша в нем кипела и булькала, так что можно было не беспокоиться из-за микробов. Вытащив из кармана относительно чистую роговую ложку, я вручила ее девочке.

– Спасибо тебе большое. А мистер Колдуэлл – он, часом, не пресвитерианец?

– Верно! Вы про него слышали, миссис Фрейзер?

– Сдается мне, что мой зять с ним знаком, – сказала я с усмешкой.

Джорджиана рассмеялась.

– Скорей уж ваш внук. – Она кивнула на цепочку, лежавшую в широкой ладони мистера Макаллистера. – Детки, как сороки, хватают все блестящее.

– Это точно, – тихо ответила я, не отводя глаз от серебряного металла. История со свадьбой предстала передо мной в новом свете. Если Джемми стащил цепочку из кармана мистера Колдуэлла, то произошло это явно до того, как мы отправились крестить детей.

Но Бри с Роджером узнали об аресте отца Кеннета гораздо раньше, и времени у них было достаточно. Пока мы с Джейми разбирались с Розамундой, Ронни и прочими бедами, Роджер вполне мог сходить к пресвитерианскому проповеднику, мистеру Колдуэллу, захватив с собой Джема.

И как только он убедился в том, что католический священник не сможет провести венчание, Брианна сбежала куда-то по своим неведомым «делам». Что ж, если отец Кеннет изъявил желание побеседовать с женихом-пресвитерианцем, то и мистеру Колдуэллу наверняка потребовалось перемолвиться парой слов с невестой-католичкой.

Джем накинулся на овсянку с жадностью оголодавшей пираньи, так что о возвращении в лагерь не могло быть и речи. И хорошо. Пусть Брианна расскажет новости своему отцу: свадьба состоится, со священником или без него.

Я расправила юбки, чтобы просушить намокший подол; пламя отражалось в обоих кольцах на моей руке. Стоило вообразить, что скажет Джейми, как к горлу подкатывал смех. Я подавила неуместное веселье и обратилась к Макаллистеру:

– Можно я заберу цепочку? Мы с мистером Колдуэллом еще увидимся сегодня вечером.

Глава 14

Лунный свет на свадьбе – добрая примета

Нам повезло. Дождь закончился, и сквозь рваные тучи выглянула серебристая луна – кривобокая, но яркая, поднимавшаяся над склоном Черной горы. Отлично подходит для свадьбы в узком семейном кругу.

Завидев Дэвида Колдуэлла, я вспомнила, что уже встречала этого невысокого представительного джентльмена, который умудрялся оставаться крайне опрятным, несмотря на целую неделю, проведенную у походных костров. Джейми тоже был с ним знаком и питал к священнослужителю глубокое уважение. Однако когда преподобный Колдуэлл подошел к костру, сжимая в руке потертый молитвенник, Джейми едва заметно стиснул зубы. Я пихнула его локтем, и лицо мужа тут же превратилось в непроницаемую маску.

Роджер бросил взгляд в нашу сторону, потом снова повернулся к Бри. На его губах мелькнула улыбка – или, может, просто игра теней. Джейми шумно выдохнул через нос, и я снова ткнула его под ребра.

– Ты уже окрестил детей, – напомнила я. В ответ он лишь слегка приподнял подбородок. Брианна с тревогой посмотрела на нас.

– А разве я возражаю?

– Абсолютно приличная христианская церемония.

– Я хоть словечко против сказал?

– Тогда улыбнись, черт бы тебя побрал! – прошипела я.

Джейми снова выдохнул, и на его лице расплылась улыбка, выражавшая безграничный восторг на грани слабоумия.

– Так лучше? – спросил он, радостно сверкая зубами.

Дункан Иннес повернулся к нам, вздрогнул и торопливо отвел глаза, сказав что-то стоявшей у костра Иокасте. Белые волосы миссис Кэмерон мерцали в свете огня, глаза закрывала темная повязка. Позади нее замер Улисс; в честь венчания он даже надел свой напудренный парик – в темноте я различала белое пятно, висевшее в воздухе над плечом Иокасты. Потом пятно медленно повернулось в нашу сторону и внизу блеснули глаза.

– Кто это, Grand-mère?

Жермен, вновь сбежавший от родителей, выглянул из-за моих юбок и ткнул пальцем в сторону преподобного Колдуэлла.

– Это пастор, солнышко. Тетя Бри и дядя Роджер собираются пожениться.

– C'est quoi пастор?

Я уже набрала в грудь воздуха, но Джейми меня опередил:

– Кто-то вроде священника. Но не совсем священник.

– Плохой священник? – Интерес Жермена к преподобному Колдуэллу заметно возрос.

– Нет-нет, – сказала я. – Понимаешь, малыш, мы католики, а дядя Роджер пресвитерианец...

– То есть еретик, – услужливо подсказал Джейми.

– Нет, не еретик. Милый, Grand-père просто шутит. Пресвитерианцы – это...

Но Жермен уже не слушал мои объяснения и с любопытством разглядывал лицо Джейми.

– А почему Grand-père корчит рожицы?

– Потому что мы очень счастливы, – ответил Джейми, продолжая благодушно улыбаться.

– А-а-а. – На подвижной мордашке Жермена мгновенно появилось точно такое же выражение: широкая ухмылка, стиснутые зубы, выпученные глаза. – Вот так?

– Да, милый, – едко сказала я. – Именно так.

Марсали посмотрела на нас, моргнула и подергала Фергуса за рукав. Фергус прищурился.

– Папа, мы счастливы! – Жермен указал на свою сияющую улыбку. – Видишь?

Губы Фергуса дрогнули, и он перевел взгляд на Джейми. Пару мгновений его лицо осталось неподвижным, а потом расплылось в таком же неискреннем белозубом оскале. Марсали пнула его в лодыжку. Фергус поморщился, но улыбаться не перестал.

По другую сторону костра Брианна и Роджер разговаривали с преподобным Колдуэллом. Бри обернулась, отбрасывая волосы, заметила стройный ряд широченных улыбок и застыла от удивления. Я только пожала плечами.

Брианна стиснула губы, но ее плечи затряслись от сдерживаемого смеха. Рядом со мной мелко дрогнула рука Джейми.

Преподобный Колдуэлл вышел вперед, заложил молитвенник пальцем, нацепил очки и радушно улыбнулся собравшимся. Встретив вереницу ехидных лиц, он только изумленно моргнул.

Наконец пастор откашлялся и открыл книгу.

– Возлюбленные братья и сестры, сегодня мы собрались здесь перед лицом Господа...

Я почувствовала, как Джейми слегка расслабился, прислушиваясь к незнакомым словам. Наверное, ему еще не доводилось участвовать в протестантском обряде – если не считать того крещения, которое Роджер провел среди могавков. Как и всегда, вспомнив о юном Иэне, я закрыла глаза и быстро вознесла за него молитву.

– Вспомним же о том, что Господь установил брак и благословил его для счастья рода человеческого...

Открыв глаза, я увидела, что внимание всех собравшихся было сосредоточено на Роджере и Брианне. Они стояли лицом друг к другу и держались за руки. Красивая пара: почти одного

роста, она светлая, а он темный, словно фотография и негатив. В чертах лица не было ничего общего, но фигуры отличались гордыми изгибами и смелой статью, доставшимися им обоим в наследство от клана Маккензи.

Я бросила взгляд через языки пламени – туда, где стояла Иокаста, такая же гордая, рослая и красивая. Она жадно впитывала каждое слово, обратив слепое лицо в сторону пастора, потом опустила руку на плечо Дункана, и длинные белые пальцы бережно сжались. Преподобный Колдуэлл предлагал обвенчать их, но Иокаста предпочла дожидаться католической церемонии.

– Нам же некуда торопиться, правда, милый? – спросила она Дункана, хотя ее показное почтение никого не смогло обмануть. И все же перенос свадьбы не сильно расстроил ее жениха – скорее он вздохнул с облегчением.

– Устами своих апостолов повелел Он брачующимся чтить и любить друг друга...

С удивительной нежностью Дункан накрыл ладонь Иокасты своей. «И пусть в этом браке не будет любви, – думала я, – зато он исполнен почтения».

– Призываю вас обоих перед лицом Господа Всемогушего: если вам известны причины, по которым вы не можете сочетаться в законном браке, сознайтесь в них, ибо не будет благословлен союз, нарушающий Слово Божие.

Преподобный Колдуэлл замолчал и перевел взгляд с Роджера на Брианну. Роджер слегка покачал головой, не отрывая глаз от Бри. Она слабо улыбнулась в ответ, и пастор продолжил.

На лицах зрителей не осталось ни следа от прежнего веселья; в воздухе раздавался только тихий голос преподобного да потрескивание костра.

– Роджер Джеремая, берешь ли ты эту женщину в жены, чтобы жить с ней в любви и верности, служить ей, лелеять и почитать ее по Закону Божьему в священных узах брака?

– Да. – Голос у Роджера был хриплым и низким.

Справа от меня раздался глубокий вздох, и Марсали с мечтательной улыбкой положила голову Фергусу на плечо. Он нежно поцеловал жену в лоб, а потом прижался щекой к ее макушке, покрытой белым керчем.

– Да, – четко произнесла Брианна в ответ на слова пастора.

Мистер Колдуэлл обвел благодушным взглядом всех собравшихся, и стекла его очков блеснули в свете огня.

– Кто отдает эту женщину в жены?

Повисло секундное молчание. Джейми, не ожидавший вопроса, вздрогнул, и я крепко сжала его ладонь. На золотом кольце сверкнул отблеск пламени.

– Я отдаю, разумеется! – сказал он. Глаза Брианны потемнели от нежности, она улыбнулась отцу. Он тоже улыбнулся, заморгал, потом откашлялся и стиснул мою руку.

Молодые начали произносить клятвы, а у меня перехватило горло от воспоминаний о собственных свадьбах. Интересно, что чувствует Иокаста? Она выходила замуж трижды. Какие отголоски прошлого слышались ей в этих словах?

– Я, Роджер Джеремая, беру тебя, Брианна Эллен, в законные жены...

Нас окружали сияющие лица. Мистер и миссис Баг смотрели друг на друга нежно и преданно. Мистер Уэмисс стоял рядом с дочерью, склонив голову и закрыв глаза; на лице его смешались радость и грусть – наверное, думал о жене, умершей много лет назад.

– В богатстве и в бедности...

– В горе и в радости...

– В болезни и в здравии...

Лиззи завороченно смотрела на разворачивающееся перед ней таинство. Скоро ли наступит ее черед? Скоро ли она встанет перед свидетелями и принесет клятву с благоговейным трепетом?

Джейми потянулся за моей правой рукой, переплетая наши пальцы. В свете костра серебряное кольцо полыхнуло алым. Я видела в глазах Джейми отражение обещаний, что звучали в моей душе.

– Пока смерть не разлучит нас.

Глава 15

Пламя клятвы

Большой костер Сбора пылал до небес, влажные дрова оглушительно потрескивали, словно далекие ружейные залпы на горном склоне, но не мешали веселью.

Отказавшись от собственного венчания, Иокаста устроила щедрый пир в честь Роджера и Брианны. Вино, эль и виски лились рекой под чутким взором Улисса, чей белый парик мелькал в толпе, как неутомимая мошка перед свечой.

Несмотря на холод и тяжелые тучи, нависшие над головой, к костру пришла по меньшей мере половина горцев со Сбора. Они лихо отплясывали под звуки скрипки и губной гармошки, налетали на ломящиеся от угощений столы, словно голодная саранча, и так азартно пили за здоровье новобрачных и еще не поженившихся, что Роджер, Бри, Иокаста и Дункан должны были прожить не меньше тысячи лет.

Да и я сама чувствовала себя так, будто жизнь едва началась. Никакой боли и тревог, только головокружительная радость бытия и безграничная свобода.

По другую сторону костра Роджер играл на одолженной у кого-то гитаре, выводя серенаду в кругу восторженных слушателей. Чуть ближе ко мне сидели Дункан и Иокаста, погруженные в беседу со своими друзьями.

– Мадам? – У моего локтя возник Улисс с подносом в руках. Он был наряжен в ливрею и вел себя так, будто мы сидели в гостиной «Горной реки», а не в промозглой лесной чаще.

– Спасибо. – Я взяла оловянный кубок, полный янтарной жидкости. Бренди, да какой хороший! Отпила глоточек, наслаждаясь терпким ароматом. Но прежде чем я успела снова поднести кубок к губам, в праздничном веселье наступило внезапное затишье.

Джейми обвел взглядом пирующих, поднялся и протянул мне руку. Справившись с удивлением, я торопливо поставила кубок Улиссу на поднос, пригладила волосы, поправила косынку на шее и подошла к мужу.

– Thig a seo, a bhean uasa, – сказал он с улыбкой. «Иди сюда, жена». Потом мотнул головой, подзывая остальных. Роджер тут же отложил гитару, аккуратно накрыл ее парусиной и протянул руку Бри.

– Thig a seo, a bhean, – повторил он вслед за Джейми. Бри удивилась, но встала, прижимая Джема к себе.

Джейми ждал, и постепенно, один за другим, остальные тоже поднялись с мест и принялись отряхивать сосновые иголки с одежды, пересмеиваясь и озадаченно поглядывая в его сторону. Танцоры и скрипачи остановились и с любопытством подошли к нам.

Джейми повел меня за собой – туда, где плясало пламя большого костра, – и горцы потянулись следом, тихонько переговариваясь. Муж остановился на самом краю поляны. В тених мелькали смутные силуэты. Но вот на фоне огня застыла мужская фигура с поднятой рукой.

– Мензисы здесь! – крикнул горец и бросил ветку в костер. Слова были встречены радостными воплями шотландцев из его клана.

Следом за ним вышел еще один – Макбин, и еще один – Огилви. Потом наступила наша очередь.

Джейми шагнул вперед, к отсветам огня. Костер был сложен из дубовых и сосновых бревен, языки пламени поднимались выше человеческого роста – прозрачно-желтые, чистые

и яростные, отливающие белизной на фоне глубокого темного неба. На лице, вскинутой голове и плечах Джейми играли яркие блики, а тень его растянулась почти до середины поляны.

– Мы собрались здесь, чтобы повидаться со старыми друзьями, – заговорил он по-гэльски. – Повстречать новых... и вместе с ними строить новую жизнь на новой земле.

Его голос звучал четко и глубоко. Последние обрывки разговоров затихли, и народ начал сдвигаться поближе к костру, вытягивая шеи.

– Наш путь был нелегким.

Он медленно повернулся, обводя взглядом всех и каждого. Здесь было много узников Ардсмур: я заметила трех братьев Линдси, уродливых, словно жабы, хитрую мордочку Ронни Синклера с зализанными рыжими волосами, римский профиль Робина Макгилливрея. Блики пламени выхватывали лица из темноты, скользя по бровям и переносицам.

Не знаю, что было тому виной – выпитый бренди или прилив чувств, – но за спинами этих людей я видела ряды призраков: семьи и друзья, оставшиеся в Шотландии. Живые и мертвые.

На лице Джейми залегли глубокие тени; свет костра проявил на его челе следы времени и страданий, как на источенных ветром и дождем скалах.

– Многие из нас погибли в бою. – Голос был едва слышен. – Многие сгорели в огне. Многие умерли от голода. Кто-то сгинул в море, кто-то скончался от болезней и ран... А кто-то умер от горя.

Джейми посмотрел за пределы огненного круга – быть может, искал Абея Макленнана. Потом поднял чашу над головой и замер так на мгновение.

– Sláinte!²⁰ – Шепот разнесся по нашим рядам, словно ветер.

– Sláinte! – эхом откликнулся Джейми и наклонил чашу, проливая бренди в огонь. Капли полыхнули синим пламенем и с шипением испарились.

Он помолчал пару мгновений, опустив кубок и склонив голову, потом обратился к Арчи Хэйзу, стоявшему по другую сторону костра. Круглое лицо лейтенанта не выражало никаких эмоций; на рубашке сверкал серебряный нагрудный знак и брошь его отца.

– Оплакав погибших, мы должны воздать почести тем, кто сражался наравне с ними – и вернулся домой живым.

– Sláinte! – громко подхватил хор мужских голосов.

Джейми на секунду прикрыл глаза и развернулся к Брианне, которая стояла рядом с Лиззи и Марсали, так и не выпустив из рук сына. Резкое, волевое лицо Джейми казалось еще суровее на фоне детской пухлощечкой невинности и нежных глаз молодых матерей – однако под этой хрупкостью таился такой же несокрушимый шотландский гранит.

– Мы воздаем почести нашим женщинам, – сказал Джейми, подняв чашу, и повернулся сначала к Брианне, потом к Марсали, потом ко мне. Его губы тронула слабая улыбка. – Ибо в них наша сила. И наша месть, что настигнет врагов, хотя еще спит в своей колыбели. Sláinte!

Под крики толпы он осушил деревянную чашу и швырнул ее в огонь; пару секунд она лежала неподвижно, а потом взорвалась языками огня.

– Thig a seo! – позвал он, протягивая мне руку. – Thig a seo, a Shorcha, nighean Eanruig, neart mo chridhe.

«Иди ко мне. Иди ко мне, Клэр, дочь Генри, радость моего сердца».

Не чуя под собой ног и запинаясь о чужие ботинки, я пробралась к мужу. Он стиснул мою ладонь холодными сильными пальцами.

Джейми повернулся; искал Бри? Нет... Он протянул другую руку Роджеру.

– Seas ri mo lámh, Roger an t'oranaiche, mac Jeremiah MacChoinneich!

«Встань рядом со мной, Роджер-певец, сын Джеремай Маккензи».

²⁰ На здоровье! – тост (гэльск.).

Несколько мгновений Роджер просто стоял, сверля Джейми темными глазами, потом двинулся вперед, будто во сне. Толпа все еще ликовала, но крики немного стихли. Все ждали, пока Джейми начнет говорить.

– Встань рядом со мной в бою, – сказал он по-гэльски и протянул Роджеру левую руку. Каждое слово звучало чеканно и ясно. – Будь защитником для моей семьи. Теперь она и твоя тоже, сын.

На секунду лицо Роджера дрогнуло и пошло рябью, как отражение в воде. Потом он опомнился и крепко стиснул руку Джейми.

Мой муж повернулся к толпе и начал выкрикивать имена. Я уже видела такое однажды – в Шотландии, много лет назад. Приглашение арендаторов лэрдом – небольшая церемония, которую обычно проводили в равноденствие или после сбора урожая. Многие заметно оживились – обычай был широко известен среди горцев, но на этой земле его еще не видели.

– Подойди ко мне, Джорди Чишолм, сын Уолтера, сына Коннахта Рыжего.

– Встань рядом со мной, а Choinneich, Эван, Мурдо, сыновья Александра Линдси из Глена!

– Подойди, Джозеф Уэмисс, сын Дональда, сына Роберта! – Сквозь толпу к нам шагал мистер Уэмисс, взволнованный, но донельзя довольный тем, что его имя выкрикнули наравне с остальными. Голова мистера Уэмисса была гордо поднята, волосы реяли по ветру.

– Встань со мной, Джосайя-охотник!

Джосайя Бердсли тоже был здесь? И точно. Худенькая темная фигурка выскользнула на свет и замерла рядом с Джейми. Я встретила с ним взглядом, приветливо улыбаясь; мальчишка торопливо отвел глаза, но на губах застыла смущенная, растерянная ухмылка – кажется, он и сам ее не замечал.

Когда Джейми закончил перекличку, вокруг нас собралось почти четыре десятка горцев, раскрасневшихся от гордости и виски. Роджер не сводил внимательных глаз с Брианны, которая улыбалась ему с другой стороны костра. Она склонилась к сонному Джиму, зашептала что-то ему на ушко, потом вытащила из-под одеяла крохотную ручонку и помахала ею. Роджер засмеялся.

– Air mo mhionnan...²¹ – Отвлекшись, я пропустила финальную речь Джейми и уловила только последние слова. Однако горцы ответили ему низким торжественным рокотом, выражая одобрение и согласие, а потом на мгновение замолчали.

Джейми отпустил мою руку, подобрал с земли ветвь, поджег ее, занеся высоко над головой, и швырнул ввысь что есть силы. Плающий факел перевернулся в воздухе и упал в самое сердце костра.

– Фрейзеры из Риджа здесь! – взревел он, и толпа разразилась дружными криками.

А потом мы зашагали вниз по склону, обратно к праздничным столам и танцам. Роджер шел рядом со мной, что-то радостно напевая себе под нос. Когда я тронула его за рукав, он повернулся ко мне с широкой улыбкой.

– Поздравляю! – сказала я. – Добро пожаловать в нашу семью, сынок.

Улыбка Роджера растянулась от уха до уха.

– Спасибо, мам.

Пару секунд мы шли молча. Потом он сказал уже совсем другим тоном:

– Сегодня очень важный день. И речь была необычная.

Не знаю, что именно имел в виду Роджер – важный день для истории, важный день для нашей семьи? – но, пожалуй, в любом случае он был прав.

– Да... Правда, под конец я расслышала не все. Не знаю, что значит «earbsachd». А ты?

²¹ Моя клятва (гэльск.).

– Знаю. – На тропе было темно, и Роджер казался очередным черным силуэтом среди кустов и деревьев. В голосе его мелькнули странные нотки. – Это что-то вроде клятвы. Он... Джейми... поклялся своей семье и друзьям, что будет оберегать и защищать нас всех.

– Понятно, – озадаченно откликнулась я. – А почему «что-то вроде»?

Роджер помолчал, подбирая слова.

– Это не просто клятва, а слово чести. Понятие «Earbsachd» пошло от клана Маккриммонов с острова Скай. Дав обещание, они выполняли его, чего бы им это ни стоило. Ради своей клятвы любой Маккриммон, – Роджер глубоко вздохнул, – был готов пойти на верную смерть.

Мне на локоть неожиданно легла твердая ладонь.

– Осторожно, давайте помогу, – тихо сказал Роджер. – Внизу скользко.

Глава 16

В ночь нашей свадьбы

– Спой мне, Роджер.

Она замерла перед входом в шатер, отвернувшись в сторону. Роджер различал только темный силуэт на фоне серого хмурого неба да длинные волосы, трепетавшие на ветру. Брианна оставила их распущенными и пришла к пастору с непокрытой головой – как невинная девушка, хотя у нее был сын.

Ночь стояла холодная, совсем непохожая на ту, что они впервые провели вместе, когда жаркая нежность обернулась гневом и горечью. С тех пор прошло много месяцев, много ночей, исполненных одиночества, и ночей, напоенных радостью. И все же его сердце билось так же отчаянно, как и в первый раз.

– Конечно, милая. Я всегда буду петь для тебя.

Он встал у Бри за спиной, притянул к себе. Она откинула голову ему на плечо, и прохладные волосы защекотали шею. Роджер крепко обнял жену, уткнувшись носом в ее ухо.

– Что бы ни случилось, – прошептал он, – где бы я ни был. И где бы ты ни была – я всегда буду петь для тебя.

Брианна развернулась в его объятиях, тихо вздохнула и потянулась за поцелуем. От ее губ пахло жареным мясом и пряным вином.

Дождь стучал по своду шатра, от земли поднималось холодное дыхание поздней осени. В их первую ночь в воздухе пахло хмелем и водорослями, терпким сеном и хлебом. А сейчас вокруг них витал запах сосновых иголок и можжевельника, щедро одобренный горьким дымом коптящих костров, – с едва заметной сладковатой ноткой детского дерьма.

И снова она прижималась к нему в переплетении света и тьмы – лица не видно, а тело лучится белизной в полумраке. В ту ночь Бри плавилась и растекалась у него в руках, а теперь кожа была прохладной, словно мрамор, – но летний зной по-прежнему обжигал ему пальцы, когда он прикасался к ней: сладкий и влажный, скрывающий в себе темные жгучие тайны. Хорошо, что свои сегодняшние клятвы они принесли под открытым небом. Совсем как тогда – перед землей и ветром, огнем и водой.

– Я люблю тебя, – прошептала она, и он мягко прихватил ее губу зубами. От нахлынувшей нежности Роджер не мог вымолвить ни слова.

Все слова уже были сказаны – сначала в ту далекую ночь, потом сегодня. Оба раза Роджер говорил искренне и горячо, но сегодняшняя церемония все изменила.

У первой клятвы не было иных свидетелей, кроме Бога, да и тот не нарушил их уединения, отстранившись и отвратив взор от обнаженных тел.

А сегодня он произнес слова любви в ярком свете костра, перед лицом Господа и всего мира. Сердце Роджера и все, что он имел, давно принадлежало Бри, но теперь между ними

не осталось различий. Клятвы сказаны, кольца надеты, узы скреплены у всех на глазах. Они стали единым целым.

Одна часть единого целого слишком крепко сжала чужую грудь, и Бри едва слышно охнула. Она слегка отстранилась от мужа, и Роджер увидел – нет, не увидел, скорее почувствовал – гримасу боли. Холодный воздух коснулся его кожи, и даже краткое расставание показалось мучительным, словно удар ножа.

– Мне нужно... – сказала Бри и тронула грудь, не закончив фразы. – Подожди минутку, ладно?

Клэр успела покормить малыша, пока Брианна ходила беседовать с преподобным Колдуэллом. Обьевшись овсянкой и вареными персиками до самых ушей, Джемми едва открыл глаза, когда мать прижала его к груди, и тут же снова погрузился в сытую дремоту. Лиззи унесла ребенка с собой. Вся ночь была в их распоряжении – прожорливый кроха проспит до самого рассвета. Однако за такую роскошь приходилось платить: молока осталось слишком много.

Живя под одной крышей с кормящей матерью, невозможно было не обращать внимания на ее грудь – это касалось всех домочадцев, а уж тем более мужа. Грудь Брианны жила собственной жизнью. Они постоянно менялись в размере; мягкие полушария превращались в твердые круглые пузыри; казалось, дотронься до них – тут же лопнут.

Изредка случалось и такое: плоть поднималась, словно дрожжевое тесто, медленно и уверенно распирая корсаж, а потом на платье как по волшебству появлялось большое мокрое пятно, будто какой-то невидимка кинул в Брианну снежком. Или даже двумя снежками – потому как вторая грудь редко отставала от своей сестрицы.

Порой божественные близнецы оставались обмануты: Джемми добросовестно присасывался к одной стороне, а потом засыпал, не добравшись до второй. И тогда мать, стиснув зубы, приподнимала грудь ладонью и прижимала оловянную кружку под самым соском, чтобы спедить рвущееся наружу молоко. Иначе она не могла уснуть от боли.

Вот и сейчас Брианна занималась именно этим. Она скромно отвернулась от Роджера и укрыла плечи арисэдом. До него доносилось шипение молочных струй, бьющихся о металлические стенки кружки.

Роджеру не хотелось заглушать звук, который казался ему эротичным, но он послушно взял в руки гитару и занес пальцы над струнами. Решив обойтись без звонких аккордов, он неторопливо извлекал отдельные ноты, тихим эхом ложившиеся на его голос. Каждую строку песни сопровождал удар струны.

Разумеется, он пел о любви. Одну из старинных гэльских баллад. Даже если Бри не поймет всех слов, песня сама расскажет свою историю.

В ночь нашей свадьбы
Я сложу к твоим ногам дары.
В ночь нашей свадьбы...

Он закрыл глаза, вспоминая очертания тела, скрытые под покровом сумрака. Крупные, словно вишни, соски цвета спелой сливы. Роджер хорошо помнил, как они ощущались на языке. Когда-то он даже пробовал их на вкус – еще до Джемми, – но больше не пытался этого делать.

Я подарю тебе сотню серебристых форелей,
Сотню барсучьих шкур...

Брианна не отказывала ему вслух, не отворачивалась, однако он чувствовал, как она втягивает воздух сквозь зубы и напрягается от его прикосновений.

«Больно? – думал он. – Или боится, что я могу быть с ней груб?»

Роджер прогнал эту мысль прочь, затопил мелодичными гитарными переливами.

«А может, дело не в тебе, – нашептывал ему упрямый голос. – Может, это из-за него. Это он причинил ей боль».

«Чтоб. Ты. Сдох», – яростно подумал Роджер, подчеркивая каждое слово резким ударом. Стивену Боннету не место на их брачном ложе. Никогда, ни за что.

Он накрыл струны рукой, обрывая мелодию, а потом, когда Бри сбросила с плеч арисэд, завел новую песню, на этот раз на английском. Особенную, только для них двоих. Даже если его сейчас кто-то услышит – неважно. Бри встала, плавно стягивая сорочку, а пальцы Роджера уже выводили вступление. «Битлз», «Yesterday».

Она рассмеялась, вздохнула, и тонкий лен с шорохом скользнул вниз по телу.

Тихая меланхоличная песня заполнила темноту. Полностью обнаженная, Брианна остановилась у Роджера за спиной. Погладила по голове, собрала в горсть волосы на затылке. Он чувствовал, как она прижимается к нему мягкой грудью, податливой и теплой сквозь ткань рубашки. Дыхание Бри щекотало кромку его уха. Маленькая ладонь замерла у Роджера на плече, потом спустилась вниз; теплый металл – его кольцо – коснулся кожи, и Роджер задохнулся в приливе собственнического желания, как от глотка крепкого виски.

Ему хотелось развернуться и стиснуть жену в объятиях, но он сдержался, растягивая сладостное ожидание. Склонился над струнами и запел. И пел до тех пор, пока в голове не осталось ни единой мысли. Только два тела, прижавшиеся друг к другу. Роджер даже не заметил, когда Бри накрыла его пальцы своей ладонью. Встал, обернулся... Музыка и любовь переполняли его – нежные, чистые и всемогущие в этой бескрайней ночи.

* * *

Брианна лежала неподвижно, прислушиваясь к грохоту сердца в висках. Кровь эхом пульсировала в горле, в запястьях, в потяжелевшей груди, в утробе. Казалось, она полностью растворилась в темноте, и теперь нужно было заново вспоминать границы собственного тела. Бри убрала ладонь, плотно зажатую между ног, и последние отголоски удовольствия пробежали по бедрам.

Она медленно втянула воздух, прислушиваясь.

Дыхание Роджера оставалось глубоким и ровным. Слава богу, не проснулся. Брианна вела себя очень осторожно, двигала только кончиком пальца, но оргазм оказался слишком сильным. По животу прокатилась судорога, и Бри дернулась, с громким шорохом упираясь пятками в соломенный тюфяк.

К концу дня Роджер остался без сил – да что там, они все вымотались. Правда, по склону горы по-прежнему разносились приглушенные звуки веселья. Такие мелочи, как дождь, холод или усталость, не могли послужить помехой хорошей пирушке, слишком уж редко выпадала такая возможность.

Брианна растеклась по постели, словно лужица ртути – мягкой, тяжелой и вздрагивающей от каждого удара сердца. Двигаться не хотелось, однако на пике наслаждения она сдернула с Роджера плед, и теперь его смуглая спина была обнаженной. Несмотря на ленивую негу, совесть не позволяла ей лежать под одеялом, пока муж замерзал от холодного сквозняка. В шатер проникали призрачные клубы тумана, и Бри видела, как на высоких скулах Роджера оседает блестящая влага.

Кости, мышцы, нервная система – Брианна собирала себя по частям. Она отдала непослушному телу строгий приказ, перекатилась на бок, лицом к Роджеру, и натянула плед повыше. Муж пошевелился, что-то невнятно пробормотал, и Бри погладила его по спутан-

ным волосам. На устах Роджера мелькнула улыбка, веки чуть приподнялись, но взгляд остался пустым – он по-прежнему спал и видел сны. Роджер глубоко вздохнул, снова закрывая глаза.

– Я люблю тебя, – прошептала она с невыразимой нежностью.

Погладила его сквозь плед, скользнула рукой по широким лопаткам, выпуклым косточкам у основания шеи и длинной прямой ложбинке, тянущейся вдоль позвоночника до самых ягодич. От прохладного ветра по коже Бри побежали мурашки, и она снова спрятала руку под покрывалом. Ее ладонь невесомо опустилась Роджеру пониже спины.

Тело под ее пальцами было привычным, теплым и упругим, жесткие курчавые волоски щекотали ладонь, и в душе Бри снова поднималось сладкое волнение. Преследуя слабые отзвуки недавнего удовольствия, она опустила руку между ног. Пальцы коснулись припухшей плоти, лениво погружаясь во влажную глубину.

Бри надеялась, что сегодня все получится по-другому. Без постоянной тревоги о спящем Джемми, неторопливо и медленно, в приливе глубоких чувств после обмена клятвами... но ничего не изменилось.

И дело было не в том, что она не испытывала возбуждения. Наоборот. Каждое движение, каждое прикосновение огнем горело на коже, на языке, отпечатывалось в глубине памяти, так что Брианна задыхалась от нахлынувших ощущений. Но ее все равно преследовало странное отчуждение – словно их с Роджером разделяла стена, которую она не могла преодолеть.

И вот Бри снова лежала рядом с мужем, вспоминая их близость, минуту за минутой, – и сдавалась на милость страсти, хотя бы мысленно.

Быть может, ее любовь оказалась слишком сильна. Быть может, она слишком тревожилась об удовольствии Роджера и потому не думала о своем. Когда он забывался в ее объятиях, исходя на стоны и всхлипы, Брианна испытывала удовлетворение, несравнимое с обычным оргазмом. Ее охватывало смутное, темное торжество, словно от победы в каком-то непризнанном состязании, тайно идущем между ними.

Бри вздохнула и уткнулась лбом Роджеру в плечо, вдыхая резкий мужской запах – горький мускус, похожий на болотную мяту.

Мысль о болотной мяте напомнила ей о другой траве. Осторожно, чтобы не разбудить Роджера, она снова опустила руку между ног и просунула скользкий палец внутрь. Нет, все на месте. Тряпица, смоченная в душистом пижмовом масле, по-прежнему защищала вход в ее чрево.

Брианна придвинулась ближе, и Роджер сразу повернулся, окутывая ее своим теплом, успокаивая и убаюкивая. Рука вслепую зашарила по телу, скользнула по бедрам и мягкому животу... Брианна перехватила его ладонь, надежно прижимая к своему подбородку. Пальцы Роджера дрогнули; Бри поцеловала крупные обветренные костяшки, и он наконец вздохнул и расслабился.

Звуки праздника, доносившиеся со склона горы, затихли. Танцоры устали, музыканты охрипли. Снова начал накрапывать дождь; капли застучали по своду шатра, и туман коснулся лица Брианны серыми влажными пальцами. Запах мокрой парусины напомнил ей о походах, в которые они ходили вместе с отцом в далеком детстве, – и то незабываемое ощущение радостного предвкушения и полной безопасности. Она поуютнее устроилась в объятиях Роджера, испытывая похожее чувство.

Они очень молоды, вся жизнь впереди. Бри еще успеет сдать свои желания.

Глава 17

Походный костер

Они лежали под навесом, но сквозь просвет меж скалами было видно весь склон горы, до самого шатра Хэйза. Большой костер Сбора прогорел, хотя угли еще мерцали в темноте,

напоминая о ярком пламени клятвы. А вот походный костерок горского полка сиял, словно звездочка в холодной ночи. Время от времени на фоне огня мелькал черный силуэт в килте, подкидывал дров и снова скрывался в тени.

Краем сознания Джейми замечал облака, бегущие по небу, тяжелый трепет парусины над головой и чернильные тени скал, но все его внимание было сосредоточено на шатре, застывшем позади костра бесформенным пятном.

Он старался дышать размеренно, осознанно расслабляя мышцы: руки, грудь, спину, ягодицы, ноги. Сон не шел, но Джейми не собирался его преследовать.

И не пытался одурачить Клэр. Они были слишком близки – и телом, и душой, Клэр сразу заметила бы, что он бодрствует. Нет, Джейми просто давал ей понять, что на него можно не обращать внимания. Взаимное притворство, бессловесный знак. Может, ей удастся заснуть, пока он прячется в своей скорлупе, глубоко погружаясь в мысли.

Мало кто спал на горе той ночью. Ветер доносил приглушенное бормотание голосов и шаги, однако обостренное охотничье чутье позволяло Джейми различать десятки едва заметных звуков, опознавать каждую тень. Вот подошвы сапог прошаркали по камням, хлопнуло одеяло, встряхиваемое в воздухе, – это собирались в дорогу Хобсоны и Фаулзы. Они не стали ждать рассвета, опасаясь предательства.

Вдалеке слышались обрывки мелодии; гармоника и скрипка – это рабы Иокасты радовались празднику, не желая поддаваться усталости и дурной погоде.

Тихий плач ребенка. Малыш Джемми? Нет, звуки раздалась сзади. Значит, кроха Джоан. А потом ласковый голос Марсали, тихонько напевающий французскую песню.

– *Alouette, gentil Alouette...*

Ага, вот и звук, которого Джейми ждал все это время, – шаги у дальних скал, обрамлявших их лагерь. Кто-то быстрый и легконогий спускался по склону. Вниз, дальше, дальше. Джейми прислушивался, широко распахнув глаза, и через несколько мгновений различил тихое приветствие часового. Около походного костра все было спокойно, только шевельнулся и снова опустил полог в шатре лейтенанта.

Все так, как он и думал. Никто не поддерживал бунтовщиков. Речь шла не о предательстве друзей, а о выдаче преступников законным властям, о защите законопослушных граждан. Доносили о них неохотно – свидетели дождались наступления темноты, – но не скрываясь от посторонних взглядов.

– *Je te plumerai la tête...*²²

Интересно, почему колыбельные порой такие жуткие? Почему никто не задумывается над песнями, которые дети впитывают с молоком матери? Все мелодии для Джейми были едины – возможно, именно поэтому он внимательно прислушивался к словам.

Даже Брианна, пришедшая из куда более мирной эпохи, пела Джемму колыбельные о страшной смерти и тяжелых потерях, хотя лицо при этом у нее было нежным, словно у Девы Марии, баюкающей Христа. Чего только стоила песня про дочь рудокопа, утонувшую в утином пруду...²³

Джейми подумал про колыбельные, которые пела Пречистая Мать; судя по Библии, жизнь на Святой земле мало отличалась от жизни во Франции и в Шотландии. Мира там не было точно.

Он тут же раскаялся в подобных мыслях и хотел было перекреститься, но на его правой руке лежала Клэр.

²² «*Alouette, gentil Alouette... Je te plumerai la tête...*» – «Жаворонок, славный жаворонок, я оциплю тебе голову». Французская народная песня.

²³ Имеется в виду американская народная песня «Дорогая Клементина».

– Они поступили неправильно? – неожиданно спросила жена, пряча голову у него под подбородком.

– Кто? – Он поцеловал мягкие густые локоны. Волосы Клэр пахли дымом и терпкими ягодами можжевельника.

– Бунтари в Хиллсборо.

– Да.

– А что бы ты сделал на их месте?

Он вздохнул.

– Кто ж его знает? Если бы меня обманули, не оставив надежды на возмещение, я бы тоже попытался добраться до того мерзавца. Но беспорядки в Хиллсборо... сама понимаешь. Разрушенные дома, пожары, до смерти избитые судьи... нет, саксоночка. Не знаю, что бы я сделал, только не это.

Она повернула голову. В полумраке было видно, как ее скула дрогнула от улыбки.

– Я так и подумала. Не могу представить тебя в безумной толпе.

Джейми поцеловал жену в ухо, ничего не ответив. Сам он легко мог представить себя в толпе, и это его пугало. Джейми слишком хорошо понимал, какая сила кроется в таких вещах.

Один шотландец в поле воин, но даже самые могущественные из людей – всего лишь люди. А безумие объединяло их вместе и правило горными долинами уже тысячу лет – то был зов крови, просыпавшийся, когда ты слышал оглушительные крики своих товарищей, чуял в себе непобедимую силу и неся вперед на крыльях общей ярости, познавая бессмертие, – ибо если ты падешь на поле боя, то твой дух ринется дальше вместе с теми, кто бежал позади тебя. И лишь потом, когда кровь остывала на мертвых телах и над погибшими раздавались женские рыдания...

– А если бы тебя обманул не конкретный человек? А, допустим, государство? Или суд?

Джейми понимал, к чему она ведет. Он крепче обнял жену, чувствуя, как ее дыхание задевает его костяшки.

– Рано еще. Не здесь, не сейчас.

Бунтовщики восстали против преступлений отдельных людей. Виновные поплатились кровью, не войной. Пока не войной.

– Рано, но...

– Не сейчас, – снова повторил он.

Треклятое письмо было надежно спрятано в седельной сумке. Скоро ему придется выполнять чужие приказы, однако сегодня можно притвориться, что ничего не случилось. Последняя мирная ночь в объятиях жены и в кругу родных.

Еще одна тень на фоне костра. Еще один окрик часового, еще один шаг в ворота предательства.

– А они? Они поступают правильно? – Она склонила голову в сторону шатра. – Те, кто доносит на своих знакомых?

– Нет, – сказал Джейми спустя мгновение. – Они тоже не правы.

Толпа правила бал, но за ее бесчинства приходилось платить каждому по отдельности. И цена была высока: разрушенное доверие, сосед, обратившийся против соседа, и страх петли – удушающий, тесный, не оставляющий места милосердию и прощению.

Дождь разошелся не на шутку. Капли громко забарабанили по навесу, и воздух задрожал от потоков воды. Началась зимняя буря без грома и молний. Горы, маячившие над головой, оставались невидимы.

Он прижал Клэр к себе, положив ладонь на ее живот. Она едва заметно вздохнула и устроилась поудобнее; круглый зад аккуратно лег прямо меж его бедер, словно орех в скорлупу. Жена расслабилась, и Джейми снова испытал странное чувство единения плоти.

Поначалу такое случалось, только когда он брал ее. Потом это ощущение стало приходить все раньше и раньше. Первое же прикосновение Клэр становилось для Джейми приглашением и наградой; она неизбежно сдавалась на его милость, а он принимал этот дар. Порой, испугавшись, Джейми осознанно отказывал себе в близости – просто чтобы убедиться, что все еще может это сделать. Страсть была коварна, как ярость толпы, и отнимала разум.

Но теперь он отбросил сомнения. Ведь в Библии говорилось: «И будут два одною плотью; что Бог сочетал, того человек да не разлучит». Однажды Джейми уже пережил такую разлуку; второе расставание его просто убило бы.

Часовые поставили над костром навес, укрывая его от дождя, но капли все равно иногда попадали в огонь. Языки пламени то и дело начинали шипеть и метаться, бросая отблески на парусину.

Джейми не боялся умереть рядом со своей женой – даже в огне войны. Он боялся, что ему придется без нее жить.

Ветер переменился, и от крохотного шатра, где спали молодожены, донесся тихий смех. Джейми улыбнулся себе под нос. Надо надеяться, что его дочь, как и он сам, обретет в браке истинное счастье. Пока что все шло хорошо. Лицо Роджера озарялось любовью всякий раз, когда он смотрел на Бри.

– Что ты собираешься делать? – тихо спросила Клэр. Дождь почти заглушил ее слова.

– То, что должен.

Другого ответа у него не было.

Весь мир сжался до границ Фрейзер-Риджа. С Шотландией покончено, Колониям тоже недолго осталось; смутные и далекие картины будущего складывались перед ним по рассказам Бри. А женщина, лежавшая у него в объятиях, его дети и внуки, слуги и арендаторы – они были настоящими. Господь дал ему их, чтобы беречь и защищать.

Гора высилась, темная и молчаливая, но Джейми знал, что семья спит рядом, вверяя себя под его покровительство. Если Господь позволил ему заслужить такое доверие, значит, Он даст Джейми сил, чтобы его сохранить.

От привычного соприкосновения тел Джейми охватило возбуждение; приподнявшийся член оказался зажат в складках одежды. Он хотел Клэр, хотел уже давно и отмахивался от этого желания в суете Сбора. Должно быть, глухая боль в паху стала эхом боли, охватившей ее чрево.

Иногда, если взаимное нетерпение было слишком велико, Джейми брал жену прямо во время месячных – и каждый раз эта близость казалась ему грязной, тревожной и волнующей, а удовольствие смешивалось со стыдом. Мысли пришли не ко времени и не к месту, и Джейми отвернулся от Клэр, не желая ее тревожить.

Однако чувство, разгоравшееся в его чреслах, не было похоже на похоть или на всепоглощающее желание быть рядом. Он хотел накрыть Клэр своим телом, завладеть ею – ибо тогда он мог притвориться, будто она в безопасности. Укрыв Клэр собой, он мог защитить ее. Бессмысленный, глупый порыв, но Джейми ничего не мог с ним поделать.

Он невольно напрягся, и Клэр завопилась, протянула руку вперед. Ладонь коснулась его бедра, остановилась на мгновение, а потом сонно поползла вверх.

Джейми прижался губами к ее уху и, не задумываясь, пробормотал:

– Пока я жив, с тобой ничего не случится, а *nighean donn*. Ничего.

– Я знаю. – Постепенно она снова расслабилась, задышала глубже и спокойнее. Только мягкий живот вздымался у него под рукой.

Походный костер давно погас под ливнем, а Джейми по-прежнему лежал без сна.

Часть 2

Призывая вождя

Глава 18

Нет ничего лучше дома

Гидеон в змеином броске вытянул шею, норовя куснуть всадника впереди.

– Стоять! – вовремя осадил Джейми коня. – Вот поганец!

Джорди Чишолм удивленно обернулся, не подозревая о грозившей ему участи. Джейми со смущенной улыбкой приподнял фетровую шляпу.

Пробираясь вдоль медленно ползущего каравана, приходилось то и дело пинать Гидеона по ребрам, чтобы конь не кусался, не лягался и не топтал шмыгающих под копытами детей. За неделю в дороге Джейми хорошо изучил скверный нрав жеребца. Брианну и Марсали, ехавших в середине колонны, он обогнал неторопливой рысью, а затем набрал скорость, и мимо Клэр и Роджера в голове каравана пролетел, едва успев махнуть в знак приветствия шляпой.

– А Mhic dhiobhail!²⁴ – Джейми пригнулся к лошадиной шее. – Что-то больно ты резвый, приятель. Давно плетью не получал?

Он взял левее и направил коня вниз по склону, топча сухую траву и с треском ломая голые ветки кизила. Надо бы погонять сукина сына, выбить из него дурь, вот только на двадцать миль вокруг ровного места не найти.

Джейми перехватил вожжи, прищелкнул языком, врезал каблуками по бокам коня, и тот пушечным ядром полетел по заросшему склону.

Гидеон был откормленным и быстрым жеребцом, поэтому Джейми его и купил. А еще он был упрямым и злобным, потому стоил совсем недорого. Хотя все равно больше, чем Джейми мог себе позволить.

Когда они перебрались через ручей, перепрыгнули упавшее бревно и стали карабкаться по почти отвесному склону сквозь заросли дуба и хурмы, Джейми усомнился, таким ли мудрым было то решение. Это оказалась последняя его связанная мысль, потому что Гидеон вдруг встал на дыбы, резко свернул и помчался вниз, распугивая перепелов.

Через полчаса бешеной скачки Гидеон стал если не стоворчивее, то хотя бы чуточку покорнее. Джейми промок до пояса, разодрал в царапины кожу, набил синяки и пыхтел едва ли не громче коня. И все же держался в седле и не выпускал поводья.

Развернув жеребца в сторону заходящего солнца, он прищелкнул языком.

– Давай. Двигай к дому.

Хоть он гонял Гидеона довольно долго, вряд ли они забрались далеко. Вскоре Джейми увидел знакомую грядку.

Он направил коня по хребту, выискивая безопасный спуск. До каравана отсюда было рукой подать, но прокладывать путь сквозь заросли тополей, каштанов и елей нелегко, а Джейми спешил присоединиться к своим людям прежде, чем они достигнут Риджа. Не то чтобы он не доверял Клэр или Маккензи, просто ему хотелось самому возглавить отряд при возвращении домой.

– Господи, да ты никак возомнил себя Моисеем, – пробормотал он и в притворном смятении покачал головой.

²⁴ Сын дьявола (гэльск.).

Жеребец был весь в мыле, и когда деревья расступились, Джейми чуть ослабил поводья, давая ему передохнуть. И все же он по-прежнему держался настороже: вдруг скотине придет в голову выкинуть очередной фортель.

С запада дул ветер. Джейми поднял голову, наслаждаясь его холодающей лаской на разгоряченном лице. Во все стороны тянулись коричнево-зеленые холмы, в низинах клубился туман. При виде этой картины на Джейми снизошел покой, и он вздохнул.

Гидеон тоже успокоился. Джейми неспешно опустил руки на шею коня, но тот даже не дрогнул. Ага, вот оно – то самое Место.

Место, которое нельзя описать, его можно лишь увидеть собственными глазами. Кто-то говорит, оно святое, хотя церковь и религия здесь совершенно ни при чем. Это просто то самое Место, которое предназначено именно тебе, вот и все. Джейми отпустил вожжи: даже самый сварливый конь не будет показывать здесь норы.

Жеребец замер, только темная кожа парила на холоде. Им стоило бы поторопиться, но Джейми был рад перевести дух. Его вымотала не битва с Гидеоном, нет, – тяжелое внимание людей.

Он с раннего детства был окружен другими и научился отгораживаться от них, находить уединение в мыслях. А еще, рожденный горцем, быстро осознал целительную силу подобных мест.

Перед глазами вдруг всплыл образ матери – как всегда неожиданно, бог знает по какой причине: наваяло случайным звуком, запахом или просто причудой памяти.

В тот день он ставил силки на кроликов, исколот все руки, взмок и перемазал рубаху. Завидев неподалеку рощицу, направился к ней в поисках тени – и нашел там мать. В зеленоватом сумраке она сидела возле крошечного ручья, сложив на коленях руки – совершенно неподвижно, что было на нее не похоже.

Она ничего не сказала, лишь улыбнулась; Джейми молча подошел к ней и положил голову на плечо, ощущая невероятный покой и умиротворение. Сколько ему тогда было: пять лет, шесть?

Видение исчезло, яркой форелью нырнув в темные воды памяти. Однако чувство покоя в душе осталось: будто кто-то обнял его и легонько взъерошил волосы.

Джейми спешился, желая ощутить, как гнутся под ногами сосновые иглы. Поводья на всякий случай примотал к дереву, хотя Гидеон вел себя смирно: уронил голову и принялся обнюхивать клочья сухой травы. Джейми постоял недолго и повернулся направо, на север.

Он не помнил, кто научил его этому: мать ли, отец, старый Джон – отец Иэна, но стал крутиться по часовой стрелке, бормоча слова молитвы. Закончил он, стоя лицом на запад. Джейми сложил ладони чашей, и заходящее солнце залило их светом.

Боже, оберегай каждый мой шаг,
Боже, открой передо мной все двери,
Боже, освободи мне все пути
И крепко держи в руках Своих.

Повинуясь инстинкту, что древнее молитвы, он снял флягу и пролил несколько капель воды на землю.

Ветер донес обрывки звуков: смех и крики, рев животных. Караван был уже недалеко, через долину; он выползал из-за соседнего холма. Надо ехать, чтобы присоединиться к нему на последнем рывке до Риджа.

И все же Джейми мешкал, не желая разрушать чары этого места. Он заметил вдруг движение и наклонился, заглядывая в густые тени под остролистом. Из темноты на него уставился, не мигая, крошечный котенок, распушивший серый мех головкой одуванчика.

– Вот бандит, – прошептал Джейми, медленно протягивая к нему руку. – Ты что здесь делаешь?

Наверняка дикий, от кошки, сбежавшей из какого-нибудь каравана. Джейми дотронулся до пушка у него на груди, и котенок тут же вонзил в палец зубы.

– Ай!

Джейми отдернул руку, рассматривая набухающую каплю крови. Сердито уставился на кота, но тот просто следил за ним, не пытаясь удрать. Помедлив немного, Джейми все же решился и стряхнул кровь на опавшую листву – еще одно подношение духам этого Места, которые, видимо, преподнесли ему ответный дар.

– Что ж, отлично, – усмехнулся он, встал на колени и вытянул руку ладонью вверх. Медленно, очень медленно пошевелил одним пальцем, потом другим: точно водоросли в воде.

Круглые светлые глаза неотрывно следили за его движениями. Заметив, как дергается кончик хвоста, Джейми улыбнулся.

Если ты ловишь руками форель, уж с котом-то должен справиться?

Он негромко засвистел сквозь зубы, подражая пению птиц. Котенок завороченно смотрел на мягко покачивающиеся пальцы. Когда те вновь коснулись меха, огрызаться не стал, позволил обхватить себя ладонью и поднять с земли.

Джейми прижал невесомое тельце к груди, поглаживая котенка между ушами. Тот закрыл глаза и довольно заурчал, отзываясь в ладони дрожью далекого грома.

– О, значит, ты не против поехать со мной, да?

Не услышав возражений, Джейми расстегнул ворот рубашки и усадил кота за пазуху, где тот поерзал немного, щекоча ребра, а потом, неслышно мурлыча, свернулся клубком.

Гидеон охотно тронулся в путь, и за четверть часа они догнали остальных. Покорность жеребца тут же улетучилась, и виною тому был не предстоящий тяжелый подъем. Конь запросто справился бы с крутой тропинкой, но его дико раздражали чужие лошадиные хвосты перед носом.

Караван растянулся на полмили, каждая семья двигалась со своей скоростью: Фрейзеры, Маккензи, Чишолмы, Маклауды, Аберфельды. Стоило телегам расступиться, как Гидеон нахраписто пер вперед, распахивая мулов, овец, пеших людей и кобыл. Он даже чуть не растоптал трех поросят, плетущихся за бабулей Чишолм, и те с громким визгом ринулись от него в кусты.

В глубине души Джейми разделял чувства коня, он стремился поскорее попасть домой, и любая заминка выводила его из себя. Теперь вот их задерживала Клэр, которая – черт бы побрал эту женщину! – спешила, чтобы надергать у дороги каких-то трав. Куда ей столько – и так весь дом завален до самой крыши, и седельная сумка вот-вот лопнет.

Гидеон, тонко чувствуя настроение хозяина, извернулся и куснул ее кобылу за круп. Та взбрыкнула и с испуганным ржанием поскакала прочь, волоча за собой поводья. Гидеон довольно всхрапнул и дернулся было за ней, но его остановил сильный рывок.

Не выпуская охапку рваных листьев и грязных корешков, Клэр обернулась на шум и изумленно округлила глаза. Она перевела взгляд с удирающей кобылы на Джейми и пожалала плечами.

– Прости.

Правда, уголок рта у нее подрагивал, а в глазах утренним светом на воде мерцала улыбка. Джейми ощутил, как тяжесть невольно спадает с его плеч. Он собирался отчитать жену – правда собирался, – но слова не шли на язык.

– Залезай, женщина, – вместо этого хрипло велел он и кивком указал себе за спину. – Я хочу ужинать.

Клэр рассмеялась и, поднимая юбки, забралась на лошадь. Недовольный лишним весом, Гидеон защелкал зубами, однако Джейми был готов к его выходкам и стегнул жеребца поводьями по носу. Тот дернул головой и удивленно зафыркал.

– Вот тебе, негодник.

Сдвинув шляпу на лоб, Джейми помог жене устроиться поудобнее. Клэр подоткнула юбку и обняла его за талию. Она не надела ни чулок, ни ботинок, и ее голые ноги белели на фоне темной шкуры. Джейми подобрал поводья и пнул коня сильнее, чем следовало.

Гидеон всхрапнул и попятился, пытаясь столкнуть их низкой веткой тополя. Возня разбудила котенка, тот недовольно вонзил в живот Джейми когти и заорал. Ругаясь, Джейми рывком развернул коня.

Не желая сдаваться, Гидеон скакнул не хуже кузнечика. Раздался тихий вскрик, и за спиной Джейми вдруг образовалась пустота – Клэр кулем слетела в кусты. Конь рванул в заросли ежевики, скользя копытами по грязи и палой листве, потом выпрямился, мотнул головой и как ни в чем не бывало затрусил к кобыле Роджера, стоящей возле ручья и взвизгивающей на них с тем же удивлением, что и ее спешившийся наездник.

– Все хорошо? – спросил Роджер, приподнимая одну бровь.

– Само собой, – задыхаясь, выпалил Джейми, не желая терять достоинства. – А ты как?

– Отлично.

– Вот и славно.

Джейми спешил, не глядя бросил поводья Маккензи и побежал обратно.

– Клэр, где ты?

– Я здесь, – весело отозвалась та и вышла из тени тополей, прихрамывая, вся в листьях, но вроде бы невредимая. – Ты сам-то живой?

– Да. Пристрелю негодника!

Джейми сгреб Клэр в объятия, желая убедиться, что та и впрямь цела.

– Эй! Не трогай, ты, подонок!

Роджер еле успел выхватить из-под любопытного носа Гидеона какой-то потрепанный пучок. Опять травы?! Что за мания?.. Клэр подошла ближе, с интересом разглядывая растение.

– Что там у тебя такое, Роджер?

– Для Бри. Посмотрите, это те самые?

На взгляд Джейми, это была пожухлая ботва морковки, которую забыли на зиму в грядке, но Клэр потрогала вялые листья и одобритительно кивнула:

– О да. Ты молодец!

Джейми деликатно кашлянул, напоминая, что им пора выдвигаться, пока Бри и еле ползущие Чишолмы их не перегнали.

– Да, конечно. – Клэр похлопала его по плечу. – Не фыркай, уже идем.

– Хм, – пробурчал он и наклонился, подставляя ей руки вместо ступени. Подсадив ее в седло, Джейми наградил Гидеона свирепым взглядом и сам устроился сзади. – Дождешься остальных и проводишь их?

Не дожидаясь ответа Роджера, он дернул за поводья и направил Гидеона на тропу.

Жеребец смирно карабкался по склону сквозь дебри тополя, граба и каштана. Даже сейчас, поздней осенью, на ветках еще были листья, желто-коричневым дождем опадавшие на лошадиную гриву и длинные волосы Клэр. Те растрепались, и она не стала вновь их заплетать.

Джейми постепенно обрел душевное равновесие – они ведь ехали вперед. Еще и шляпа нашлась – висела на белом дубе возле тропы, словно оставленная чьей-то заботливой рукой. Все же смутное беспокойство грызло изнутри, хотя вокруг простирались мирные горы, а воздух сладко пах вечнозеленым сырым лесом.

И вдруг Джейми понял, в чем дело, – котенок пропал. По груди и животу тянулись царапины: во время безумной скачки зверек отчаянно цеплялся за Джейми, но потом, должно быть, выскочил в распахнутый ворот и свалился с плеча. Джейми стал озираться, высматривая кота под кустами, но тщетно: слишком густо лежали тени, да и возвращались они другим путем.

– Ну, с богом, – перекрестился Джейми.

– Что такое? – встрепелась Клэр.

– Ничего.

В конце концов, это дикий кот, хоть и маленький. Выживет как-нибудь.

Гидеон волновался и выплясывал. Джейми понял, что слишком сильно натягивает поводья, и ослабил их. Отпустил и Клэр, которую сжимал чересчур крепко, и она глубоко вдохнула.

Сколько себя помнил, Джейми всегда возвращался домой с чувством назревающей опасности. После восстания он жил в пещере и в поместье навещался лишь изредка, по темноте, не зная, что там его ждет. Многие горцы находили сгоревшие руины, а то и тела родных...

Нужно бы взять себя в руки и не придумывать всякие ужасы. Беда в том, что ему не надо ничего придумывать, – память сама услужливо подсказывала, *что* может произойти.

Конечно, в новом месте свои опасности. Кроме солдат-англичан, есть мародеры: те, кому не хватило воли пустить корни, предпочли заниматься грабежом и разбоем. А еще индейцы. Дикие звери. И огонь.

Чета Багов вместе с Фергусом отправились раньше, чтобы по возвращении Клэр не пришлось ломать голову, как разместить всех прибывших. Чишолмы, Маклауды и Билли Аберфельд с женой и дочкой пока проживут в большом доме. Джейми велел миссис Баг все приготовить. На хороших лошадях и не обремененные детьми и поклажей, те должны были достигнуть Риджа еще два дня назад. Никто из них не вернулся сообщить о беде. И все же...

Клэр вдруг расслабилась (она, оказывается, тоже была натянута как струна) и положила руку ему на бедро.

– Все хорошо. Я чувствую запах печного дыма.

Джейми поднял голову, принюхиваясь. Она права – ветер отчетливо пах горелым гикори. То была не едкая вонь пожарища, а легкий горьковатый аромат, сулящий тепло и пищу. Наверняка миссис Баг готовит ужин.

Последний поворот – и они увидели выглядывающий из-за деревьев высокий дымоход и клубы дыма над крышей.

Дом на месте.

Джейми с облегчением выдохнул, теперь замечая и другие домашние запахи: душок навоза, ароматы копчений из сарая... Дыхание леса – сырой древесины, прелых листьев и мокрого камня – ласково тронуло его за щеку.

Выйдя из каштановой рощи, они очутились на большой поляне, где стоял дом, крепкий и аккуратный. Застекленные окна золотом блестели на солнце.

Бревенчатый дом был довольно простым: с белеными стенами и глиняной черепицей, но по сравнению с большинством грубых лачужек для поселенцев казался дворцом. Первая хижина, почерневшая, однако еще крепкая, стояла чуть ниже по склону, и из ее трубы тоже клубился дымок.

– Кто-то разжег очаг для Бри и Роджера, – заметила Клэр.

– Хорошо, – сказал Джейми и обнял ее за талию, а она довольно мурлыкнула и заерзала у него на коленях.

Гидеон тоже приободрился, вытянул шею и заржал, обращаясь к двум лошадям, семенящим по загону. У забора стояла кобыла Клэр. Маленькая чертовка скалила зубы, будто посмеиваясь над ними. Издалека донесся громкий счастливый рев – Кларенс тоже радовался возвращению домой.

Скрипнула дверь, и на порог выскочила взволнованная миссис Баг. Джейми улыбнулся ей и подал Клэр руку, помогая спуститься с седла.

– Все чудесно, все славно, а вы-то сами как, сэр? – выпалила миссис Баг.

Она держала оловянную чашу и неотрывно полировала ее тряпкой, даже когда Джейми подошел поцеловать ее морщинистую щеку. Не дожидаясь ответа, она повернулась к Клэр и радостно ее чмокнула.

– Ой, до чего ж здорово, что вы, мадам, дома, и вы тоже, сэр, а ужин уже готов, так что волноваться вам не о чем, заходите, снимайте пыльные ботинки, а я пока пошлю Арчи за свежим пивом, и мы...

Непрерывно болтая, она подхватила Клэр под руку и поволокла в дом. Та бросила через плечо беспомощный взгляд, но Джейми только усмехнулся.

Гидеон нетерпеливо пихнул его под локоть.

– Да, да, – опомнился Джейми. – Идем уже, паршивец.

Клэр удалось сбежать от миссис Баг, лишь когда Джейми расседлал жеребца и кобылу, протер им шкуры и задал корм. По пути из конюшни он увидел, как Клэр, воровато оглядываясь, прошмыгивает в дверь, будто опасаясь погони.

Куда это она собралась? Клэр его не заметила: подобрав юбку, спешила за угол дома. Джейми с любопытством пошел вслед за ней.

А, медицинский кабинет она уже проверила, теперь захотела взглянуть, пока еще не совсем стемнело, в порядке ли садик... Женский силуэт вырисовывался на фоне закатного неба, и последние лучики солнца паутиной сверкали в волосах. Сейчас на грядках остались только самые стойкие травы да зимовавшие овощи вроде лука, репы и моркови. Впрочем, неважно: Клэр всегда обходила свои владения, даже если ее не было каких-то пару дней.

Джейми и сам успокаивался лишь после того, как заглянет в каждый сарай.

Поднявшийся к ночи ветер донес резкий запах от уборной: надо бы ею заняться. Впрочем, Джейми вспомнил о новых поселенцах и расслабился: пусть яму копают старшие мальчишки Чишолма.

Старую они с Иэном вырыли, когда только прибыли на Ридж. Господи, сколько воды с тех пор утекло...

Задвинув боль от потери в дальний угол сознания, Джейми подошел к дереву, расстегнул штаны и облегчился. Увидь его сейчас Клэр, наверняка отпустила бы шуточку насчет собак, метящих территорию. «Еще чего», – мысленно возразил он. Просто зачем лишний раз тащиться вверх по склону в переполненную уборную? В конце концов, это его земля и ему решать, где можно отлить, а где нельзя...

Повернув голову, он увидел, что Клэр возвращается из огорода, неся в переднике морковь и репу. Ветер взметнул опавшие каштановые листья, и те закружились вокруг нее в танце, искрясь на свету.

Поддавшись внезапному порыву, Джейми зашел глубже в лес. Обычно он замечал лишь те растения, которые шли в пищу людям или скоту либо могли пригодиться в строительстве дома. Теперь же он пытался увидеть красоту леса.

Вот недозрелый ячмень – зерна уложены в колос женской косой. Вот высохший до хрупкости сорняк, похожий на кружева носового платка. Ветка ели, непривычно зеленая и оставляющая на коже душистый сок. Охапка блестящих дубовых листьев, золотистых, коричневых и серых, так напоминающих о волосах Клэр. И яркий алый плющ.

Клэр, погруженная в свои мысли, шла, не замечая Джейми.

– Сорча²⁵, – тихо позвал он, и она повернула голову, щурясь от солнца.

– Добро пожаловать домой.

²⁵ Гэльский вариант имени Клэр.

Джейми протянул ей букетик из листьев и веток.

– О...

Клэр посмотрела на листья, и губы у нее задрожали – не то от смеха, не то от слез. Потом взяла букет, коснувшись руки Джейми холодными пальцами.

– Джейми, они чудесные...

Она привстала на цыпочки и поцеловала его теплыми и солеными губами. Ему захотелось большего, но она уже уходила в дом, прижимая к груди дурацкие листья так, будто они из золота.

Джейми чувствовал себя до глупого приятно.

– Сорча, – прошептал он. Странно даже, и почему он так ее назвал?.. Джейми никогда не обращался к ней по-гэльски. Ему нравилось, что она англичанка, его саксоночка.

И все же в тот момент она была именно «Сорчей». На гэльском это имя означает «свет».

Джейми довольно выдохнул. Он вдруг понял, как ужасно изголодался: и по пище, и по Клэр. Однако в дом все равно не спешил. Иногда и голод бывает сладким.

Раздался топот и голоса; наконец-то прибыли остальные. В считанные секунды вокруг возникла суетливо разгружающаяся толпа, взволнованные детские вопли перемежались усталыми окриками матерей и торопливыми приветствиями. Однако даже в этой суматохе Джейми двигался неспешно и спокойно.

Он был дома.

* * *

Уже совсем стемнело, когда удалось разместить всех прибывших, переловить детенышей Чишолма и отправить их на ужин, устроить и накормить животных. Джейми пошел вслед за Джефом Чишолмом к дому, но на секунду задержался во дворе.

Он стоял, лениво потирая руки от холода, и любовался поместьем. Добротный сарай, ровные навесы, огороженные загоны для скота, аккуратный частокол вокруг садика Клэр – от голодных оленей. Белый дом маячил в темноте, точно призрак, охраняющий горный хребет. Из его дверей и окон лился свет.

Почувствовав рядом движение, Джейми повернулся. Его дочь, поставив ведро с парным молоком на землю, тоже глядела на дом.

– Приятно вернуться, правда? – тихо спросила Брианна.

– Ага, – отозвался Джейми. – Еще как.

Они с улыбкой посмотрели друг на друга. Внезапно Брианна подалась вперед, заставила его развернуться к свету и нахмурила лоб.

– Что это? – Она стряхнула с плаща крошечный алый листик. – Па, тебе лучше сходить домой и хорошенько помыться. Ты весь в ядовитом плюще.

* * *

– Ты должна была мне сказать, саксоночка! – Джейми негодуя косился на стол в нашей спальне, куда я поставила стакан с его букетиком. Листики ядовитого плюща ярко горели даже в полумраке от очага. – И почему ты еще не выкинула эту дрянь? Нарочно надо мной издеваешься, да?

– Совсе нет, – улыбнулась я, вешая фартук на крючок и расстегивая воротник платья. – Если бы я тебе сказала, ты бы сразу его выбросил. А это единственные цветы, которые ты мне дарил.

Он фыркнул и сел на кровать, чтобы снять чулки. От плаща, рубашки и платка он уже избавился, так что отблеск очага играл на широких плечах. Джейми почесал запястье, хотя я сказала, что покраснения нет, а зуд он себе придумал.

– У тебя никогда не было сыпи, – напомнила я, – а ты ведь не раз должен был попадать в заросли плюща. У тебя, наверное, иммунитет. Такое бывает.

– Как у вас с Бри? Поэтому вы и не болеете? – спросил Джейми.

Я сняла бледно-зеленое платье, заметно истрепавшееся за неделю в пути, и с облегчением распустила корсет. Потом проверила воду в кастрюльке, которую поставила в золу очага. Кого-то из новоприбывших мы отправили ночевать к Фергусу и Марсали или к Роджеру с Бри, и все же на кухне, в операционной и в кабинете Джейми нельзя было и шагу ступить от гостей. Я не хотела спать грязной, но мыться на глазах у всех тоже не стоило.

Вода понемногу грелась, крошечные пузырьки уже липли к бокам. Я попробовала ее пальцем, отлила немного в таз, а остальное поставила обратно, чтобы не остывала.

– У нас не полный иммунитет, – предупредила я. – Кое-какие болезни, вроде той же оспы, мне, Роджеру и Бри совсем не опасны; нам сделали прививку, а это на всю жизнь. Другие, например холера и тиф, скорее всего, тоже не страшны, однако прививка от них не дает постоянной защиты, со временем она слабеет.

Я принялась копаться в седельных сумках, которые Джейми свалил возле двери. На Сборе один из пациентов расплатился за лечение зуба настоящей губкой из Индии.

– А вот болезни вроде холеры – как у Лиззи...

– Я думал, ты ее вылечила, – хмуро перебил Джейми.

Я с сожалением покачала головой:

– Нет, бедняжке теперь от этой заразы не отделаться. Я могу лишь облегчить приступы, чтобы они были реже. Болезнь сидит у нее в крови.

Джейми стянул с волос ремешок и потрянул рыжей гривой.

– Ничего не понимаю. – Он встал, развязывая штаны. – Ты говорила, что если у человека была корь и он выжил, то болезнь больше не вернется, потому что осталась в крови. Именно поэтому я не могу заболеть оспой: потому что уже болел ею в детстве.

– Это немного другое, – запнувшись, пробормотала я. После целого дня на спине лошади мне не очень хотелось объяснять разницу между активным, пассивным и приобретенным иммунитетом или антителами и паразитарной инфекцией.

Я обмакнула губку в воду и отжала, наслаждаясь ее мягкой шелковистостью. Из пор вылились струйки мокрого песка, оседая на дне фарфорового таза. От воды губка размякла, но с одного краю прощупывалось твердое место.

– Кстати, о лошадях...

– А мы что, о них говорили? – не на шутку всполошился Джейми.

– Нет, просто подумала, – недовольно отмахнулась я. – В любом случае, что ты собираешься делать с Гидеоном?

– А-а. – Джейми уронил штаны на пол и потянулся. – Ну, стрелять его я пока не буду, все-таки он парень неплохой. Наверное, сперва я его охолошу. Это укротит его нрав.

– Охлостишь? В смысле, кастрируешь? Радикальная мера. Хотя должно помочь... Хочешь, чтобы я этим занялась? – помедлив, неохотно добавила я.

Джеймс изумленно уставился на меня и громко захохотал.

– Нет, саксоночка, не думаю, что холостить жеребца – работа для женщины, пусть даже она хирург.

Что ж, приятно слышать. Я сдавила губку, и из большой поры вдруг выскочила розово-сиреневая ракушка.

– Взгляни-ка! – в восторге воскликнула я.

– Какая забавная штучка. – Джейми перегнулся через мое плечо, бережно трогая перламутровую спиральку большим пальцем. – Интересно, как она попала в губку?

– Наверное, губка нечаянно ее съела.

– Как это съела?

– Губки ведь живые, – пояснила я. – Точнее, состоят из одного желудка. Они всасывают воду и переваривают все, что попадает внутрь вместе с ней.

– Так вот почему Бри называет малыша губкой. Он тоже так делает.

При мысли о внуке Джейми улыбнулся.

– Да, именно.

Я села и спустила с плеч рубашку. В комнате горел очаг, но воздух еще не прогрелся, по груди и рукам побежали мурашки.

Джейми снял с ремня все, что на нем висело: пистолет, рожок с порохом, кинжал, – и сложил на столик. Затем поднял флягу и выразительно выгнул бровь.

Я с энтузиазмом кивнула, и он принялся копаться в вещах в поисках чашки. Раз уж все комнаты были заняты, то наши седельные сумки, а еще свертки и коробки с товарами, купленными на Сборе, свалили прямо в спальне. Теперь на стенах от них плясали горбатые тени, отчего комната превратилась в каменистый грот.

Джейми и сам похож на губку, подумала я, глядя, как он голый, совершенно не стесняясь наготы, роется в вещах. Он принимал все, что попадалось ему на пути, каким бы чуждым или странным это ни было. Дикий жеребец, похищенный священник, служанка на выданье, упрямая дочка или зять-еретик – все, что он не мог изменить или одолеть хитростью, Джейми просто впитывал, как губка – ракушку.

А я, стало быть, та самая ракушка – выхваченная из привычной жизни сильным течением. Раз и навсегда застрявшая посреди чуждых потоков.

Сердце отчего-то кольнуло. Раковина неподвижно лежала на дне таза – изящная, красивая... и пустая. Я медленно поднесла губку к затылку. Теплая вода щекотно побежала по спине.

В общем-то, я ни о чем не жалела. Сама выбрала эту жизнь. И все же порой некоторые мелочи – например, сегодняшняя беседа об иммунитете – напоминали, как много я потеряла. Словно некую часть меня переварили, отчего иногда я чувствовала себя опустевшей.

Джейми наклонился, бесстыдно выставляя напоказ голые ягодички. Это зрелище вмиг развеяло грустные мысли. Зад у него был подтянутый, округлый, с золотисто-красным пушком, блестящим в свете очага. Между бледными ногами проглядывала мошонка.

Он наконец нашел чашку и наполнил ее до половины. Повернулся, чтобы вручить мне, – и удивленно наморщил лоб, заметив, как пристально я его разглядываю.

– Что такое? Что случилось, саксоночка?

– Ничего.

Видно, это прозвучало не слишком убедительно, потому что Джейми нахмурился.

– Ничего, – повторила я уже веселее. Взяла чашку и приподняла ее в знак благодарности. – Просто задумалась.

Он улыбнулся в ответ.

– Да? Не надо так много думать на ночь, саксоночка. Станут сниться кошмары.

– Пожалуй, ты прав. – Я пригубила содержимое чашки. Как ни странно, там оказалось вино, причем на удивление хорошее. – Ты где это взял?

– Отец Кеннет дал. Это вино для церкви, но не освященное. Он сказал, пусть лучше мне достанется, чем отберут люди шерифа.

На лицо Джейми набежала легкая тень.

– Как думаешь, с ним все будет хорошо? – спросила я. Люди шерифа мало походили на слуг закона – скорее уж на головорезов, которых сдерживал лишь страх перед Джейми.

– Надеюсь. Я сказал шерифу, если со святым отцом что случится, он и его люди ответят.

Я молча кивнула, потягивая вино. Если Джейми узнает, что отца Донахью обидели, он и впрямь заставит шерифа дорого заплатить. На душе стало тревожно – не время сейчас наживать врагов, а шериф графства Ориндж обещает быть серьезным противником.

– Ты похорошела, саксоночка, – заметил вдруг Джейми, с невероятно довольным видом склоняя голову набок.

– Лстец.

Я наградила его холодным взглядом и снова взялась за губку.

– С весны ты, похоже, набрала целый стоун, – невозмутимо продолжил он, обходя меня кругом. – Нагуляла за лето жирок, да?

Я швырнула губку ему в голову.

Ухмыльнувшись, он легко ее поймал.

– Я и не замечал под этими тряпками, как ты поправилась, саксоночка. Я ведь не видел тебя голой уже целый месяц, если не больше.

Он разглядывал меня так, будто я серебряный призер на выставке свиней.

– Наслаждайся моментом, – посоветовала я, краснея с досады. – Теперь не скоро меня увидишь.

Я потянула сорочку вверх, прикрывая свою, пожалуй, и впрямь полную грудь.

Джейми удивленно приподнял брови.

– Саксоночка, ты же не сердишься?

– Нет, конечно. С чего ты взял?

Он улыбнулся, рассеянно проводя губкой по груди, а сам пожирая меня взглядом. Соски у него сморщились от холода, влажно мерцая среди рыжих завитков.

– Ты нравишься мне пухленькой, саксоночка. Сочная и аппетитная, как маленькая курочка.

Я бы подумала, что он хочет загладить вину, но обнаженные мужчины снабжены безотказным детектором лжи. Судя по всему, Джейми и впрямь нравилось то, что он видит.

– О. – Я медленно отпустила сорочку. – Тогда ладно.

Замешкавшись на секунду, я уронила сорочку на пол и забрала у Джейми губку.

– Я... хм... пожалуй, продолжу мыться, хорошо? – пробормотала я и повернулась к нему спиной, ставя ногу на стул. Джейми одобряюще хмыкнул. Я улыбнулась про себя, но торопиться не стала. Воздух в спальне прогрелся, и когда я закончила купание, кожа у меня порозовела, только кончики пальцев все еще покалывало от холода.

Я обернулась. Джейми по-прежнему наблюдал за мной, с хмурым видом почесывая запястье.

– Ты купался? – спросила я. – Потому что, даже если тебе самому ядовитый плющ не страшен, он может попасть на все, что ты трогаешь, а у меня к нему иммунитета нет.

– Весь отдраился щелоком, – заверил он, в подтверждение кладя руки мне на плечи. От него и впрямь сильно пахло едким мылом, которое мы варили из сала и древесной золы, не для купания, а для мытья половиц или закопченных горшков. Неудивительно теперь, что Джейми чесался, – мыло нещадно щипалось, попадая в ранки и царапины, щедро усеивающие его ладони.

Я поцеловала костяшки пальцев, потом нашла коробку, где хранила всякие мелочи, и достала баночку с бальзамом из орехового масла, пчелиного воска и ланолина из овечьей шерсти с добавлением ромашки, окопника, тысячелистника и бузины.

Я зачерпнула немного бальзама и растерла между ладонями. Твердый шарик расплавился и растекся по коже.

– Дай сюда, – велела я и, взяв одну его руку, принялась втирать мазь в складки на суставах. Джейми расслабился и позволил размять каждый палец, смазать каждую самую крошечную царапину и трещинку. На ладонях до сих пор пропечатывались следы поводов.

– Красивый букетик, – кивнула я на пучок листьев в стакане. – Что это на тебя вдруг нашло?

Романтичный на свой лад, Джейми прежде всего радел за практичность. Он в жизни не делал мне легкомысленных подарков, а в растительности и вовсе не видел никакой пользы, если ее нельзя было съесть, добавить в сусло или пустить на целебный отвар.

– Да так. – Джейми смущенно отвел глаза. – Я... хотел подарить тебе одну вещьцу, но потерял. А потом ты похвалила букетик, который Роджер нарвал для Брианны, вот...

Он замолк, буркнув под нос что-то вроде «If rinn!»²⁶.

Я сдержала смех и поцеловала его ободранные костяшки. Джейми в ответ очертил большим пальцем след моего полузажившего ожога, оставленного горячим чайником.

– Саксоночка, тебе тоже надо бы подлечиться.

Он зачерпнул зеленоватой мази и обхватил мою руку большими теплыми ладонями, скользкими от масла и пчелиного воска.

Пальцы Джейми вычерчивали большие медленные круги по ладони; хотелось закрыть глаза и тихо таять от удовольствия. Кажется, и я впрямь зажмурилась, потому что не заметила, как Джейми наклоняется, чтобы меня поцеловать, – только ощутила легкое прикосновение к губам.

Я лениво подняла другую руку, и Джейми обхватил ее, нежно поглаживая. Наши пальцы сплелись. Он стоял так близко, что меня окутывало его теплом и выгоревшие на солнце волосы щекотали мне бедро, когда он потянулся за мазью.

В очаге зашипел огонь – точно на берег хлынула приливная волна, а по беленым стенам заплясали водяной рябью отблески света. Мы словно очутились на дне моря.

– По правде говоря, Роджер рвал букетик вовсе не в подарок Брианне, – сказала я. – А может, и в подарок, как посмотреть.

Джейми удивленно наморщил лоб. Наши пальцы вновь сплелись, и я тихо выдохнула от удовольствия.

– То есть?

– Бри спрашивала, как предохраниться от беременности, и я рассказала о доступных здесь методах. Вообще-то, они не очень работают, но все лучше, чем ничего. Старая бабушка Бэкон дала мне семена, которыми пользуются индианки.

Сонное удовлетворение мигом с него слетело.

– Предохраниться от... Что? Она... хочешь сказать, эти сорняки...

– Ага. По крайней мере, я надеюсь, что они помогут избежать беременности.

– Хмм...

Между бровей у него залегла складка – скорее беспокойная, нежели неодобрительная. Какое-то время он деловито втирал мазь в кожу, словно полировал седло, а не ласкал руки любимой женщины. Я хотела уже отстраниться, когда Джейми наконец опомнился, мягко пожал мне пальцы, поцеловал их и возобновил нежный массаж.

– Ты полагаешь?.. – Он замолк.

– Что?

– Хмм... Саксоночка, а тебе не кажется это странным? Молодая женщина, которая только что вышла замуж, – и вдруг думает о таких вещах?

– Вовсе нет, – резковато ответила я. – На мой взгляд, это вполне разумно. И молодежниками их назвать трудно, ведь они... У них уже ребенок есть!

Джейми беззвучно выдохнул, раздувая ноздри.

²⁶ Черт! (гэльск.)

– Это у нее есть ребенок. Об этом я и говорю, саксоночка. Не должна молодая женщина, которая нашла себе подходящего мужчину, первым делом думать о том, как бы от него не забеременеть. У них точно все хорошо?

– Все хорошо, – медленно проговорила я. – Не забывай, Бри из другого времени, когда женщина сама решает, заводить ей детей или нет. У нее есть такое право.

Джейми недовольно поджал губы – эта мысль не укладывалась в его картину мира.

– Вот как, значит, будет? Женщина скажет «хочу» или «не хочу», а мужчина тут и ни при чем?

Я приснула со смеху.

– Не совсем. И не всегда. Просто это ведь по-разному случается. Порой по глупости или незнанию. А так женщинам, конечно же, не все равно, что думают их мужчины. Хотя в целом... Да, похоже, ты все-таки прав.

Он недовольно хмыкнул.

– Маккензи ведь тоже из того времени... Значит, ему это странным не кажется?

– Он сам собирал для нее травы, – напомнила я.

– Значит, не кажется...

Морщинка между бровями не разгладилась, но хмуриться он перестал.

Дело шло к ночи, и гул разговоров в доме понемногу стихал. Наступающую тишину вдруг пререзал детский плач. Мы оба встрепенулись. Затем из-за двери донеслись тихие увещевания матери.

– Кроме того, для молодой женщины в таких мыслях нет ничего странного. Марсали перед свадьбой тоже приходила ко мне и спрашивала.

– Неужели? А почему ты ей не сказала?

– Конечно, сказала!

– Выходит, твои способы не такие уж действенные? – криво усмехнулся Джейми: Жермен родился через десять месяцев после свадьбы. Второй раз Марсали забеременела сразу же, как только отняла его от груди.

Щеки у меня вспыхнули.

– Даже в мое время с пилюлями случались осечки. А Марсали не помог бы ни один способ, она ведь ими не пользуется!

Марсали подходила ко мне не потому, что не хотела детей, а потому, что переживала, как бы страх беременности не помешал ее близости к Фергусом. «Когда дойдет до дела, я хочу, чтобы мне понравилось» – так она сказала.

Видно, ей понравилось настолько, что о предохранении она просто-напросто забыла. Что же до Брианны, уверена, между ней и Роджером все ладно. Только все непросто...

Джейми вдруг выпутал одну руку из моей хватки и принялся поглаживать мне живот.

– О... – Я невольно сбилась с мысли.

– Ты говорила о пилюлях... Их для этого принимают?

– Ммм... Да.

– И ты не взяла их? Когда вернулась.

Я шумно выдохнула, начиная понемногу таять.

– Нет.

Джейми помолчал, лаская меня все ниже.

– Почему? – тихо спросил он.

– Я... ну... Их надо принимать постоянно, я столько бы взять не смогла. А чтобы на все время, есть одна операция. Довольно простая. Она делает человека... бесплодным.

Я сглотнула. Собираясь в прошлое, я и впрямь подумывала о рисках беременности. Шансов, конечно, было мало, учитывая мой возраст и предыдущий опыт, и все-таки...

Джейми замер, глядя на меня сверху вниз.

– Ради бога, Клэр... Скажи, что ты ее сделала.

Глубоко вздохнув, скользкими от мази пальцами я взялась за его руку.

– Джейми... Если бы сделала – сразу бы тебе сказала. – Я снова сглотнула комок в горле. – Ты... ты бы этого хотел?

Он обхватил меня за талию и очень бережно привлек к себе.

Долгое время мы стояли в обнимку, молча и не двигаясь. Наконец он вздохнул.

– Мне хватит детей. У меня только одна жизнь – и она твоя, mo chridhe²⁷.

Я погладила его по лицу. На нем залегли усталые морщины, щетина отросла – он не брился уже несколько дней.

Я думала об этом. И даже почти попросила знакомого хирурга сделать операцию. Так говорил здравый смысл – зачем рисковать? К тому же не было никаких гарантий, что я переживу путешествие, что найду Джейми... А вероятность забеременеть в моем-то возрасте и вовсе до крошечного мала...

И все же, прожив столько времени вдали от него, я не могла взять и разрушить наш последний шанс. Не то чтобы я хотела ребенка. Но если бы нашла Джейми – и захотел он... Я бы рискнула.

Джейми негромко застонал, зарываясь носом в мои волосы. Мы всегда балансировали на грани риска и надежды: ложась с ним в постель, я вверяла ему свое тело, а он мне – душу.

– Я думала... Я думала, что Брианну ты никогда не увидишь. А о Вилли не знала. Было бы нечестно забрать у тебя возможность иметь детей – и не спросить при этом твоего мнения.

Ты кровь от моей крови, плоть от плоти. Так было и будет, неважно, есть у нас дети или нет.

– Я не хочу другого ребенка, – прошептал он. – Я хочу тебя.

Джейми поднял руку, словно бы против воли, и кончиком пальца мазнул по соску, оставляя зеленый след. Я обняла его, увлекая за собой на кровать, едва сообразив при этом затушить свечу.

– Не волнуйся за Бри, – прошептала я, когда он навис надо мной черным силуэтом. – Роджер сам собирал для нее травы. Он знает, чего ей хочется.

Джейми негромко хмыкнул – и застонал от удовольствия, скользнув в меня.

– Я тоже знаю, чего хочу, – пробормотал он мне на ухо. – И завтра соберу тебе еще один букетик.

* * *

Убаюканная усталостью, любовью и теплой мягкой кроватью, я спала как убитая.

Где-то к рассвету мне приснился туманный сон, одни лишь цвета и ощущения. Чьи-то маленькие руки перебирали мои волосы и гладили по лицу. Я перекатилась на бок, во сне мечтая покормить дитя. Крошечные пальцы защекотали грудь. Я прижала ребенка к себе – как вдруг меня укусили.

Я подпрыгнула и открыла глаза. По одеялу вихрем пронеслась серая тень. Увидев ее, я заорала во весь голос.

Джейми слетел с кровати и вскочил на ноги.

– Что случилось? – принялся он озираться в поисках нападавших. – Кто здесь?

– Крыса!

Дрожащим пальцем я ткнула в щель между стеной и ножкой кровати, куда ускользнула серая гадина.

– А... – Он расслабился, сонно потирая лицо и ероша волосы. – Крыса, значит?

²⁷ Сердце мое (гэльск.).

– Крыса в нашей постели! – Я не собиралась спокойно это терпеть. – Она меня укусила! Я осмотрела пострадавшую грудь. Крови не было, зато была парочка царапин, которые нещадно саднили. Все внутри заледенело при мысли о бешенстве.

– Успокойся, саксоночка. Я разберусь.

Джейми взял кочергу и решительно направился к изножью. Кровать была из цельных досок, между ней и стеной оставалось каких-то пару дюймов. Крыса попала там в ловушку, если не успела сбежать, пока мы с Джейми выпутывались из одеял.

Я встала на колени, готовая удрать при малейшей опасности. Джейми перехватил кочергу поудобнее и поднял свисающий конец покрывала. Потом замахнулся хорошенько, но в самый последний момент отвел удар, громыхнув кочергой по стене.

– Что такое? – спросила я.

Не отвечая, он наклонился, шурясь в тусклом свете, и вдруг захохотал. Отбросил кочергу, присел на корточки и медленно просунул руку в щель, бормоча что-то сквозь зубы.

– Ты что, разговариваешь с крысой?

Я подползла поближе, но он покачал головой, останавливая меня, и, должно быть, что-то схватил, потому что довольно хмыкнул.

Джейми выпрямился, держа за шкурку серый пушистый комочек.

– Вот, саксоночка, твоя крыса.

Он осторожно уложил зверька на одеяло. На меня, не мигая, уставились огромные зеленые глаза.

– Господи... Ты откуда взялся?

Я медленно протянула к котенку руку и погладила крошечную головку. Тот зажмурился и принялся тереться о мои пальцы. Комнату наполнило удивительно громкое урчание.

– Вот подарок, который я хотел тебе преподнести, саксоночка, – заявил ужасно довольный собой Джейми. – Он разгонит грызунов в медицинском кабинете.

– Разве что самых мелких. – Я скептически разглядывала свое приобретение. – С ним ведь... это же мальчик да?.. с ним любой таракан справится, не говоря уж о мыши.

– Вырастет, – заверил Джейми. – Взгляни на лапы.

Котенок – это и впрямь был парень – перекатился на спину и, точно жук, задрывал лапками. Каждая была размером с монетку, но по сравнению с крохотным тельцем казалась просто огромной. Я пощекотала розовые подушечки, проглядывающие из серой шерсти.

Кто-то сдержанно постучал, и я поспешно прикрылась простыней. В спальню заглянул лохматый и взъерошенный мистер Уэмисс.

– Э... Все хорошо, сэр? – поинтересовался он, близоруко моргая. – Дочка разбудила, сказала, крики какие-то, а потом мы услышали стук.

Он торопливо отвел от меня глаза, уставившись на выбоину в белой стене.

– Все хорошо, – успокоил его Джейми. – Просто ловили котенка.

– Правда? – Джозеф расплылся в улыбке, увидев на кровати серый комочек. – Cheetie²⁸, да? Что ж, на кухне ему будут рады.

– А то. Кстати, о кухне. Джозеф, отправьте девочку, пусть принесет киске немного сливок, хорошо?

Тот кивнул и исчез.

Джейми потянулся и зевнул, еще сильнее растрепывая руками волосы. Я окинула его придирчивым взглядом.

– Ты похож на мамонта.

– Да? А кто такой мамонт?

– Доисторический слон – ну, ты знаешь, животное с длинным хоботом.

²⁸ Котенок (шотл.).

Он покосился вниз и выразительно приподнял бровь.

– Что ж, спасибо за комплимент, саксоночка. Мамонт, значит, да?

Он снова вскинул руки и от души потянулся, прогибаясь в спине, тем самым невольно усиливая сходство между некоей частью мужской анатомии и слоновьим носом.

Я захохотала.

– Я не совсем это имела в виду. Хватит бахвалиться, сейчас Лиззи придет. Или надевай штаны, или возвращайся в кровать.

В коридоре раздались шаги, и Джейми нырнул в постель, спугнув котенка, который ринулся прочь, цепляясь коготками за простыню. Сливки принес сам мистер Уэмисс – решил избавить дочку от лицемерия обнаженного горца.

Погода была хорошей, ставни на ночь оставили открытыми. Теперь в них заглядывало небо цвета свежих устриц: влажное и жемчужно-серое. Мистер Уэмисс покосился в окно, моргнув, кивком ответил на благодарность Джейми и поплелся обратно в постель, намереваясь подремать еще полчаса до рассвета.

Я выпутала котенка из своих волос, где он укрылся, и поставила перед миской со сливками. Вряд ли он хоть раз их видел, но запах взял свое, и котенок сунул в миску усы.

– Вот это чавкает! – одобрительно заметил Джейми. – Я отсюда слышу.

– Чудесный котенок. Ты где его взял?

Я устроилась рядышком с Джейми, наслаждаясь его теплом. Огонь за ночь прогорел, в комнате было свежо и горько пахло золой.

– В лесу нашел. – Джейми широко зевнул и пристроил голову мне на плечо, наблюдая за котенком, предающимся греху чревоугодия. – Думал, что потерял, когда Гидеон понес. А он, наверное, залез в седельную сумку.

Мы сонно блаженствовали, обнимаясь в теплом коконе постели, а небо за окном понемногу светлело. Одна за другой пробуждались птицы, а вместе с ними и дом – снизу донесся детский плач, потом шаги и ропот голосов. Надо было вставать – предстояло немало дел, но мы не двигались с места, не желая покидать тихое убежище.

Джейми вздохнул, отдавая горячим дыханием мое плечо.

– Неделя осталась, – пробормотал он.

– До твоего отъезда?

– Угу. Как раз успею здесь все наладить и поговорить с мужчинами из Риджа. Потом еще неделя, чтобы проехать от границы до Дранкард-Крик и собрать людей. Если Трион объявит мобилизацию...

– Если объявит, я поеду с вами.

Джейми поцеловал меня в шею.

– Вряд ли. Ведь вы с Бри не слышали о боевых действиях в здешних местах.

– Значит, крупных стычек не было. Колонии огромны, Джейми. За двести лет мы могли просто забыть о мелких битвах, особенно если те происходили на другом конце страны. А в Бостоне сейчас...

Я вздохнула. Я и о Бостоне знала немного, однако Бри там выросла, и в школе им неплохо преподавали местную историю. Дочь рассказывала нам о Бостонской бойне – уличной стычке между горожанами и английскими солдатами, которая случилась в прошлом марте.

– Да, возможно, – согласился Джейми. – И все же не думаю, что нас ждет война. Скорее всего, Трион лишь хочет припугнуть регуляторов.

Возможно, так и будет. Однако я помнила старую поговорку: «Человек предполагает, а Бог располагает», и от кого бы ни зависели грядущие события – от Бога ли, от губернатора, – одним лишь небесам ведомо, что нас ждет.

– Ты правда так думаешь? Или просто надеешься?

– И то и другое. Хотя больше надеюсь. И молюсь. Но все равно верю, что обойдется.

Котенок тем временем опустошил блюдо, шумно шлепнулся на зад, слизал с мордочки последние капли и вразвалку, покачивая округлившимися боками, побрел к кровати. Запрыгнул, примостился у меня под боком и заснул.

Точнее, задремал – я даже сквозь одеяло чувствовала, как он мурлычет.

– И как мне его назвать? – задумалась я, поигрывая с кончиком пушистого хвоста. – Пятнышко? Пушок? Тучка?

– Что за дурацкие клички, – лениво отозвался Джейми, не страдая толерантностью. – Это ты в Бостоне так называла котят?

– Нет. У меня раньше не было кошек, – призналась я. – У Фрэнка была аллергия, он от них чихал. А как шотландцы называют кошек? Диармайд? Макгилливри?

Джейми фыркнул и расхохотался.

– Адсо, – уверенно сказал он. – Назови его Адсо.

– Это что за кличка такая? – поразила я. – Впервые слышу это слово.

Джейми пристроил подбородок мне на плечо, глядя на спящего котенка.

– У моей мамы был кот по кличке Адсо. Серый чертенок, очень похожий на этого.

– Правда?

Джейми редко говорил о матери, та умерла, когда ему было восемь.

– Ага. Тот еще мышелов и мать обожал, а нас, детей, терпеть не мог. – Джейми улыбнулся. – Наверное, потому, что Дженни наряжала его в платица и кормила сухарями, а я однажды кинул в мельничный пруд – хотел проверить, умеет ли он плавать. Умел, кстати, – добавил Джейми. – Только не любил.

– Кажется, я его понимаю. И все-таки, почему Адсо? В честь какого-то святого?

Кельтских святых порой звали очень странно: например, Онху или Дарлугдаха. Но о святом Адсо я слышала впервые. Какой-нибудь покровитель мышей?

– Не святого, – поправил Джейми. – Монаха. Мать, как ты знаешь, получила хорошее образование, она училась в Леохе с Колумом и Дугалом, умела читать на греческом и латыни, немного на иврите, а еще на французском и немецком. В Лаллиброхе, конечно, библиотека была маленькой, но отец старался выписывать для нее книги из Эдинбурга и Парижа.

Джейми почесал коту полупрозрачное ухо, и тот смешно дернул усами, прищурился, будто собираясь чихнуть, однако глаз так и не открыл. Мурлыканье притихло.

– Одну из ее любимых книг написал австриец, Адсо из Мелька. И она решила, что его имя отлично подходит для кота.

– Почему?

– Потому что Мельк... – Джейми выразительно кивнул на опустевшее блюдо, – ...значит «молоко».

Котенок приоткрыл зеленый глаз, будто бы отзываясь на кличку, и замурлыкал с новой силой.

– Что ж, раз он не против, я – тем более. Пусть будет Адсо.

Глава 19

Меньшее зло

Неделю спустя мы – то есть женщины – гнули спины над стиркой, как вдруг Кларенс зычно объявил о чьем-то визите. Маленькая миссис Аберфельд подпрыгнула, будто ужаленная пчелой, и уронила мокрые рубашки на землю. Миссис Баг и миссис Чишолм дружно открыли рты, собираясь ее отчитать, а я воспользовалась моментом, чтобы улизнуть: вытерла руки о фартук и поспешила во двор встречать гостей.

Как раз вовремя: из кустов показался гнедой мул, вслед за ним – толстая кобыла на поводу. Мул встряхнул ушами и радостно поздоровался с Кларенсом. Я поспешно зажала уши и прищурилась, разглядывая в слепящем солнечном свете всадника.

– Мистер Хазбенд!

– Миссис Фрейзер, доброго вам дня!

Эрмон Хазбенд снял черную фетровую шляпу, коротко кивнул мне и спешил, с громким стоном разгибая спину. Под бородой беззвучно шевельнулись губы. Он был квакером и избегал крепких выражений, по крайней мере вслух.

– Ваш супруг дома, миссис Фрейзер?

– Только что видела, как он идет в конюшню. Сейчас найду его! – крикнула я, перекрывая рев мулов, взяла у гостя шляпу и махнула в сторону дома. – Идите, я позабочусь о ваших лошадях.

Он поблагодарил и, хромая, направился к кухонной двери. Со спины я видела, что Хазбенд почти не опирается на левую ногу. Шляпа у меня в руке была в пыли и грязи, а еще от него несло немытым телом и потной одеждой. Значит, в седле он провел не только сегодняшний день, но и как минимум всю неделю, а спал под открытым небом.

Я расседлала мула и сняла две седельные сумки, набитые скверно пропечатанными памфлетами с жуткими иллюстрациями. Одна из картинок показалась весьма любопытной: гравюра изображала горящих праведным гневом регуляторов, противостоящих кучке чиновников, среди которых заметно выделялся приземистый силуэт Дэвида Анструтера. Подписи не было, но художнику на удивление тонко удалось передать сходство шерифа с ядовитой жабой. Интересно, с какой стати Хазбенд развозит эти чертовы листовки?

Животных я загнала в загон, шляпу и сумки сложила на крыльце, а сама поднялась на холм к конюшне – небольшой пещере, огороженной частоколом. Бри называла ее родильным отделением: обычно мы там держали тельных коров или жеребых лошадей.

Что же привело в наши земли Эрмона Хазбенда... и нет ли за ним погони? До его фермы отсюда ехать дня два – не самый близкий путь для увеселительной прогулки.

Хазбенд был одним из лидеров регуляторов и неоднократно попадал в тюрьму за свои разоблачительные брошюры. Последний раз я о нем слышала, когда его изгнали из местной общины квакеров – те сочли, что он подстрекает людей к насилию. Судя по памфлетам, опасения были не напрасны...

Из приоткрытой двери конюшни доносились терпкие запахи соломы, скота и навоза вперемишку с крепкими ругательствами. Джейми квакером не был и сквернословить не стеснялся, хотя на гэльском эти выражения звучали весьма поэтично.

Нынешнюю реплику я перевела для себя примерно как «чтоб кишки перепутались змеями и брюхо лопнуло! Да падет на тебя, отродье навозных мух, проклятье ворон!» И так далее в том же духе.

– Ты с кем разговариваешь? – удивленно заглянула я внутрь. – И что за проклятье ворон?

Я прищурилась, глядя в темноту, но увидела лишь силуэт Джейми возле белеющей в углу копны соломы. Он повернулся ко мне и вышел на свет, приглаживая руками выбившиеся из-под ремешка волосы.

– *Tha nighean na galladh torrach!* – хмуро объявил он, тыча пальцем себе за спину.

– *Белая сукина дочь...* – недоуменно перевела я. – О, чертова свинья опять сбежала?

Наша свиноматка – создание крайне коварное и свободолюбивое. Она уже дважды сбежала из загона: в первый раз кинулась на Лиззи (той, к счастью, хватило ума отпрыгнуть с ее пути и закричать), а во второй вырыла себе яму возле стены, легла в засаде, дождалась, когда ворота откроют, и сбила меня с ног. Сегодня она столь грандиозных планов не строила – просто выбила доску и прокопала под частоколом лаз... Прямо-таки побег из нацистского лагеря!

– А то. – Джейми, несколько успокоившись, вновь перешел на английский. – Что до проклятья ворон, то оно бывает разным. Например, ты желаешь кому-нибудь, чтобы птицы налетели на его посевы и сожрали зерно. Я вот хотел, чтобы они выклевали этой твари глаза.

– Да, тогда, наверное, было бы легче ее ловить, – вздохнула я. – Как скоро она должна опороситься?

– День, может, два или три. Если это произойдет в лесу и ее вместе с поросятами сожрут волки, так ей и надо. – Он пнул кучку земли возле лаза, бросая комок глины в темную дыру. – Кто-то приехал? Я слышал Кларенса.

– Эрмон Хазбенд.

Джейми резко повернулся, мигом позабыв о свинье.

– Хазбенд? – переспросил он тихо, словно про себя. – С чего бы?

– Не знаю. Но он не первый день в седле – наверное, памфлеты развозит.

Мне пришлось почти бежать, так стремительно Джейми спускался по склону, на ходу завязывая волосы. Догнав мужа, я стряхнула у него с плеч соломинки.

Небрежно кивнув миссис Чизхолм и миссис Маклауд, которые палками выуживали дымящееся белье из чана и развешивали на кустах, Джейми направился в дом. Под двумя осуждающими взглядами я последовала за ним, старательно делая вид, что у меня есть занятие поважнее стирки.

О Хазбенде уже позаботились – возле него лежал на тарелке хлеб с маслом и стояла полупустая кружка пахты. Сам Хазбенд, опустив голову на сложенные руки, крепко спал. Рядом крутился Адсо, приглядываясь к густым седым бакенбардам, дрожащим от храпа. Котенок зачарованно протянул к ним лапку, но Джейми за шкурку сгреб его со стола и сунул мне.

– Мистер Хазбенд, – тихо позвал Джейми, наклоняясь над столом. – Сэр...

Тот фыркнул, заморгал и резко сел, чудом не опрокинув кружку с пахтой. Уставился на меня, словно припоминая, где это он, затем опомнился и привстал, кивая Джейми.

– Друг Фрейзер! Прощу прощения, я...

Джейми отмахнулся и сел напротив, небрежно беря с тарелки второй кусок хлеба.

– Вы чего-то хотели, мистер Хазбенд?

Тот с силой потер лицо, что, конечно, красоты ему не добавило, зато позволило проснуться. Здесь, в полумраке кухни, он выглядел еще хуже: под красными глазами проступали мешки, седые волосы и борода сбились в колтуны. Хазбенду было немногим за пятьдесят, но казался он лет на десять старше.

– Благодарю за гостеприимство, миссис Фрейзер. И вас также, мистер Фрейзер. Я хотел бы попросить об одной услуге, если не затруднит.

– Чем могу помочь? – вежливо отозвался Джейми и, вопросительно приподняв брови, откусил от хлеба.

– Вы не могли бы купить мою лошадь?

Джейми продолжал задумчиво жевать.

– Зачем?

Разумный вопрос. Лошадь гораздо проще продать в Салеме или Хай-Пойнте, раз уж ему не хочется ехать в Кросс-Крик. Человек в здравом рассудке не потащится в такую глушь, как Ридж. Я спустила котенка на пол и села рядом с Джейми.

– Слышал, вас назначили полковником милиции.

– Виноват. – Джейми взмахнул кусочком хлеба и криво усмехнулся. – Вы же не думаете, что правительство дало мне денег на содержание полка?

Гость приподнял уголок рта в знак того, что оценил шутку. Полковник должен сам обеспечивать своих людей, надеясь в будущем получить компенсацию от Ассамблеи: именно поэтому должность не считалась почетной и ею «одаряли» лишь самых состоятельных граждан.

– Если б так, я был бы рад помочь.

Джейми приглашающе указал на тарелку, и Хазбенд взял другой кусок хлеба. Он долго жевал его, глядя на Джейми из-под седоватых бровей, и наконец покачал головой.

– Нет, друг Фрейзер. Я должен распродать свой скот, чтобы заплатить штраф. Иначе у меня отберут имущество. В таком случае мне с семьей придется покинуть колонии. В общем, надо продать все, что могу, и за любую цену.

Джейми нахмурился.

– Ясно... Я бы помог вам, Эрмон, надеюсь, вы понимаете. Но, боюсь, у меня наличных наберется не больше двух шиллингов, нет даже бумажных векселей, не говоря уж о серебре. Если я могу еще что сделать...

Хазбенд улыбнулся.

– Да, друг Джеймс. Ваш совет и поддержка будут бесценны. Что до остального...

Он поднялся и достал из наплечной сумки письмо со знакомой восковой печатью. В груди тревожно похолодело.

– В Пампкин-Тауне я встретил гонца, – пояснил Хазбенд, пока Джейми ломал печать. – И предложил сам передать вам письмо, раз уж собирался сюда.

Джейми кивнул, внимательно читая послание. Я подвинулась ближе, заглядывая ему через плечо.

22 ноября 1770 года.

Полковнику Джеймсу Фрейзеру.

По последним известиям, возле Солсбери собрались лица, именующие себя регуляторами. Я отправил распоряжение генералу Уодделу разогнать это незаконное сборище силами милиции. Приказываю вам собрать годных к службе мужчин и явиться в Солсбери, чтобы до 15 декабря вступить в войска генерала. С собой надлежит иметь запас провианта в достаточном количестве, чтобы обеспечить ваших людей на протяжении двух недель.

Ваши покорный слуга,

Уильям Трион.

В комнате повисла тишина, только потрескивали угли в очаге. Снаружи доносились женские голоса, в окно залетал запах щелочного мыла, смешиваясь с ароматами тушеного мяса и дрожжевого теста.

Джейми перевел взгляд на Хазбенда.

– Знаете, о чем письмо?

Квакер устало кивнул.

– Гонец рассказал. Губернатор не пытается делать из этого тайну.

Джейми согласно хмыкнул и посмотрел на меня. Да уж, губернатор секретничать не станет. Чем больше людей знает, что Уоддел направляется в Солсбери с отрядом милиции, тем лучше. Особенно если известна конкретная дата. Мудрый полководец предпочитает запугивать противника, а не сражаться с ним, тем более что официального войска у Триона нет, а значит, главное его оружие – это осмотрительность.

– Так что думают регуляторы? – спросила я Хазбенда. – Что они намереваются делать? Тот испуганно вздрогнул.

– Делать?

– Ваши люди ведь собрались там не просто так, – заметил Джейми.

Хазбенд не стал спорить.

– Конечно, – с достоинством выпрямил он спину. – Хотя вы ошибаетесь, это не мои люди, если не считать того, что все люди – братья. Что же до их цели, они хотят выразить протест против злоупотребления властью. Против введения незаконных налогов, изъятия земель...

Джейми нетерпеливо взмахнул рукой.

– Да, Эрмон, я все это слышал. И ваши памфлеты читал. Вы сами-то чего хотите?

Квакер безмолвно приподнял густые брови.

– Трион не скрывает своих планов. А вы – скрываете. И в конечном счете они разнятся с интересами регуляторов, так ведь?

Джейми смотрел на Хазбенда, потирая пальцем длинный нос. Тот почесал подбородок.

– Вы о том, что я привез письмо, хотя мог бы его придержать?

– Именно.

Хазбэнд глубоко вздохнул и потянулся, громко хрустнув суставами.

– Даже если забыть о том, что я думаю о подобном поступке, друг Джеймс... Я ведь уже говорил, как много для меня значит ваша дружба?

– И для меня тоже, – улыбнулся Джейми краешками губ.

– Предположим, генерал Уоддел выступит против регуляторов. Как думаете, с кем им лучше столкнуться: с враждебно настроенными незнакомцами или своими приятелями-соседями?

– Из двух зол выбирают меньшее... И я, выходит, меньшее зло. Понятно.

– Именно так, друг Джеймс. Я последние десять дней провел в седле, ездил по всем западным колониям, пытаясь распродать имущество. Регуляторы не представляют угрозы, мы не желаем разрушений, мы хотим лишь, чтобы наши жалобы услышали. В Солсбери соберутся те, кто пострадал от властей, мы надеемся привлечь внимание к вопросам, которые важны для всех. Хотя симпатий тех, кто далек от наших проблем, мы не ждем.

Джейми перестал улыбаться.

– Мои симпатии на вашей стороне, Эрмон. Дело в том, что я... я полковник милиции. И выполню свой долг, по душе он мне или нет.

Хазбэнд отмахнулся.

– Я не прошу забыть о долге. Хотя приехал с просьбой. У меня жена, дети... Если им придется спешно уезжать...

– Отправляйте их сюда. Здесь они будут в безопасности.

Хазбэнд уронил плечи, зажмурился и вздохнул. Потом открыл глаза и положил руки на стол, собираясь подняться.

– Благодарю. Что до кобылы – оставьте пока себе. Если моей семье она понадобится, я за ней пришлю. Если нет... пусть лучше будет у вас, чем достанется какому-нибудь продажному шерифу.

Я почувствовала, что Джейми хочет возразить, и предупреждающе положила руку ему на колено. Эрмону Хазбенду сейчас больше нужна поддержка, нежели кобыла, которую он не в силах прокормить.

– Мы позаботимся о ней, – сказала я с улыбкой. – И о ваших близких, если придется. Как ее зовут, кстати?

– Кобылу? – Хермон встал на ноги и вдруг задорно усмехнулся. – Ее зовут Джеруша, хотя моя жена называет ее Миссис Свинка. Боюсь, аппетит у нее чрезмерный, – смущенно добавил он для Джейми, который при слове «свинка» ощутимо напрягся.

– Пустяки. – Джейми, видно, с большим трудом отогнал мысли о свинье и встал, глядя в окно: лучи послеполуденного солнца заливали золотом подоконник и пол. – Уже темнеет, Эрмон. Может, переночуете у нас?

Тот покачал головой и наклонился за сумкой.

– Нет, друг Джеймс, благодарю. Мне еще много куда надо успеть.

Я настояла, чтобы он подождал, пока ему соберут еды в дорогу. Джейми тем временем седлал мула. Я слышала, как они переговариваются во дворе, хотя голоса звучали так тихо, что я не разобрала ни слова, только самую последнюю фразу, когда вынесла сверток с сэндвичами

и бутылъ пива. Джейми как раз напористо спросил: «Эрмон, вы уверены, что это разумный поступок? И что иначе нельзя?»

Тот ответил не сразу. Забрал у меня сверток, благодарно кивнул. Потом, держа мула на поводу, все-таки повернулся к Джейми.

– Я частенько вспоминаю о Джеймсе Нейлере. Слышали о нем?

Мы с Джейми недоуменно переглянулись, и Эрмон улыбнулся в бороду.

– Он был членом Общества Друзей, одним из первых, кто присоединился к Джорджу Фоксу. Человек твердой веры, хотя и не без некоторой... экстравагантности. Однажды Джеймс Нейлер побегал голым по снегу, крича о падении города Бристоля. Джордж Фокс спросил его: «Уверен ли ты, что Господь желал подобного поступка?»

Эрмон нахлобучил шляпу, улыбаясь еще шире.

– А тот ответил: «Да, уверен». Вот и я уверен, друг Джеймс. Храни Господь тебя и твою семью.

Глава 20

Уроки стрельбы

Терзаемая чувством вины, Брианна оглянулась. Дом давно исчез в желтом море каштановых листьев, но плач ребенка до сих пор стоял в ушах.

Роджер проследил за ее взглядом и нахмурился.

– Не переживай, милая. Ты же знаешь, твоя мать и Лиззи о нем позаботятся.

– Лиззи совсем его избалует, – согласилась она, но на сердце все равно было тяжело. Лиззи не спускала Джемми с рук, играла с ним, кормила рисовым пудингом с патокой... Брианну вдруг накрыл ужасный приступ ревности, ей стала ненавистна одна лишь мысль, что Лиззи будет трогать розовые пальчики Джемми и играть с ним в «Десять маленьких поросят».

Брианна не любила оставлять сына, пусть даже на время. В голове до сих пор звенели его панические крики, во сто крат усиленные воображением, а перед глазами так и застыло личико, искаженное гневом и болью предательства.

В то же время ей надо было уйти. Она не могла дожидаться момента, когда оторвет от себя липкие детские пальчики и перелетным гусем умчится в утреннюю даль.

Наверное, отсюда и чувство вины – в глубине души Брианне *хотелось* уйти и бросить сына.

– Я не сомневаюсь, что все будет хорошо, – сказала она скорее для себя, чем для Роджера. – Просто... Я никогда так надолго его не оставляла.

– Угу, – сочувственно пробурчал Роджер. Однако, судя по лицу, он явно думал, что ребенка надо оставлять почаще.

Брианна вспыхнула от гнева, но вовремя прикусила язык. Роджер ведь ничего не сказал. Она проглотила колкую фразу и улыбнулась.

– Хороший сегодня денек, правда?

Зеленые глаза разом потеплели, приобретая оттенок сочного мха, ковром пружинившего под ногами.

– Еще какой. Приятно погулять на свежем воздухе, правда?

Прозвучало это немного двусмысленно. Брианна не стала отвечать, просто кивнула и запрокинула голову, подставляя лицо блуждающему ветру, заблудившемуся в елях и пихтах. Неожиданно их окутало вихрем ржавых осиновых листьев.

– Постой-ка.

Повинуясь внезапному желанию, Брианна сбросила кожаные башмаки с чулками и затолкала в сумку на плече. Встала и закрыла глаза, шевеля пальцами босых ног во влажном мху.

– Роджер, только попробуй! Так здорово!

Он заломил бровь, но все-таки опустил ружье (Брианна позволила нести оружие Роджеру, хотя то и дело порывалась его отобрать), снял ботинки, осторожно ступил одной ногой на мох – и невольно зажмурился, округляя рот в беззвучном «Оох!».

Брианна порывисто подалась ближе и поцеловала его. Он изумленно распахнул глаза, потом обхватил ее за талию и стал целовать в ответ. День для поздней осени выдался на удивление теплым, Роджер не надел пальто; сквозь материал рубашки ощущалась твердая грудь.

Бог знает, что случилось бы дальше, но тут ветер сменил направление. Из моря желтой листвы донесся слабый крик. Может, это вовсе был не ребенок, просто ворона каркнула вдалеке, однако Брианна стрелкой компаса немедленно развернулась на звук.

Настроение пропало, и Роджер отступил на шаг.

– Хочешь вернуться? – безропотно спросил он.

Она поджала губы и мотнула головой.

– Нет. Только давай отойдем подальше. А то нас услышат. В смысле, выстрелы.

Роджер усмехнулся, и Брианна вспыхнула. Она не могла притворяться, будто не понимает, что у сегодняшней прогулки есть и иная цель.

– Конечно. – Роджер наклонился за ботинками. – Пошли.

Обуваться Брианна не стала, но ружье забрала. Не то чтобы она не доверяла Роджеру (хотя он признался, что из такого прежде не стрелял). Просто с ружьем, пусть даже незаряженным, ей было безопаснее. Длинный пехотный мушкет весил добрых фунтов десять, зато полированный приклад удобно лежал в руке, а стальной ствол приятно оттягивал плечо.

– Так и пойдешь босиком?

Роджер неодобрительно посмотрел на ее ноги и перевел взгляд на горный склон, заросший кустами колючей ежевики и усыпанный валежником.

– Только немного, – заверила Брианна. – Я с детства привыкла ходить босиком. Папа – Фрэнк – каждое лето возил нас в горы, в Уайт-Маунтинс или Адирондак. За пару дней ноги у меня грубели так, что я могла по горящим угольям ходить.

– Ага, у меня тоже, – усмехнулся Роджер и снова сбросил ботинки. – Правда, гулять по берегам Несса или галечному пляжу Ферт-оф-Форт проще, чем по этим булыжникам.

Он кивком указал на тропинку, прятавшуюся под обломками гранитных скал.

– Кстати... – Брианна хмуро опустила взгляд. – Ты давно делал прививку от столбняка? Вдруг наступишь на что-нибудь острое?

– Прежде чем пройти сквозь камни, я сделал все прививки, какие только можно, – заверил Роджер. – От тифа, холеры, лихорадки денге... Думаю, в этом списке был и столбняк.

– Денге? Я тоже позаботилась о прививках, но о тропической лихорадке не подумала... – Зарываясь пальцами в сухую траву, Брианна догнала его несколькими широкими шагами. – К чему ее бояться здесь или в Шотландии?

Тропинка вилась по крутому берегу и исчезала под навесом черно-зеленой тсуги. Роджер приподнял тяжелые ветви, и Брианна нырнула в душистый сумрак.

– Я же не знал, куда попаду. – Голос Роджера звучал здесь приглушенно. – Вдруг в какой-нибудь портовый город или Вест-Индию, где раньше было... где сейчас, – поправился он, – немало заразы, которая разносится на невольничьих судах.

Брианна не ответила, сделав вид, что отвлеклась на дорогу. Однако в душе стало тревожно от того, насколько серьезно Роджер готовился к ее поискам... А еще эта мысль до неприличия обрадовала.

Земля вся была усыпана иголками, такими мокрыми, что они даже не хрустели под ногами, лишь приятно пересыпались и пружинили.

– Ай!

Роджеру не повезло – он поскользнулся на гнилой хурме и едва не упал, чудом ухватившись за куст падуба, который в отместку исколот его острыми листьями.

– Черт... – пробормотал он, слизывая с пальца каплю крови. – Хорошо, что я привит от столбняка, правда?

Брианна рассмеялась, но на сердце вдруг стало тяжело. А как же Джемми? Он ведь скоро начнет ходить и босиком лазить по горам... Мальчишки Маклауда и Чишолма – не говоря уж о Жермене – постоянно были в синяках и царапинах, с ними каждую неделю что-то случалось. Или вот болезни... Ей с Роджером брюшной тиф или дифтерия не страшны, однако у Джемми такой защиты нет...

Она сглотнула, вспоминая вчерашний вечер. Этот дьявольский жеребец все-таки цапнул отца, и Клэр, усадив его перед очагом, заставила снять рубашку и стала перевязывать рану. Джемми с любопытством высунул голову из колыбельки, и дед взял его на руки.

– *Цоки цок, цоки цок!* – напевал он, легонько подбрасывая на коленях счастливого малыша. – *А по нашей злобной кляче... скоки скок, скоки скок... нож мясницкий давно плачет!..*

В голове у Брианны засела не милая песенка. Нет, ее поразили резкий контраст между полупрозрачной нетронутой кожей ребенка и блестящей паутиной шрамов по всей спине отца вкупе с кроваво-черной раной на руке. Для мужчин сейчас опасное время...

Конечно, от всех бед Джемми не уберечь. Но от одной мысли, что с ним – или Роджером – что-то случится, сводило живот и бросало в холод.

– Ты сильно поранился? – резко повернулась она к Роджеру.

– Что? – удивленно моргнул он, уже забыв об исколотых пальцах. – Нет, конечно.

Брианна взяла его за руку и поцеловала царапинки.

– Будь осторожнее, – велела она.

Роджер удивленно рассмеялся.

– Хорошо. Не волнуйся, с оружием обращаться я умею. Пальцы себе не отстрелю. Как думаешь, это место пойдет для полигона?

Они вышли на небольшой луг, заросший рододендронами и высокой травой. С той стороны стояли осины, трепеща остатками золотых и багряных листьев на фоне яркого неба. Где-то рядом шумел ручей, над головой кружил красный ястреб. Солнце приятно грело плечи.

– То, что надо, – согласилась Брианна и сняла с плеча ружье.

* * *

Ружье оказалось замечательным: длинным, но сбалансированным, его запросто можно было удержать на вытянутой руке – что Брианна и продемонстрировала с превеликим удовольствием.

– Видишь? – сказала она, одним движением вскидывая ружье. – Вот точка равновесия.левой рукой берешься здесь, поднимаешь и упираешь приклад в правое плечо. Держи крепче. Отдача сильная.

Она показала, как это делается, затем передала ружье Роджеру – причем нежнее, чем когда протягивала ему ребенка. С другой стороны, Джем рос малышом крепким.

Брианна неторопливо зарядила ружье. Роджер, прикусив от усердия язык, за ней повторял: оторвать зубами бумажную закрутку на гильзе, забить пулю в дуло... Собственная неуклюжесть его раздражала, а вот изящные выверенные движения Брианны очаровывали и вызвали возбуждение.

Ладони у нее были крупными, почти мужскими, только более тонкими. С оружием она обращалась легко – другие женщины управляют так с метлой и иглами. Сегодня она надела бриджи, и домотканая материя плотно обтянула длинные ноги, когда Брианна села на корточки и принялась рыться в сумке.

– Ты что, взяла еду? – пошутил Роджер. – Я думал, на обед мы кого-нибудь подстрелим.

Она молча вытащила белый платок и встряхнула его, придирчиво разглядывая. Прежде Роджеру казалось, что Брианна пахнет жасмином и травой, теперь же – порохом, кожей и потом. Он глубоко втянул в себя эти ароматы, невольно поглаживая приклад ружья.

– Готов?

– Ага, – отозвался он.

– Тогда проверь кремень и запал. – Она встала. – А я пока привяжу мишень.

Со спины, в просторной рубаше из оленьей кожи и заплетенными в косу волосами, она была на удивление похожа на отца. Хотя их двоих все равно не спутать. В брюках или нет, у Джейми Фрейзера такой задницы не было. Роджер мысленно поздравил себя с удачным выбором инструктора.

Тесть с удовольствием дал бы ему пару уроков стрельбы. Джейми был терпеливым преподавателем; Роджер видел, как тот после ужина обучает мальчишек Чишолма. Вот только страдать от унижения под бесстрастным синим взглядом совершенно не хотелось.

Был у Роджера и скрытый мотив обратиться за помощью к Брианне. А может, не такой уж и скрытый... Клэр, например, услышав об их планах, посмотрела на дочь со столь ехидной улыбкой, что та возмущенно выпалила: «Мама!»

Не считая короткой ночи после брачного обряда, сегодня первый раз, когда он получит Брианну в полное свое владение, хоть ненадолго избавившись от общества ненасытного отпрыска.

Роджер заметил солнечный зайчик, сверкнувший на ее руке. Она носила браслет – тот самый, который он подарил, когда просил выйти за него замуж... в прошлой жизни, туманным зимним вечером в Инвернесе. По серебряному ободку вилась надпись на французском: *Un peu, beaucoup, passionnément, pas du tout* – любит, не любит, к сердцу прижмет, к черту пошлет...

– К сердцу прижмет, – пробормотал Роджер, представляя, что на Брианне ничего нет, кроме браслета и его обручального кольца.

Ладно, и до этого тоже дойдет очередь. Он взял новую гильзу. В конце концов, времени у них много.

* * *

Удостоверившись, что Роджер научился заряжать ружье (хоть и чересчур медленно), Брианна позволила ему прицелиться и наконец выстрелить.

Лишь с десятой попытки он попал в белый лоскуток платка. Когда на квадратном полотнище с краю возникло темное пятно, Роджера охватило ликование, заставившее достать новый патрон, прежде чем развеялось облачко дыма. Он не замечал ничего вокруг, ощущая лишь толчок приклада, вспышку пороха, грохот выстрела – и прилив восторга, когда на мишени появлялась новая дыра.

От платка остались одни лишь клочья, и облака дыма окутывали весь луг. Ястреб удрал с первым же выстрелом, как и прочие птицы, хотя где-то вдалеке чирикали синицы.

Наконец донельзя довольный Роджер опустил ружье и посмотрел на Брианну. Она расхохоталась.

– Ты похож на негра. Вот, вытрись, и продолжим.

Она забрала ружье, а взамен протянула чистый платок. Роджер вытер с лица сажу, а Брианна тем временем ловко прочистила ствол и зарядила. И вдруг вскинула голову, уставившись на дуб по ту сторону луга.

Роджер, изрядно оглохнувший от выстрелов, ничего не слышал, однако, приглядевшись, заметил движение среди ветвей: футах в тридцати от земли скакала темная белка.

Брианна мигом вскинула ружье и выстрелила, словно бы не целясь. Ветвь под белкой взорвалась в щепы, а сам зверек полетел на землю.

Роджер кинулся к дубу, но спешить необходимости не было: мертвая белка лежала комком серого меха.

– Отличный выстрел! – поздравил он Брианну, показывая ей трупик. – Только следов от пули не вижу – должно быть, перепугалась до смерти.

Брианна наградила его хмурым взглядом.

– Если б я хотела ее подстрелить, подстрелила бы. И ты держал бы сейчас кровавое месиво. В зверей такого размера стрелять нельзя, надо целиться чуть ниже. Это называется «снять с ветки», – снисходительно пояснила она.

– А, ясно... – Роджер проглотил недовольство. – Это тебя отец научил, да?

Брианна странно посмотрела на него, прежде чем ответить.

– Нет. Иэн.

Роджер неразборчиво хмыкнул. Двоюродного брата Брианны все любили и очень по нему скучали. Однако при Роджере о нем старались не говорить.

Не то чтобы это он был виноват, что молодой Мюррей остался с могавками, – и все же свою роль в этом сыграл. Если бы он не убил того индейца...

Уже не первый раз Роджер отмахнулся от воспоминаний о Змеином городе, но те все равно давали о себе знать холодком страха в животе и дрожью в руках – совсем как тогда, когда он ткнул концом сломанного шеста в выпрыгнувшую из ниоткуда тень...

Брианна тем временем установила на большом пне другую мишень – три чурбачка разного размера. Роджер вытер вспотевшие ладони о бриджи и сосредоточился на новой задаче. Однако Иэн Мюррей упорно не шел из головы. Хотя Роджер видел его лишь мельком, очень хорошо запомнил высокого долговязого парня, почти подростка, с простым симпатичным лицом.

Перед глазами он стоял таким, как в их последнюю встречу: с корочкой на свежих татуировках, вившихся по скулам и носу. Лицо загорелое, а только что выбритый череп – на удивление розовый, весь в красной сыпи раздражения, точно попка младенца.

– Роджер, что такое?

Вопрос Брианны застал его врасплох, и Роджер промахнулся. За последующую дюжину выстрелов ему так и не удалось поразить мишень.

Он опустил ружье.

– Что такое? – озадаченно повторила она.

Роджер глубоко вздохнул и вытер лицо, оставляя мазки сажи.

– Это из-за твоего брата... Прости за него, Бри.

Она чуть смягчилась, и тревожный взгляд прояснел.

– А...

Брианна положила руку ему на плечо и подошла ближе. Роджера окутало теплом ее тела. Вздыхнув, она прижалась лбом к его груди.

– Что ж... Мне тоже жаль. Это не твоя вина. И не моя, и не папина, и даже Иэн тут ни при чем, если уж на то пошло. – Она невесело фыркнула. – Если кто и виноват, так это Лиззи.

Роджер криво усмехнулся.

– Да, знаю. Ты права. И все же... Бри, я убил человека.

Она не дернулась, не отшатнулась – но между ними вдруг все стало совсем по-другому. Роджер это понимал, поэтому так и не хотелось ей признаваться.

– Ты не рассказывал, – неуверенно заговорила она, поднимая голову.

Брианна сомневалась, стоит ли спрашивать. Ветер кинул пряди ей в лицо.

– Я... ну, по правде говоря, я об этом не думал.

Оцепенение прошло. Брианна вздрогнула и отступила на шаг.

– Звучит ужасно, да? – Роджер мучительно подбирал слова. Он не хотел рассказывать, но нужно было оправдаться за свое неосторожное замечание. – Ночью, во время драки. Я убежал... у меня с собой был обломок пистолета. И когда из темноты кто-то выскочил, я...

Он уронил плечи – все равно не сумеет объяснить, как это случилось.

– Я не понял, что убил его, – тихо сказал он, глядя на ружье в своих руках. – И даже лица не видел. Хотя я наверняка его знал. Змеиный город был маленькой деревушкой, я знал всех *ne rononkwe*.

И почему он не спрашивал, кем был тот мертвец? Хотя и так понятно: потому что не хотел услышать ответ.

– *Ne rononkwe*? – переспросила Брианна.

– Мужчины... воины... бойцы. Так *Kahnyen'kehaka* себя называли.

Слова могавков странно ложились на язык – непривычно и в то же время знакомо. Брианна удивленно приподняла брови. Роджер понимал, какой своеобразной воспринимается сейчас его речь – он не просто использовал чужие слова, он небрежно, не задумываясь, мешал два языка... совсем как ее отец.

Роджер по-прежнему смотрел на ружье так, словно видел его впервые. Брианна нерешительно подошла ближе.

– И ты... жалеешь?

– Нет, – сразу же ответил он и поднял глаза. – Я хочу сказать... Мне жаль, что так вышло. Но я не жалею, что это сделал.

Слова, на удивление верные, текли сами собой. Роджеру и правда было жаль – но не смерти индейца, кем бы тот ни был. В Змеином городе Роджер жил рабом и не питал к могавкам особой любви. Убивать он не хотел, это была самозащита. И если придется, он опять поступил бы точно так же.

И все же его терзала вина – за то, что он легко забыл эту смерть. *Kahnyen'kehaka* воспевали своих мертвых и вечерами, сидя возле костров, восхваляли их деяния, передавая детям память о прошлых поколениях. Да и горцы делали так же. Роджер вдруг вспомнил, как Джейми Фрейзер на Сборе перечислял имена своих людей. *Встань рядом со мной, Роджер-певец, сын Джеремии Маккензи...*

Возможно, Иэн Мюррей найдет с индейцами общий язык.

В общем, Роджеру было не по себе, что он лишил индейца не только жизни, но и имени, стремясь вычеркнуть его из памяти и вести себя так, словно ничего не было.

Брианна глядела на него с состраданием. Роджер отвел глаза и увидел, что грязные пальцы оставили на полированном металле ружья черные пятна. Брианна забрала его и принялась подолом юбки стирать отметины.

Роджер молча отер руки о штаны.

– Дело в том... Тебе не кажется, что если уж убивать человека, то с какой-то целью?

Она ответила не сразу.

– Если ты застрелишь кого-нибудь из этого ружья – то намеренно, – тихо проговорила Брианна.

Она подняла взгляд – и то, что он принимал за сострадание, на самом деле оказалось яростной решимостью, полыхавшей, точно языки пламени на прогоревших дровах.

– Если ты решишь кого-нибудь убить, Роджер, то я хочу, чтобы ты знал, как это делается.

* * *

Полчаса спустя ему удалось-таки несколько раз попасть по чурбакам. Роджер крепко держал ружье, но Брианна заметила, как дрожат у него руки, удерживая длинный ствол на весу. Он опять стал мазать чаще, теперь уже от усталости.

Брианне тоже приходилось несладко. Переполненная молоком грудь ныла все сильнее.

– Давай отдохнем немного и поедим. – Она с улыбкой отобрала мушкет. – Я проголодалась.

До сих пор они не замечали холода, перезаряжая тяжелое ружье или бегая на другой конец лужайки, чтобы поправить мишень. Однако дело близилось к осени, и воздух был довольно свеж. Нагишом на траве уже не полежать. К счастью, солнце пригревало, а Брианна предусмотрительно захватила два старых одеяла.

Она любовалась тем, как Роджер длинными ловкими пальцами нарезает сыр, сосредоточенно поджигает губы, а капельки пота скатываются по загорелой щеке возле уха.

Брианна сомневалась, правильно ли поняла его рассказ. Однако хорошо, что он признался, хотя лично она предпочла бы вовсе стереть из памяти время, которое он провел у могавков. То были ужасные дни. Брианна осталась одна, беременная, родители запросто могли не вернуться... Что же пережил он?

Она потянулась за кусочком сыра, задела его пальцы – и подалась вперед, подставляя губы для поцелуя.

Роджер послушно чмокнул ее и выпрямился. Тень из светлых зеленых глаз исчезла.

– Пицца, – произнес он.

Брианна моргнула и рассмеялась. Это была такая игра: по очереди называть предметы из другого времени (прошлого или будущего, как посмотреть), которых им не хватало.

– Кока-кола, – тут же ответила она. – Пиццу я, допустим, приготовить смогу – но что за пицца без колы?

– Отлично пойдет с пивом! – заверил Роджер. – А пиво у нас есть. Лиззи, конечно, варит далеко не лагер, но все же. А ты правда сможешь приготовить пиццу?

– Почему бы нет? – Брианна откусила кусочек сыра и скривилась. – Только такой не подойдет – слишком острый. Если подумать...

Она тщательно прожевала и запила большим глотком сидра.

– Знаешь, а сидр тоже подойдет для пиццы. Сыр лучше взять овечий. Па привозил небольшую головку из Салема. Попрошу купить еще и посмотрю, как он плавится.

Она задумалась, шурясь от яркого солнца.

– У мамы есть сушеные помидоры и чеснок. И базилик... насчет орегано не знаю, обойдемся без него. А тесто... – Она небрежно махнула рукой. – Мука, вода и масло – делов-то.

Роджер рассмеялся, протягивая ей булочку с ветчиной и пикули.

– Вот так пицца и попала в Америку! – провозгласил он, торжественно приподнимая флягу с сидром. – Всегда интересно, как появились гениальные изобретения. Теперь мы знаем.

– Может, и знаем, – тихо отозвалась Брианна. – А ты не думал, зачем все это? Зачем мы здесь?

– Конечно, думал. – Глаза у него потемнели. – А ты?

Она кивнула и взяла еще одну булочку. Лук сладко пощипывал язык. Конечно, все они над этим размышляли. И она, и Роджер, и мать... Наверное, сквозь камни они прошли неспроста. И все же... Родители редко говорили о войне, но даже той малости хватало, чтобы понять, какими бессмысленными и случайными порой бывают события. Иногда смерть подстерегает человека на ровном месте.

Роджер раскрошил последний кусочек булки и бросил в сторону. С дерева слетела синица, клюнула разок, и к ней вмиг присоединилась вся стая. Глядя, как птицы с громким щебетом подчищают крошки, Роджер потянулся и лег на спину.

– Ладно, если поймешь когда-нибудь, скажи мне, хорошо?

В груди екнуло сердце, разгоняя кровь и заставляя напрячься соски. Брианна старалась не думать о Джемми; одна мысль о сыне – и молоко брызнет из груди.

Выбросив лишнее из головы, она стянула с себя рубашку.

Роджер не отрывал от нее глаз – ярких и блестящих, как мох под деревьями. Брианна распустила льняную полосу и голой кожей почувствовала холодное прикосновение ветра. Она обхватила тяжелую, налитую грудь и посмотрела на Роджера.

– Иди сюда. Быстрее. Ты мне нужен.

* * *

Они лежали, запутавшись в старом одеяле, – раздетые, сонные и липкие от полусохшего молока.

Сквозь переплетения ветвей пробивалось солнце, отчего под зажмуренными веками виляла черно-красная рябь, точно Брианна глядела сквозь кроваво-багряную воду на вулканический темный песок.

Спит ли Роджер? Она не стала поворачиваться или открывать глаза, просто мысленно, от самого сердца, послала ему сообщение. «Ты здесь?» – безмолвно спросила она. Вопрос потек от груди по рукам: Брианна воочию представляла, как он ритмично, в такт пульсу, струится по тонким синим венам, достигает ладони и, оставив легкое покалывание в кончиках пальцев, впитывается в кожу Роджера.

В ответ – ничего. Только мужское дыхание, ровное и размеренное, да ветер, шелестящий в траве океаническим прибоем.

Палец Роджера легонько, точно птичье перо, скользнул по ее ладони.

«Я здесь, – так же безмолвно ответил он. – А ты?»

Брианна сжала его руку, и Роджер повернулся к ней.

* * *

Темнело рано. До зимнего солнцестояния было еще около месяца, но после обеда, когда Роджер с Брианной пошли к дому, солнце уже катилось за Блэк-Маунтин, а тени росли все длиннее и длиннее.

Ружье несла Брианна – с тренировкой на сегодня покончено, а вот поохотиться не мешает. Нарочно дичь они не выслеживали, но если вдруг подвернется по дороге, упустить ее не стоит. Одну белку в овощном рагу и не заметишь. Вот бы попалась еще парочка... Или опоссум, например.

О повадках опоссумов Брианна знала мало. Вроде бы зимой они впадают в спячку – если так, то рассчитывать на встречу бесполезно. Хотя вот медведи еще рыскали по округе: на тропинке изредка попадался свежий помет, а из царапин на осиновой коре стекал желтый сок. Медведь, конечно, добыча славная, однако рисковать Брианне не хотелось – если только он сам нападет, что вряд ли. Если оставить медведя в покое, тебя он не тронет. Так ей говорили оба отца, и она старалась следовать их совету.

Из-под соседнего куста шрапнелью вспорхнула стая куропаток, Брианна отшатнулась и вскрикнула от неожиданности.

– Они вкусные? – кивнул Роджер на бело-серые пушистые тушки, уже исчезавшие вдали.

– Ага, – согласилась она, досадуя на свою оплошность. – Только из мушкета их не подстрелить – одни перья для подушки останутся. Нужен дробовик.

– Знаю, – коротко отозвался он.

Продолжать разговор и сбивать мирное настроение не хотелось. Грудь снова наливалась молоком и ныла. Надо торопиться домой, к Джемми.

Она невольно ускорила шаг, хотя еще были свежи воспоминания о терпком запахе сухого папоротника, солнечных лучах, игравших на загорелых плечах Роджера, и бело-золотистых капельках молока, приятно холодивших разгоряченные тела.

Она глубоко вздохнула, а Роджер тихо засмеялся.

– Мм? – повернулась она, и он указал на землю под ногами. Они шли рядом, не замечая, как их влечет друг к другу сила сродни гравитации. Тени их объединились, словно перед ними брел странный четырехногий зверь о двух головах.

Роджер обнял ее за талию – и головы тени слились в одну.

– Хороший был день, правда? – негромко спросил он.

– Да, – улыбнулась Брианна. Она хотела сказать что-то еще, когда рядом вдруг затрещали ветки.

– Что... – начал было Роджер, но она приложила палец к его губам и жестом поманила к зарослям красного дуба.

Под высоким деревом рылась стая индюшек, выискивая в опавшей листве личинок. В низких лучах заходящего солнца темные перья на груди отливали радугой.

Не отрывая взгляда от птиц, Брианна нащупала пороховницу и высыпала тонкую струйку на полку. Роджер присел рядом, настороженный, точно взявшая след гончая. Брианна протянула ему ружье, многозначительно выгибая бровь. До индеек – жирных, размером с футбольный мяч, – было всего-то футов двадцать.

Он замешкался. Она сунула ружье ему в руки и кивком указала на проплешину в кустарнике.

Роджер прокрался вперед, чтобы между ним и добычей не оказалось помех. Брианна не учила его стрелять с колена, и он рассудительно не стал экспериментировать, хотя целиться сверху было неудобно. Пальцы, до боли впившиеся в ствол, ныли.

Наконец он сделал глубокий вдох и задержал дыхание. Все последующие события слились воедино, точно произошли одновременно: грянул выстрел, под деревом взметнулся фонтанчик земли, и пятнадцать обезумевших индеек, истерично курлыча, ринулись прямо на них.

Они вломились в кустарник, увидели Роджера и, судорожно хлопая крыльями, неуклюже взлетели. Роджер пригнулся, уворачиваясь от первой птицы, но вторая врезалась ему в грудь. Он качнулся, и индейка, цепляясь за рубашку, вскочила ему на плечо и прыгнула, расцарапав когтями всю шею.

Брианна поймала на лету выпавшее ружье, выдернула пулю из патронташа на поясе и стала перезаряжать. Последняя индейка шарахнулась от Роджера, чуть не налетела на Брианну и заметалась вокруг, оглушая их обоих громкими воплями, потом наконец взмыла вслед за остальными.

Брианна повернулась, поймала черную точку в небе на прицел и выстрелила. Индейка рухнула, с ощутимым стуком приложившись о землю ярдах в сорока.

Брианна замерла на мгновение и наконец опустила ружье. Роджер, разинув рот, уставился на нее, зажимая саднящие царапины на шее. Она слабо улыбнулась, чувствуя, как взмокли руки на деревянном прикладе. Сердце запоздало забухало.

– Господи Иисусе, – потрясенно произнес Роджер. – Это же не просто везение, да?

– Ну... может, и везение, – пытаюсь быть честной, призналась Брианна. Однако горделивая улыбка, сама собой растянувшая губы, ее выдала. – Немножко.

Пока она перезаряжала ружье, Роджер сходил за добычей и вернулся с десятифунтовой увесистой птицей, истекающей кровью, точно проколотый бурдюк.

– Вот это махина! – восхитился он, любуясь красным гребнем на лысой голове и кожистой бородой. – Я таких видел разве что в ресторане, фаршированных каштанами и яблоками. Отличный выстрел!

Брианна залилась краской и, как ни подмывало ее гордо ответить: «А, пустяки, было бы о чем речь вести», ограничилась простым «спасибо».

Они направились к дому. Роджер нес птицу в вытянутой руке, чтобы не заляпаться кровью.

– А ты ведь научилась стрелять совсем недавно, – все еще под впечатлением проговорил он. – Сколько времени прошло? Месяцев шесть?

Брианне не хотелось его разочаровывать, но все-таки со смехом она сказала правду:

– Скорее уж лет десять.

– Как это?

– Папа – Фрэнк – научил меня стрелять, когда мне было десять-одиннадцать. На тридцатилетие он подарил мне ружье, а с пятнадцати мы чуть ли не каждые выходные стреляли в парке по голубям или тарелкам.

– Я думал, тебя Джейми научил. Понятия не имел, что Фрэнк Рэндалл увлекался стрельбой.

– Ну... – медленно проговорила Брианна. – Не то чтобы он увлекался...

Роджер удивленно заломил бровь.

– О, стрелять он умел, конечно. Он же во Вторую мировую служил в армии. Но с тех пор ружье почти не брал, если только мне показать, что надо делать, а потом больше наблюдал. У него даже своего собственного оружия не было.

– Странно...

– Разве?

Она подошла ближе, задев Роджера локтем, чтобы тени их снова слились.

– Знаешь, я много думала... После того, что ты рассказал на Сборе о том письме...

– О чем думала?

Она глубоко вдохнула, и льняные полосы на груди больно впились в кожу.

– О том, почему человек, который сам не ездил верхом и не любил стрелять, приложил столько сил, чтобы научить этому дочь. В наше время девочкам эти умения ни к чему. В Бостоне, по крайней мере.

Повисла тишина, только листья хрустели под ногами.

– Господи, – тихо сказал наконец Роджер. – Он искал Джейми Фрейзера. Так он говорил в письме.

– И ведь нашел. Мы только не знаем, тот ли этот Джейми Фрейзер. – Брианна внимательно глядела под ноги, опасаясь змей. Здесь водились и медянки, и гремучники – она не раз видела, как они греются на камнях или бревнах.

– И ты думаешь теперь, что еще он мог найти?

Она кивнула.

– Может, он узнал что-нибудь обо мне, – сипло сказала Брианна. – Может, он выяснил, что я прошла сквозь камни. Но тогда... почему он мне не сказал?

Роджер остановился и повернул Брианну к себе.

– А может, Фрэнк ничего не нашел. Просто подумал, вдруг ты решишь попробовать, когда узнаешь про Фрейзера. Вдруг захочешь сама выяснить, и... Неважно, что он нашел, он в любом случае хотел лишь одного: чтобы ты могла за себя постоять.

Брианна выдохнула, чувствуя странное успокоение. Она никогда не сомневалась, что Фрэнк Рэндалл и впрямь ее любит. Не стоит сомневаться в этом и сейчас.

– Да.

– Вот и славно. – Джейми нежно коснулся ее груди, где по кожаной рубашке уже расплывалось влажное пятно. – Джейми наверняка проголодался. Идем. Пора домой.

Они пошли сквозь море золотых каштановых листьев, глядя на бегущие впереди сплетенные тени.

– Как думаешь... – начала она, но тут же осеклась. Одна из теней склонила голову набок, прислушиваясь. – Как думаешь, Иэн счастлив?

– Надеюсь. – Роджер обнял ее крепче. – А если ему досталась такая же чудесная жена, то даже не сомневаюсь.

Глава 21

Орлиное зрение

– Теперь закрой левый глаз и прочитай самую мелкую строчку.

Многострадально вздохнув, Роджер прижал к левому глазу ложку и прищурил правый, вглядываясь в листок бумаги, приколотый к кухонной двери. Сам он стоял на пороге дома – лишь в этом коридоре я насчитала нужное расстояние в двадцать футов.

– «*Et tu, Brute?*»²⁹ – Он опустил ложку и выразительно изогнул брови. – Еще никогда не видел таблиц для проверки зрения с цитатами из классики.

– Просто буквы – скучно, – сказала я, переворачивая листок. – Другой глаз, пожалуйста. Какую строчку видишь?

Он прижал ложку к другому глазу, уставился на пять строчек, которые я, как могла, в нужном размере вывела печатными буквами, и медленно, по слогам, прочел третью:

– «*Не кушайте ни лука, ни чеснока*». Это еще откуда?

– Из Шекспира, конечно, – сказала я, делая пометки. – «*Да еще, возлюбленные актеры, не кушайте ни лука, ни чеснока, потому что дыхание наше должно быть приятно*»³⁰. А строчки ниже ты уже не видишь?

Я заметила, как Джейми при этом изменился в лице. Они с Брианной стояли на крыльце позади Роджера и с интересом наблюдали за нашими упражнениями. Брианна тревожно подавалась вперед, переживая за мужа.

Джейми же, казалось, был удивлен – а еще испытывал легкую жалость вперемешку с самодовольством. Сам-то он, судя по всему, пятую строку прочитать мог: «*Я чествую его*». Из «Юлия Цезаря»: «*Так как он был отважен, я чествую его; так как он был властолюбив, я убил его*»³¹.

Перехватив мой взгляд, он тут же принял прежний непринужденный вид. Я прищурилась: «Тебе меня не одурачить», и он отвел глаза, дернув уголком рта.

– Что, совсем не видишь? – Брианна подавалась вперед и пристально уставилась на листок, потом перевела полный надежды взгляд на мужа. Очевидно, она тоже могла прочитать две нижних строки.

– Нет, – выдавил тот не сразу. Роджер согласился по моей просьбе проверить зрение, но с большой неохотой. – Еще что-нибудь?

Он нетерпеливо хлопал ложкой по ладони.

– Только парочка упражнений. Идем туда, там свет лучше.

Взяв его под локоть, я повела Роджера в медицинский кабинет, через плечо свирепо покосившись на Джейми и Бри.

– Брианна, может, пора уже накрывать на стол? Мы быстро.

Она замешкалась, однако Джейми положил руку ей на плечо и что-то негромко сказал. Брианна кивнула, бросила на Роджера еще один тревожный взгляд и ушла. Джейми примирительно пожал плечами и последовал за ней.

Роджер стоял посреди операционной с видом медведя, заслышавшего лай гончих, – вроде как настороже, но при этом донельзя раздраженный.

– Ничего не надо, – сказал он, когда я закрыла дверь. – Я прекрасно вижу. Просто стреляю пока из рук вон плохо.

²⁹ И ты, Брут? (лат.)

³⁰ В. Шекспир «Сон в летнюю ночь» (пер. Н. М. Сатина).

³¹ В. Шекспир «Юлий Цезарь» (пер. П. Козлова).

– Разумеется, – заверила я. – Мы сейчас быстренько проверим, и все... по правде говоря, мне самой интересно.

Я заставила его сесть, за неимением фонарика зажгла свечу и поднесла ее к лицу Роджера, чтобы проверить зрачки. Какие у него все-таки красивые глаза – не карие, а чисто-зеленые, в тени кажутся почти черными, а на свету – удивительно яркими. Даже мурашки по коже... Особенно у тех, кто знал Гейлис Дункан и видел, как в точно таких же глазах плясало безумие.

Он моргнул, темные ресницы взметнулись, и пугающее сходство исчезло. Эти глаза были красивы – но совершенно спокойны и ясны. Я улыбнулась, и Роджер невольно улыбнулся в ответ.

Я принялась водить свечой перед его лицом: верх, вниз, налево, направо, – попросив следить за пламенем. Раз ничего особенного не требовалось, Роджер разжал кулаки.

– Очень хорошо, – с той же легкостью сказала я. – Да, отлично. Вверх посмотри, пожалуйста. А теперь вниз, в угол окна. Угу... И на меня. Видишь палец? Хорошо, закрой левый глаз и скажи, сдвинулся ли он. Ага...

Наконец я задула свечу и с тихим стоном разогнула затекшую спину.

– Итак, ваш вердикт, госпожа врач? Мне скоро понадобятся трость и черные очки?

Роджер рукой развеял облачко дыма, оставшееся от свечи, пытаясь шутить, но напряженные плечи его выдавали.

Я рассмеялась.

– Нет, собаку-поводыря пока тренировать не будем. Хотя... ты сказал, что не видел таких таблиц для проверки зрения. А обычные, с буквами, видел? Ты в детстве носил очки?

Роджер задумчиво свел брови.

– Да, было дело. Лет в семь или восемь. В них было ужасно неудобно, а еще постоянно болела голова. Так что я их все время терял. Только купят новые, и я тут же, буквально через час, забывал их то в автобусе, то в школе. После третьей пары отец смирился. – Он пожал плечами. – Если честно, не помню, чтобы они были так уж мне нужны.

– Да, сейчас они тебе уже не нужны.

– Вы это о чем?

– У тебя небольшая близорукость на левый глаз. – Я потерла переносицу, словно поправляя очки. – Дай угадаю: в школе ты отлично играл в футбол или хоккей, а вот с теннисом дела не складывались?

Он расхохотался.

– Теннис? В школе Инвернесса? Это же спорт для слабаков южан! Мы его так и называли – игра для педиков. Но я понял, о чем вы. Да, правильно, я хорошо играл в футбол, а в крикет не очень. А что?

– У тебя нет бинокулярного зрения. Скорее всего, в детстве это заметили и пытались исправить с помощью специальных очков... но к тому времени было уже поздно, – поспешно добавила я. – Действовать надо было раньше, лет до пяти.

– У меня нет... бинокулярного зрения? Что это значит? Я прекрасно вижу...

Роджер уставился на свою ладонь, поочередно закрывая то один глаз, то другой, словно пытаясь найти ответ в переплетениях линий.

– Глаза видят отлично, – заверила я. – Просто изображение не сливается в одно. Заболевание, кстати, очень распространенное, а многие люди о нем даже не знают. Это значит, что мозг не может объединить две картинки, создав трехмерный образ.

– То есть я не воспринимаю объемные изображения?

Роджер глядел на меня, щурясь, – словно ждал, что я вот-вот плоской картинкой сравнюсь со стеной.

– Ну, у меня нет инструментов окулиста... – Я махнула рукой, указывая на свечной огарок, ложку, нарисованные от руки картинки и деревянные палочки, которые составляли весь мой нехитрый инструментарий. – Да и на офтальмолога не училась...

Мои объяснения Роджер выслушал спокойно. Зрение у него было острым. Но раз мозг не мог правильно воспринимать информацию, значит, ему приходилось оценивать расстояние до объектов, лишь сравнивая их размеры друг с другом. Следовательно...

– Видишь ты отлично, – успокоила я. – И скорее всего, легко научишься стрелять, потому что, когда целятся, один глаз все равно закрывают. А вот со стрельбой по движущейся мишени могут возникнуть сложности. Ты видишь цель, однако без бинокулярного зрения не поймешь, в какую именно точку надо стрелять.

– Понятно... То есть если дойдет до драки, лучше полагаться на кулаки, так?

– По моему скромному опыту, шотландцы почти все конфликты решают именно кулаками. Ружья или арбалеты нужны лишь на случай войны, и то для убийства они предпочитают сабли. По крайней мере, так уверяет Джейми.

Роджер насмешливо хмыкнул. Он сидел спокойно, обдумывая мои слова, пока я наводила порядок. Из кухни доносился лязг посуды и шкворчание сала – а еще восхитительный аромат жареного лука и бекона.

Ужин готовили на скорую руку – миссис Баг весь день собирала поклажу для похода. Однако даже простейшие ее блюда были весьма аппетитны.

За стеной раздались приглушенные голоса: внезапный вопль Джемми, краткое восклицание Брианны, потом какая-то реплика от Лиззи и, наконец, низкое бормотание Джейми, успокаивающего ребенка, пока Бри и Лиззи накрывали на стол.

Роджер тоже их слышал, потому что повернулся на звуки.

– Какая у вас чудесная дочь, – с легкой улыбкой пробормотал он. – Может сама убить дичь и сама приготовить ее на ужин. Это хорошо... Потому что я-то много мяса добыть не сумею.

– Пф-ф-ф, – бодро объявила я, пытаюсь избавить его от ненужных сожалений. – Я в жизни не держала ружье, а обед готовлю каждый день. Если тебе так хочется кого-нибудь прикончить, к твоим услугам цыплята, гуси и свиньи. А если поймашь белую свиноматку, пока она не срыла весь дом, так и вовсе станешь героем.

Роджер криво усмехнулся.

– Думаю, чувство собственного достоинства рано или поздно ко мне вернется. Вопрос, как теперь рассказать о моей проблеме нашим стрелкам. – Он качнул подбородком в сторону кухни. – Теперь будут видеть во мне безногого калеку.

Я засмеялась, убирая в шкаф чистую ступку.

– Бри за тебя волнуется из-за регуляторов. Однако Джейми считает, что в походе это умение тебе все равно ни к чему. Скорее всего, обойдется без стрельбы. Кроме того, у хищных птиц вовсе нет бинокулярного зрения, – добавила я. – Только у сов. А у ястребов и орлов глаза расположены по разные стороны черепа. Поэтому скажи Бри и Джейми, что у тебя орлиное зрение.

Расхохотавшись, Роджер встал, отряхивая полы пальто.

– Точно, так и сделаю.

Он услужливо открыл передо мной дверь, но, когда я выходила, придержал за руку.

– Бинокулярное зрение... Оно ведь врожденное, так?

Я кивнула.

– Да, почти всегда.

Роджер медлил, не зная, как выразить свою мысль.

– А оно... передается детям? Мой отец служил в ВВС, у него такой проблемы быть не могло, а вот мать носила очки. Они висели на цепочке у нее на шее, я помню, как с ними играл. Вдруг мне это от нее досталось...

Я поджала губы, пытаюсь вспомнить, что знаю о наследственных заболеваниях глаз, однако на ум ничего не шло.

– Не могу сказать. Может, и так. А может, и нет. А что, ты волнуешься за Джемми?

Роджер неумело пытался скрыть разочарование.

– Нет, не волнуюсь. Просто подумал... если оно наследственное и у парня тоже есть, я бы тогда знал, что...

В коридоре вкусно пахло беличьим рагу и свежим хлебом, а я изрядно проголодалась – но все равно стояла на месте, глядя на Роджера.

– Не то чтобы я желал парнишке таких проблем, – поспешил он добавить. – Ни в коем случае! Просто если бы было так... – Роджер замолк и, нервно сглотнув, отвел взгляд. – Только, пожалуйста, Бри ничего не говорите.

Я легонько тронула его за руку.

– Думаю, она и сама понимает. Ты просто хочешь знать наверняка.

Он смотрел на кухонную дверь, за которой Бри напевала «Клементину» под веселое лепетание сына.

– Одно дело – понимать. И совсем другое – слышать своими ушами.

Глава 22

Огненный крест

Мужчины ушли. Джейми, Роджер, мистер Чишолм и его сыновья, братья Маклауды... они исчезли еще до рассвета, оставив лишь крошки от торопливого завтрака да грязные следы на крыльце.

Джейми вставал и одевался так тихо, что редко меня будил. Обычно целовал перед уходом и шептал на ухо пару ласковых слов; его прикосновения и запах вплетались в мои сны.

Сегодня он меня не разбудил.

Эта миссия досталась мальчишкам Чишолм и Маклауд, которые на рассвете затеяли битву под моим окном.

Оглушенная криками, я подпрыгнула на кровати и невольно зашарила вокруг в поисках шприца и марлевых тампонов. На мгновение показалось, будто я снова в больнице. Тут я учуяла запах дыма, а не спирта и медикаментов, и увидела помятое сине-желтое одеяло, одежду, мирно висящую на колышках, и полузакрытые ставни, из-под которых пробивался бледный солнечный свет. Дома. Я дома, в Ридже.

Внизу распахнулась дверь, и крики затихли, сменившись топотом и приглушенным смехом.

– Вот так-то, – довольно заявила миссис Баг, разогнавшая бунтовщиков. Дверь хлопнула – и скрип дерева с лязгом стального засова возвестил о начале нового дня.

Спустившись, я обнаружила, как эта милая женщина жарит тосты, варит кашу и при этом громко сетует на беспорядок, царивший в кухне. Ее возмущала не сама грязь – чего еще ждать от мужчин? – а то, что Джейми ее не разбудил, чтобы она приготовила им приличный завтрак.

– Как же он выдержит дорогу? – кипятилась миссис Баг, укоряюще помахивая вилкой. – Такой крупный солидный мужчина – а уехал, перекусив на скорую руку черствой лепешкой и глотком молока?!

Бросив сонный взгляд на гору грязной посуды, я прикинула, что «крупный солидный мужчина» и его спутники слопали не меньше двух дюжин кукурузных булочек, целую буханку хлеба с фунтом свежего масла, банку меда, миску изюма и ведро парного молока.

– Вряд ли он так уж голоден, – пробормотала я. – А кофе готов?

Старшие дети Чишолма и Маклауда спали в кухне. Они давно проснулись, и возле скамьи теперь лежала горка одеял. Запахи еды тем временем растекались по дому, и сверху тоже

послышался шум – вставали женщины с младшими детишками. В окнах замелькали любопытные личики.

– А вы отмыли свои грязные лапы, а, маленькие дикари? – рыкнула миссис Баг. Она указала ложкой из-под каши на лавки возле стола. – Если да, заходите и садитесь. И только попробуйте не вытереть ноги!

В мгновение ока все скамьи и стулья были заняты; миссис Чишолм, миссис Маклауд и миссис Аберфельд, позевывая, принялись поправлять своему потомству рубашки и платки, вытирать обслонявленными пальцами грязные щеки и приглаживать растрепанные волосы.

Миссис Баг порхала между столом и очагом, торопясь накормить десяток голодных ртов. Должно быть, в прошлой жизни она была синицей.

– Вы утром видели Джейми? – спросила я, когда она снова взялась за чайник, в другой руке держа большую колбаску.

– Увы, нет, – покачала та головой. – Я не знала, что они уходят. Слышала, как мой старик поднялся, но решила, он просто в уборную идет. Однако он так и не вернулся, а когда я встала, оказалось, что все уже ушли... Эй, положи на место!

Заметив, как шестилетний Маклауд тянется к банке с джемом, миссис Баг огрела его колбаской.

– Может, на охоту пошли? – робко предположила миссис Аберфельд, кормя овсянкой маленькую дочку. Женщине было лет девятнадцать, и она ужасно стеснялась более зрелых товарок.

– Лучше бы нарубили леса и занялись стройкой. – Миссис Маклауд подняла ребенка к плечу и похлопала по спинке. Откинув с лица прядь седых волос, она криво усмехнулась. – Не подумайте ничего, миссис Фрейзер, мы ценим ваше гостеприимство, но не хотелось бы всю зиму путаться у вас под ногами. Джорджи! А ну оставь сестру в покое, не то пожалеешь!

Я, будучи не в лучшем расположении духа, сонно пробормотала в ответ что-то вежливое. Мне тоже не улыбалась мысль привечать в своем доме с десяток человек.

В письме губернатора заявлялся недвусмысленный приказ: все здоровые мужчины должны вступить в ряды милиции и к середине декабря явиться в Солсбери. Тут уж не до стройки. Впрочем, надеюсь, Джейми что-нибудь придумает. А то котенок все время прятался в моем шкафу с медицинскими инструментами, а кухня каждое утро походила на полотно Иеронима Босха.

Зато воздух прогревался быстрее, и теперь здесь было тепло и шумно. В такой толпе я не сразу заметила лишние лица.

– Ты что тут делаешь? – поразила я, увидев в углу свою дочь, завернувшуюся в пыльный плед.

Она сонно моргнула и поправила Джемми, увлеченно сосущего молоко, невзирая на шум и суету.

– Посреди ночи к нам заявились Мюллеры. Восемь человек. Они плохо говорят по-английски, но, как я поняла, их па позвал.

– Правда? – Я потянулась за кусочком пирога с изюмом, уведя его из-под носа юного Чишолма. – Они все еще здесь?

– Угу... Спасибо, мама. – Она взяла у меня половинку пирога. – Да. Па забрал Роджера до рассвета, но Мюллеры ему, судя по всему, пока не нужны. Когда Роджер ушел, старый Мюллер поднялся с пола, сказал: «Bitte, Maedle» – и лег рядом со мной. – Брианна залилась румянцем. – Так что я решила прийти сюда.

– О. – Я не сдержала улыбки. – Это, наверное, Герхард.

Старик фермер не понимал, почему должен морозить кости на твердом полу, если в теплой кровати есть место.

– Наверное, – пробурчала Брианна, набив рот. – Я знаю, он безобидный, но все же...

– Да уж, – иронично согласилась я.

Герхард Мюллер был патриархом большой семьи немцев, жившей между Риджем и Салемом. И безобидным этого человека я бы не назвала.

Джейми рассказывал о скальпах, прибитых к двери его сарая. Женских скальпах, с длинными черными волосами. «Совсем как живые, – сказал тогда Джейми. – Словно птицы, припиленные к стене». А белый скальп Герхард принес мне, завернув в тряпку, намокшую от крови... Нет, он вовсе не безобидный. Я сглотнула, проталкивая пирог в пересохшее горло.

– Как бы там ни было, они явно голодны, – объявила миссис Чишолм. Она держала в руках соломенную куколку, мокрую пеленку и извивающегося младенца – и при этом умудрялась потягивать кофе. – Надо бы прибраться здесь, пока немцы не учуяли завтрак и не стали ломиться в дверь.

– А нам есть чем их кормить? – встревожилась я, припоминая, сколько мяса осталось в копильне. Еще две недели гостеприимства – и запасы растают как дым.

– Конечно, есть, – бодро заявила миссис Баг, ворочая ломтики колбасы на шипящей сковородке. – Сейчас все доделаю, и можете их звать. Ну-ка ты, *muirnin*³², – она постучала лопаткой по плечу восьмилетней девочки. – Сбегай в подвал, принеси картофеля. Немцы картофель любят.

Я доела кашу и принялась собирать грязные чашки, а миссис Баг безжалостно выметала с кухни мусор и детей, выдавая при этом десятки поручений Лиззи и миссис Аберфельд – кажется, молодую маму звали Рут, – судя по всему, назначив их своими помощницами.

– Давайте помогу... – начала я робко, но миссис Баг покачала головой и взмахнула метлой в мою сторону.

– Забудьте, миссис Фрейзер! У вас и так достаточно дел... Эй! Куда это вы на чистую кухню в грязных сапожищах?! Вон отсюда, и не вздумайте показываться, пока не оботрете их как следует!

Герхард Мюллер в сопровождении детей и племянников в замешательстве застыл у порога. Миссис Баг, ничуть не смущаясь разницы ни в языке, ни в росте (он был выше на целую голову), скорчила гримасу и яростно указала метлой на его сапоги.

Я приветливо махнула ему рукой и, воспользовавшись моментом, сбежала.

* * *

Итоги инвентаризации погреба меня подбодрили. К счастью, все оказалось не так плохо, как я думала: запасов должно хватить на зиму, хотя щедрую руку миссис Баг придется-таки ограничить.

Кроме четырех окороков, там нашлись копченые бока, целая полка сушеной оленины и половина свежей туши. Под закопченной крышей гроздьями уродливых цветов висели большие связки потрошеной рыбы. Соленая хранилась в десятке бочек, еще в четырех – свинина. В большом глиняном кувшине – топленое сало; в тех, что поменьше, – нутряной жир и зельц... Насчет последнего я, правда, сомневалась.

Зельц я делала по рецепту одной из женщин Мюллеров в переводе Джейми – но никогда прежде его не видела и не была уверена, что он должен выглядеть именно так. Я подняла крышку и принялась; тухлятиной вроде не пахло, только чесноком и перцем. Надеюсь, от отравления трупным ядом мы не умрем, хотя, пожалуй, первым я угощу Герхарда Мюллера.

– Как вы можете привечать этого злодея? – ужаснулась в свое время Марсали, когда Герхард с сыновьями пару месяцев назад наведывался в Ридж. Зная о судьбе индианок, она с отвращением разглядывала немцев.

³² Дорогая (гэльск.).

– А что мне делать? – возмутился в ответ Джейми, не донеся ложку ко рту. – Перестрелять всех Мюллеров, потому что одним Герхардом дело не обойдется, и прибить их скальпы к своему сараю? Боюсь, перестанут доиться коровы.

Марсали, не оценив шутку, сердито нахмурила брови.

– Пусть так. Но принимать их в своем доме, словно друзей!.. – Она перевела взгляд на меня. – Женщины, которых он убил... они же были вашими подругами!

Я переглянулась с Джейми и пожала плечами. Он помолчал, медленно помешивая суп, чтобы собраться с мыслями.

– Герхард совершил ужасный поступок. Но он мстил. Мне тоже следует ему мстить?

– Нет, – тут же отозвался Фергус. Он взял Марсали за руку, не давая ей продолжить спор, и ласково улыбнулся жене. – Французы никогда не ищут мести.

– Не все, – пробормотала я, вспоминая графа Сен-Жермена.

Марсали, однако, не хотела сдаваться.

– Хмм... Вы так говорите, потому что лично вас это не затронуло, да? – Джейми удивленно нахмурился, и она пояснила: – Те женщины... Если бы на их месте была ваша семья? Я, Лиззи, Брианна...

– Тогда я бы вмешался, – ровно произнес Джейми. – Но то была семья Герхарда.

Он встал из-за стола, оставив суп недоеденным.

– Фергус, ты все?

Тот поднял миску и допил содержимое через край, дергая кадыком на загорелом горле.

– *Oui*. – Он вытер рот рукавом. Встал и дернул Марсали за прядку светлых волос, выбившихся из-под чепчика. – Не переживай, *chéri*. Если кому приглянется твой скальп, я сделаю из его мошонки кисет для табака.

Марсали раздраженно фыркнула и хлопнула мужа по руке, но разговор о Герхарде Мюллере больше не заводила.

Я подняла тяжелый кувшин с зельцем и поставила возле двери, чтобы не забыть на обратной дороге. Интересно, приехал ли с Герхардом его сын, Фредерик? Скорее всего, да, парню уже лет двадцать, в таком возрасте жаждут приключений. Молодая жена Фредерика и их новорожденный сын умерли от кори – а Герхард решил, что заразу на их дом наслали индейцы.

Нашел ли Фредерик себе новую жену? Наверное. А если нет... Среди приехавших недавно арендаторов есть две молоденькие девушки. И Лиззи, само собой. Возможно, Джейми захочет подобрать им мужа.

Ларь с кукурузой был полон на три четверти, вот только мышиный помет вокруг навевал неприятные мысли. Муки маловато – всего восемь мешков. Надо попросить Джейми съездить на мельницу...

Еще мешок риса и бобов, по бушелю кедровых, грецких и серых орехов. Горка сушеной тыквы, мешок овсяной и кукурузной муки, по галлону яблочного сидра и уксуса. Кувшин соленого сливочного масла, еще один – свежего, корзина круглых козьих сыров, выменянных на ежевику и смородину. Остальные ягоды я засушила вместе с диким виноградом или сварила из них варенье, припрятав в кладовой, подальше от детей.

Мед. Я замерла, поджимая губы. Двадцать галлонов чистого меда, а еще четыре банки с сотами, которые ждали своей очереди переплавиться в свечи. Все это хранилось в «родильном» загоне, куда не могли добраться медведи. Вот только там частенько бывали дети, чтобы покормить животных. Подозрительно липких мордашек и рук я пока не замечала, но надо бы предупредить возможные набеги.

Судя по запасам, голодать нам зимой не придется. Меня больше волновала нехватка витаминов. Каштановая роща совсем осыпалась. Свежей зелени мы не увидим еще месяца четыре, хотя на грядках у меня оставались репа и капуста.

Погреб под домом был полон. В нем пахло землистым картофелем и сладкой репой с едкими нотками лука и чеснока. У задней стены стояли две большие бочки с яблоками, возле которой виднелись отпечатки детских ног.

На стропилах висел дикий виноград, медленно превращающийся в изюм. Ягод было много, хотя нижнюю часть гроздьев уже общипали до голых стеблей. В общем, цинги нам можно не бояться.

Я побрела домой, пытаясь посчитать про себя, сколько продуктов выделить Джейми для его милиции, а сколько – оставить женщинам и детям. Пока сложно сказать, все зависит от того, большой ли отряд он соберет и возьмут ли мужчины свои собственные припасы. Хотя полковником был Джейми, и именно ему надлежит кормить людей, надеясь в будущем когда-нибудь получить компенсацию.

Не в первый раз я пожалела, что знаю о революции так мало. Долго ли еще просуществует Ассамблея?

Брианна медленно расхаживала вокруг колодца, сосредоточенно шевеля бровями.

– Сейчас делают металлические трубы? – спросила она. – У римлян они были, но...

– В Париже и Эдинбурге я их видела, по ним отводили дождевую воду с крыш. Правда, в колониях не встречала; если они здесь и есть, то стоят баснословно дорого.

Как и другие металлические изделия, вроде подков и гвоздей, привозимые из далекой Британии.

– Хмм... По крайней мере, люди знают, что это такое. – Она прищурилась, вычисляя угол наклона между колодцем и домом. – Я могла бы сделать насос. Как-нибудь провести воду. – Она зевнула, сонно моргая от яркого света. – Боже, как я устала. Джемми ревел всю ночь, а едва он успокоился, заявили Мюллеры. Кажется, я вообще не спала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.